АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р.

ИЗВЕСТИЯ
КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
в Тифлисе

Том III

ACADÉMIE DES SCIENCES DE U. S. S. R.

BULLETIN
DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHEOLOGIE
À TIFLIS

Tome III

ТИФЛИС 1925 TIFLIS

СБОРНИК

К 200-ЛЕТИЮ

АКАДЕМИИ НАУК

АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р.

ИЗВЕСТИЯ
КАВКАЗСКОГО
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

в Тифлисе

Том III

—

ACADÉMIE DES SCIENCES DE U.S.S.R.

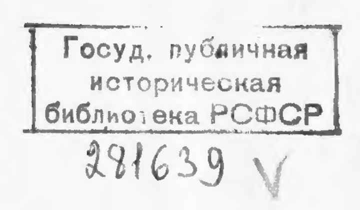
BULLETIN
DE L'INSTITUT CAUCASIEN
D'HISTOIRE ET D'ARCHEOLOGIE

À TIFLIS

Tome III

ТИФЛИС 1925 TIFLIS

Этот том набран и напечатан в 3-й типографии полиграфтреста ВСНХ С.С.Р. Грузии (Тифлис, Колубанская 3), где заведывающим был Н. Мкртычян, фактором А. Чинчарадзе, заведующим машинным отделением Н. Сидоренко и переплетной П. Копадзе; набирали: А. Лабутин (метранпаж) и Н. Гусев.

Напечатано по постановлению Собрания ученых членов Кавказского Историко-Археологического Института 4/V, 1925 г.

Ученый секретарь *Д. Гордеев.*

Начато набором 1/VII 1925 г.—Окончено печатанием 28/VIII 1925 г.

Заказ № 2116. Главлит С.С.Р. Грузии № 1277. Тираж 700 экз.

Оглавление

Sommaire

Заглавие, отмеченное звездочкою *, является переводом заглавия оригинала.
Le titre désigné par un astérisque * présente la traduction du titre original.

СПИСОК ТАБЛИЦ.

Настоящий—III—том „Известий" Кавказского Историко-Археологического Института как по объему, так и по содержанию издается несколько отличным от обычных, как напр. вышедшего в 1923 г. в Петрограде (Ленинграде) I-го и имеющих впредь выйти II-го (печатается в Ленинграде) и намечаемого IV-го томов. Факт этот, само собой понятно, объясняется тем, что к участию в данном томе, в связи с приурочением его к 200-летнему юбилею Академии Наук, привлечено значительно бо́льшее число лиц, чем это могло-бы иметь место при издании ординарного тома, и именно в соответствии с постановлением Собрания ученых членов Института от 4 мая с. г., одобренным академиком-руководителем.

В предлежащем томе или сборнике статей, приуроченном к юбилею Академии Наук, по мере возможности, принимают участие почти все сотрудники Института, т. е. лица, которые так или иначе связаны или когда-либо связаны были с ним, за исключением тех из отсутствующих, приглашение коих было неосуществимым. Это, прежде всего, весь основной кадр, т. е. штатный состав Ин-та, как-то: *Д. П. Гордеев, С. Н. Какабадзе, М. Г. Калашников, С. Д. Лисициан* (Эривань), *Л. М. Меликсет-Беков, С. В. Тер-Аветисян* и *Г. Ф. Чурсин;* затем бывшие штатные сотрудники—д. член *Г. Н. Чубинашвили* и адъюнкт *С. Ф. Тиранян* (Эривань), члены-сотрудники (сверхштатные): *В. М. Зуммер* (Баку), *Е. Е. Лансере, Е. А. Пахомов* (Баку) и *М. А. Полиевктов,* и фотограф (сверхштатный) *В. А. Порошин.* Кроме того, в сборнике, по особому приглашению, участвует член-корреспондент Академии Наук *Г. Ф. Церетели,* как единственный в Тифлисе представитель названной Академии и сотрудник Ин-та.

Что касается работы покойного *Д. А. Кипшидзе,* то она включена в сборник как отчет по первой, выполненной от Института, научной командировке, каковой отчет является, до известной степени, отправной точкой для очередных работ Ин-та по кабинету истории искусств в деле исследования памятников соответствующего района (Самцхэ-Саат'абаго). Специально юбилеем *Академии* вызвана соответствующая работа *М. А. Полиевктова,* посвященная вопросу о пленении и смерти на Кавказе в 1774 г. *академика* С.-Г.-Г. Гмелина, одного из первых из числа европейских и русских академических деятелей, посетивших Кавказ с научною целью.

Работа академика-руководителя и директора Института *Н. Я. Марра,* подоспевшая только к самому концу печатания сборника, не могла быть в него включена исключительно вследствие технических затруднений

(большой объем статьи, сложность набора и отсутствие специальных обозначений в тифлисских типографиях), почему и пришлось ее выделить в специальное издание, имеющее выйти дополнительно, в виде *приложения* к настоящему сборнику, по возможности, в ближайшее время.

Вместе с тем, приходится крайне сожалеть, что Институт лишен был возможности украсить страницы сего тома работою своего почетного члена, академика *В. В. Бартольда,* который, одним из первых откликнувшись на приглашение Ин-та об участии в сборнике, несмотря на нахождение его в командировке в Туркестан, из Ташкента выслал нам намеченную к печати статью, которая, однако, по неизвестной причине, до сих пор в Тифлисе не получена.

Институт не жалел ни сил, ни средств, дабы придать сборнику и с внутренней, и с внешней стороны надлежащий вид, и если многое в этом отношении ему не удалось, то вся вина за это падает на условия полиграфического производства в Тифлисе, когда, в виду плохой оборудованности местных типографий, за шрифтами (церк.-грузинским, латинским и армянским) приходилось бегать по разным типографиям и подбирать их там ценою безконечных хлопот. Не говорим уже о той поспешности, с какою сборник печатался, в условиях каникулярного времени, что, между прочим, отразилось на порядке распределения материала, который в сборнике размещен не по степени важности или в зависимости от того или иного характера статей, а только по мере поступления таковых и, что главное, применительно к чисто техническим возможностям. Техническими условиями объясняются, между прочим, и некоторые отклонения от первоначально намечавшейся программы сборника.

В заключение, считаем приятным долгом выразить Совету Народных Комиссаров З.С.Ф.С.Р. глубокую благодарность и признательность за оказанную им материальную поддержку, выразившуюся в отпуске тысячи рублей на расходы по изданию настоящего сборника, благодаря чему Институт получил возможность сделать, ко дню славного юбилея, свое скромное подношение тому высокому ученому установлению, филиалом которого на Кавказе он является.

Редакция.

Тифлис, 25/VIII 1925 г.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Азербайджанские курды *.

(Этнографические заметки).

Летом 1924 г. Закавказской Научной Ассоциацией при ЗакЦИК'е была организована научная экспедиция для обследования Нагорного Карабаха, Курдистанского уезда и Зангезура. Мне было поручено руководство экспедицией и собирание сведений по этнографии армян Зангезура. При объезде Курдистанского уезда я собрал также некоторые материалы по этнографии курдов. Так как курды Азербайджанского Курдистана оставались до сих пор совершенно неизученными, я позволяю себе думать, что собранные мною сведения могут представить некоторый интерес.

В виду ограниченности предоставленного для статьи места, я остановлюсь лишь на некоторых сторонах быта и обычаев курдов, откладывая опубликование остальных материалов до другого случая. Те же тесные рамки статьи заставляют меня воздержаться от сопоставлений обычаев и воззрений курдов с аналогичными явлениями из быта других народов.

Большею частью собранных мною этнографических сведений я обязан инструктору школ Курдистанского уезда Самеду Шахсуварову, с большою готовностью принявшему горячее участие в моей работе. Приношу ему здесь искреннюю благодарность. Шахсуваров—курд, уроженец сел. Минкенд, где, главным образом, и производились мои наблюдения и записи.

Общий очерк.

Курдистанский уезд, как особая административная единица, образован в 1923 г. из населенных преимущественно курдами частей бывш. Шушинского, Джеванширского и Кубатлинского уездов Азер-

* Из доклада, читанного на Собрании ученых членов КИАИ 9/XII, 1924.

байджана. Территория Курдистанского уезда—3.105 кв. верст; население—44 тыс. душ об. п., из них свыше 35 тыс., или 80,7% составляют курды и 19,3% азербайджанские тюрки. Время водворения курдов в районе нынешнего Курдистанского уезда в точности неизвестно. Предполагают, что во время турецко-персидской войны 1589 г. курды находились в числе турецких войск и, как победители, остались на занимаемых ныне местах. Затем, когда эти места снова перешли под власть персов, здешние курды подпали под влияние персидской культуры. Это влияние сказывается, между прочим, в том, что все здешние курды—шииты, тогда как курды Армении—сунниты или езиды.

Живя в течение нескольких столетий среди тюркского населения, курды нынешнего Курдистанского уезда успели в значительной степени утратить родной язык (наречие курманджи) и усвоить тюркский. В настоящее время только около половины курдов уезда знает курдский языкъ (наречие курманджи); остальные говорят исключительно на тюркском языке (азербайджанское наречие).

Влияние окружающей тюркской среды, а равно и условий хозяйственного быта заметно отразилось также на различных сторонах материального и духовного быта курдов.

Главное занятие курдов Курдистанского уезда—земледелие. В глазах здешнего курда земледелие—самое святое дело. Только в третьем (северном) участке уезда, где имеется достаточная площадь летних пастбищ, преобладающим занятием части населения остается скотоводство. Земледелием курды занимаются уже давно; перейти к земледелию вынудил их недостаток пастбищ. В связи с земледелием курдам пришлось оставить кочевой образ жизни и перейти местами к полуоседлому, а местами к оседлому быту. Вследствие недостатка удобных для пахоты земель во втором и третьем участках Курдистана собственного хлеба в большинстве районов хватает не больше, как на 3—4 месяца, и три четверти населения вынуждены уходить на зиму в низменные районы Агдамского уезда и Карабаха и оставаться там до весны в качестве батраков у местных хозяев, или же на отхожие промысла.

Техника земледелия примитивная. Пашут деревянной сохой (джют); сеют рукою из полы платья; после посева производят заделку почвы волокушей (мяла), состоящей из прутьев, прикрепленных к поперечной доске; молотят общепринятой во многих местностях Кавказа мо-

лотильной деревянной доской (вель) со вбитыми с нижней стороны осколками камней. Зерно хранят в земляных ямах (кую) или деревянных закромах.

В связи со скотоводством, в довоенное время было более или менее развито кустарное производство ковров, паласов, хурджинов и пр. Во время мировой войны и революции ковровое производство в Курдистане прекратилось вследствие отсутствия красок и прекращения сбыта изделий.

Однимъ из любимых занятий курдов является пчеловодство, для которого здесь имеются самые благоприятные условия. Небольшие пасеки встречаются во всех селениях, у многих хозяев, но дело ведется крайне примитивно: улья – дуплянки, выдолбленные из обрубков дерева, или сшитые лыком изъ древесной коры. Эти дуплянки складываются где-нибудь под навесом,—таков типичный образчик курдской пасеки.

Торговлей курды не занимаются и считают ее делом предосудительным.

Жилища курдов в наиболее культурных селениях (напр., Минкенд) — каменные дома. обычно же полуземлянки или землянки, с плоскими, засыпанными землей крышами. Часть населения живет в пещерах, выдолбленных в осадочных породах (песчаник). Посреди дома, на земле—очаг, а над ним в крыше дыра для выхода дыма. В задней части дома нередко помещаются телята. Стены дома внутри закопчены дымом. Внутренняя обстановка жилищ бедна и убога. Мебель отсутствует. Спят на полу, на грязной постели. Посуда и утварь: деревянные кадки, чашки, кожаные мешки, каменная ступка для чеснока, перца и пр.

Пища преимущественно молочная: молоко, мацони, сыр, отчасти масло. Мясо — редкое лакомство. Хлеб—ячменные лепешки или пшеничный лаваш. Но так как хлеба обыкновенно не хватает, его заменяют различными травами: щавелем, который сушится на зиму большими связками, а затем варится в пищу, крапивой, иол-оту („дорожная трава“) и т. п.

Родового устройства, аширетов среди курдов Азербайджана не существует. Сохранились лишь пережитки родового строя, в виде кровной мести, взаимопомощи, гостеприимства и пр. К родственной и соседской взаимопомощи прибегают при исполнении различных хозяйственных работ и в тех случаях жизни, когда силы и средства

одного домохозяина были-бы недостаточны, как, напр., свадьба, поминки, стихийные бедствия.

При пахоте малосостоятельные хозяева составляют „сборный плуг“ (hодах — „собрание“, „соединение“). Пять-шесть хозяев объединяются вместе: один дает быка и погонщика, другой плуг, или часть его и т. д. За быка пашут его хозяину 2 дня, за человека 1 день, за плуг — 8 дней и т. д.

В порядке взаимной помощи производится также уборка сена (обычай „гав“, — собирается много народа), стрижка овец, постройка дома, саманника и пр.

Гостеприимство в большой силе и теперь. Гостя считают „божьим гостем“. Если семья не имеет чем угостить его, соседи охотно доставляют все необходимое для этого.

Родильные обычаи.

Рождение ребенка сопровождается у курдов, как и у других народов, магическими обрядами и суеверными обычаями. Роды происходят в доме, на постланной на земляном полу соломе. Муж на время родов удаляется из дома и возвращается обыкновенно через день—два. Помогают при родах опытные в этом деле женщины, получающие за труд вознаграждение продуктами. Перед родами обращаются к мулле, и он пишет талисман „дуа“ для благополучия родов. После родов мулла пишет другое „дуа“ для счастья и благополучия родильницы и ребенка. За такие труды мулле дают скотину—корову, быка.

При трудных родах дерут роженицу за уши, громко кричат ей в ухо, называя по имени, призывая очнуться, говоря, что приехал брат, гость и т. п. Если роженица падает в обморок, стреляют из ружья, чтобы привести ее в сознание; иногда идут на речку и кинжалом „режут“ воду (магический прием разрезывания того, что связывает роженицу). По народному поверью, на роженицу нападает особое существо hал-анасы. Она имеет вид высокой, худой, страшной женщины, с перекинутыми через плечи огромными грудями; hал-анасы вырывает у роженицы сердце и легкие, несет к речке и моет в воде. Если она успеет это сделать, женщина умрет. Чтобы прогнать hал-анасы, стреляют около роженицы из ружей. Проводя кинжалом по воде речки, имеют в виду, между прочим, освободить сердце и легкие женщины, если hал-анасы вздумает их мыть в речке.

Если дети в доме мрут, обращаются к помощи муллы. Тот объясняет, что ребенок умер оттого, что в дом приходила женщина, имеющая вредное „дуа“; но если ему дадут корову или овцу, смотря по состоянию, он напишет такое „дуа“, которое уничтожит смертоносную силу самых вредных „дуа“, и дети не будут умирать. Для ограждения новорожденного от действия вредных „дуа“, некоторым женщинам, у которых подозревается такое „дуа“, не позволяют входить не только в дом, но и во двор, где имеется новорожденный. Если ребенок чего-либо испугается, берут горящий уголь, бросают в воду, и эту воду дают пить ребенку.

Имя ребенку дают женщины. К родильнице собираются женщины и общим советом выбирают имя. В этом сказываются отголоски былого матриархата. Муллы, захватывающие в свои руки все, из чего можно извлечь выгоду, присваивают себе и право выбора имени ребенку. Мулла роется в своей магической книге, из которой выписывает „дуа“ (книга „Дуа китаба“, или „Джамейдавац“) и заявляет, что если ребенка назовут не таким-то именем, он непременно умрет. И запуганные родители спешат исполнить требование муллы, получающего за мудрый совет приличную мзду.

Обрезание совершается, когда родители ребенка соберутся со средствами, чтобы устроить хороший обед. Кума („кирва“, „крво“) выбирают по-возможности из богатой сильной фамилии. Приглашает отец ребенка. Отказаться от приглашения—значит нанести обиду и опозорить себя. Кум доставляет 2—3 барана, да столько же режет отец ребенка, и устраивается обед, на который собираются по одному человеку из каждого двора в селении. После обеда гости расходятся, остаются лишь близкие родственники отца ребенка и кума—„кирвы“. В их присутствии и выполняется обрезание. Обрезание совершает обыкновенно цирюльник с помощью бритвы и расщепленной камышины. Через 3—4 дня кум приходит навестить ребенка и приносит с собой котел плова, большой цельный хлеб (фунтов в 10), молоко, мед, яйца, масло. При возвращении куму котла в него кладут материю на чоху или архалук, ковер, или посылают вместе с ним корову, быка. „Пустой“ котел во всяком случае не возвращается; это было бы большим позором.

Детей кормят грудью до 2—3 лет. Отношение к мальчикам заботливое, даже нежное. К девочкам отношение хуже. Если женщина родит одних девочек, на нее смотрят с сожалением, домашние бранят.

Для ограждения детей от „дурного глаза“, злых духов и прочих напастей надежным средством считаются разного рода талисманы. Под колыбель ребенка, в качестве такого талисмана, кладут хлеб. Когда кто-нибудь выносит или выводит ребенка ночью на двор, для ограждения от бродящих во тьме злых духов, ребенку дают в руку или кладут на грудь опять-таки хлеб, которого черти, как видно, боятся. Один годовалый мальчик в сел. Молла-Ахмедлу былъ весь увешан талисманами: на плече висели—зашитая в черную тряпочку в форме четыреугольника молитва „дуа“, раковина, буса, металлическая бляха, на спине—треугольное „дуа“ и несколько бус, нанизанных на цветные шерстяные нитки. У другого ребенка, восседавшего на спине девочки, на обоих плечах болтались маленькие кисточки из разноцветных шерстяных нитей (красных и желтых), причем на кисточке левого плеча было нацеплено несколько бус, привесок, побрякушек.

Свадебные обычаи.

В брак, до установления советской власти, вступали мужчины не моложе 15 лет, девушки с 9—10 лет. Предпочтительно берут жен из своей фамилии (эндогамия). Женящихся на девушках из другой фамилии упрекают: „Зачем не взял свою двоюродную сестру, а взял чужую. Лучше взять и кормить свою, чем чужую!“ В прежнее время иногда обручали детей, даже в люльке. В знак обручения девочке повязывали на голову платок, привязывали также монеты. После этого, до наступления брачного возраста, жених ежегодно, в день байрама (9 марта), доставлял невесте барана, материю на платье и др. подарки.

При заключении брака отцу невесты уплачивается калым, или выкуп „баштых“ (курмандж.), или „башлых“ (тюркск.), состоящий из 30—50 руб. деньгами, коровы, 3—4 овец и т. п. Отец невесты, с своей стороны, снабжает дочь необходимыми в хозяйстве вещами, в качестве приданого („джгиз“); обыкновенно дается: ковер, постель (подушка, матрац, одеяло), мафраш, килим (ковровое изделие), медный кувшин для воды, медный котел, поднос и проч. Кроме того, отец дарит дочери лошадь или корову.

Так как свадьба требует от родителей жениха больших расходов, на помощь им приходят родственники, дающие кто барана, кто зерно для хлеба или другие продукты, кто деньги. Кроме того, существует обычай заключать „кардашлых“ — братство, назначение которого помогать при женитьбе. Делается это так: жених и какой-либо молодой

человек уговариваются вступить в братский союз „кардашлых“. Но так как молодые люди ничего не предпринимают без согласия старших, то отец жениха отправляется к *дяде* молодого человека (или к отцу, или к матери, если нет отца), прося разрешить племяннику вступить в „кардашлых“ с его сыном. Обращение за разрешением к дяде представляет отголосок матриархата. Вступивший в союз „кардашлых“ обязан доставить все продукты для пирушки в доме невесты (корова, бараны и проч.). Тот же „кардаш“ после свадьбы отправляется со своею семьей к жениху с разными продуктами и подарками. Там их угощают и, отпуская, жених одаривает. Жених, в качестве „брата“, обязан взять на себя соответствующие заботы и расходы, когда будет жениться его „кардаш“.

В первую брачную ночь „кардаш“ караулит у дверей новобрачных. Если бы невеста оказалась нецеломудренной, тотчас же зовут ее отца и предлагают немедленно взять свою дочь обратно. В благоприятном же случае показывают кровь матери жениха и невесты.

Для взятия невесты в дом жениха за нею отправляется свита жениха. При их появлении двери дома невесты запираются и, чтобы их открыли, „кардаш“ должен дать выкуп подругам невесты. Начинается одевание невесты. Одевающая невесту женщина отказывается одевать, требуя, чтобы „кардаш“ заплатил ей за труд. Платит. Затем, когда невесту везут верхом из дома ее родителей в дом жениха, молодежь задерживает поезд, протягивая через дорогу веревку и требуя выкупа. „Кардаш“ дает им небольшую сумму, и поезд пропускается. Поезд двигается, имея впереди музыкантов-зурначей. Лицо невесты закрыто красным платком,—по объяснению курдов, для того, чтобы предстоящие ей дни семейной жизни были красные.

У дома жениха невеста не сходит с лошади, пока отец жениха не подарит ей чего-нибудь. Отец дарит корову или кобылицу (быка или коня дарить нельзя). Невеста сходит у порога дома. Одна из женщин жениховой родни разбрасывает несколько лавашей (хлебов) от ног невесты до порога. Невеста идет в дом, кланяясь и подбирая лаваши. Переходя через порог, невеста обязательно целует его. В доме женщины берут невесту за руку, обводят 1—3 раза вокруг очага и говорят: „Мы взяли тебя сюда, и ты должна до последней минуты служить этому дому!“

После хождения вокруг очага невесту отводят в приготовленное для нее место в углу комнаты, отделенное красною материей. Окру-

женная девушками, как из своей родни, так и из родни жениха, невеста сидит тут на ковре, на подушке, в течение всех свадебных торжеств, дня 2—3, не показываясь никому, кроме домашних мужа, за исключением свекра, которому невеста показывается только после получения от него подарка (баран, овца, серебряные вещи).

Вывод невесты из-за полога сопровождается известными обрядами. Отец жениха приглашает родственников своих и со стороны невесты. Устраивается обед. За обедом отец жениха или его родственник заявляет, что надо „вывести невесту“, а для этого нужно сделать ей подарки. Присутствующие дают, кто что может. Одна из женщин относит невесте собранные подарки и, подняв полог, выводит невесту к гостям. Невеста обходит присутствующих и всем целует руки (иногда в это время и одаривают ее, давая 20 коп.—1 р.—3 руб., по состоянию). С этого времени невеста может свободно ходить, но лицо ее остается закрытым красным покрывалом.

Примерно через неделю после показывания невесты отец невесты приглашает ее с ее подругами, а также жениха с его родственниками к себе в дом и устраивает небольшой пир (человек на 20). Невеста остается затем у отца дня 2—3 и при возвращении в дом мужа получает от отца подарки. Этот обряд называется „аяг ашма“—„открытие дороги“ (в дом ее отца).

После этого невесту приглашают в гости и другие ее родственники; при этом устраивают маленький пир и оделяют невесту подарками, чтобы она свободно могла ходить к ним в дом; если же этого не сделать, к этим родственникам невеста ни за что не пойдет.

Положение молодой невестки в доме мужа нельзя считать тяжелым. Напротив, первое время по отношению к ней проявляется особая заботливость; ее хорошо кормят, чтобы полнела и не скучала о родительском доме. Особою заботливостью и вниманием молодая невестка пользуется до первых родов; все это время она считается как бы гостьей; после же первых родов она окончательно входит в состав семьи и становится в положение, одинаковое с другими невестками. На обязанности младшей невестки, между прочим, лежит мыть ноги всем старшим в доме и гостям; это омовение ног делается в некоторых семьях ежедневно, в других—через день, два.

Как и у других народов, жена у курдов не называет по имени мужа и старших членов семьи. Обращаясь к мужу, она говорит: Э! или äдä—„ты“. Мать мужа она называет „халà“, т. е. „тетя“, отца

мужа—„мамо̀“, т. е. „дядя“; старшего брата мужа называет „братом“ („бра“); младших называет по имени. С своей стороны муж тоже не называет жену по имени, и обращается к ней: Э! Агыз! („девчонка“) и т. п.

Семейные отношения.

Семейной общины у курдов не существует; обычное явление—индивидуальная семья, состоящая из родителей и детей. В современной курдской семье царят патриархальные отношения. Отец—глава семьи, которому и жена и дети, вообще все члены семьи подчиняются беспрекословно. Старики пользуются уважением и почтительным отношением младших. На старика курды смотрят, как на основателя семейного благополучия, положившего своими трудами начало семейному благосостоянию и поставившего семью на правильный путь. Старику отводится лучшее место, ему предоставляется лучшая пища и пр. Внешним образом уважение к старикам выражается в том, что при входе старшего младшие встают; в собрании, за столом и пр. старику предоставляется первое место и т. п. И только гость считается выше всех, так как он „божий гость“; перед гостем встают и старики.

Женщина занимает у курдов более свободное положение, чем у соседей их тюрок: она не закрывается от мужчин чадрой, принимает участие в общих беседах и пр. Но все-таки она даже в хозяйственной области находится в зависимости от главы дома—мужчины, и, без его согласия, не может ни продать чего-либо, ни купить нужного для дома. Собственность ее составляет лишь то приданое, которое она получила от отца и данные им подарки.

Несмотря, однако, на патриархальный строй современной курдской семьи, в некоторых обычаях до сих пор сохраняются ясные отголоски некогда существовавшего у курдов материнского права. Так, имя ребенку дает мать, вместе с другими женщинами. Запрещается вступать в брак дяде с племянницей, племяннику с теткой (по отцу, по матери, с женой дяди), в то время как двоюродные брат и сестра могут жениться. Наиболее важной присягой считается присяга дяди за племянника; к дяде же обращаются за разрешением молодому человеку вступить в братский союз „кардашлых“ и пр. и пр. Отголоском матриархата является также обычай, согласно которому невеста через несколько дней после переселения в дом мужа возвращается снова на некоторое время к своим родителям.

Похоронные обычаи.

Умирающего укладывают в комнате на постели, с лицом, обращенным к югу. Как только человек умрет, начинаются вопли и рыдания. Затем покойника выносят в отдельное помещение, где труп обмывают и завертывают в саван из бязи. В рот, нос и уши вкладывают вату, навернутую на палочки, вату же кладут и под мышки. Если покойника не хоронят в тот же день, на грудь ему кладут камень и зеркало, обращенное к лицу покойника.

Гробов не употребляют. Покойника на носилках (табут), составленных из связанных вместе шестов, несут на кладбище. Покойника сопровождают на кладбище близкие и соседи, причем женщины также идут на кладбище; по дороге плачут и бьют себя в грудь. Впереди или позади покойника ведут его лошадь; если умерший—молодой человек, лошадь его увешивается яркого цвета материей (обыкновенно вешается на шею красная шаль), у седла вешается шашка и кинжал покойника. Если же умерший—старик, лошадь его бывает покрыта траурной черной материей. После погребения лошадь отводят обратно домой, и она остается в семье умершего, никому не дарится и продолжает нести свою службу [1].

На кладбище покойника кладут около могилы; при этом предварительно труп три раза опускают и поднимают, а затем уже кладут на землю. После молитвы муллы тело опускают в могилу. Покойник закрывается в могиле каменными плитами таким образом, чтобы он мог лежать под ними совершенно свободно. Поверх плит кладется слой сена, наподобие того, как выстилается крыша курдских жилищ. Таким образом, покойнику устраивается как-бы домик-землянка. На сено насыпается земля; сено кладется для того, чтобы земля не просыпалась между плитами на покойника. Под голову покойника кладется мюгюр (печать) из кербельской глины (из священного города Кербелы), в подтверждение того, что умерший—мусульманин-шиит. Могилу засыпают землею. В это время мулла читает молитву и дает наставление покойнику, и все присутствующие отступают на несколько шагов. Когда мулла окончит свои назидания, присутствующие под-

[1] С. Егиазаров отмечает аналогичный обычай у курдов б. Эриванской губ.; он говорит: «Если покойник богач или ага, то впереди его трупа ведут еще несколько коней, оседланных и обвешенных оружием его» (см. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии,—«Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. О-ва», кн. XIII, в. 2, Тфл., 1891, стр. 54).

ходят к могиле и прикасаются руками к насыпанной на ней земле. По народному поверью, покойник в это время уже пришел в сознание и узнает, кто принимает участие в его погребении. На могиле или по бокам ее кладутся те жерди, на которых несли покойника: брать их домой грешно.

Затем участники похорон возвращаются в дом умершего. Здесь мулла читает молитву, а присутствующие произносят: „Аминь".

При наступлении вечера домохозяин готовит масляный фитиль, зажигает и ставит в том месте дома, где обмывали покойника. Фитиль должен гореть с вечера до утра, чтобы покойник находился в свете, иначе в могиле будет темно. Так умершему доставляется свет. Кроме того, курды зажигают свечу на могиле умершего молодого человека или девицы, а также на могиле сеида (потомка Магомета) еженедельно в вечер под пятницу.

В вечер дня похорон поминок не бывает; в доме умершего даже не готовят пищи, и обед для семьи умершего приносят соседи. Первые поминки („хейрат") устраиваются на третий день после смерти. На поминки приходят по одному человеку от каждого двора со всего селения. Это т. н. „уч-гюллюк". Через 7 дней после смерти устраиваются вторые поминки „едлик", на которые приглашают человек 20—40. Через 40 дней после смерти третьи поминки—„кырхы". Наконец, в годовщину смерти устраивается обед всему населению деревни; это—большие поминки „иллик хейрат".

Поминки ложились бы непосильным бременем на семью, если бы на помощь не приходили родственники и знакомые. Обыкновенно к каждым поминкам состоятельные родственники, кирви и друзья доставляют в дом умершего по барану; соседи приносят продукты—масло, сыр, зерно и пр., а иногда и деньги.

До совершения годовых поминок семья покойного обыкновенно соблюдает траур, состоящий в воздержании от всяких увеселений и удовольствий, в запрещении всего, что говорит о радости жизни. Так, в течение целого года в семье умершего изгоняется все красное: не одевают красного платья, не красят шерсти, не красят яиц, не красят волосы хной и т. п. Кроме того, не жуют кеву (жвачку), не готовят жареное пшено—„каварга" по-тюркски, „брежак" на наречии курманджи. В обычное время в курдских семьях это блюдо чуть-ли не обязательно готовится раз в неделю; в случае же смерти кого-либо, блюдо это перестают готовить не только в доме умершего, но и в

домах близких родственников; даже ближайшие соседи воздерживаются от приготовления этого блюда, а если и готовят, то скрытно, чтоб не знали в семье покойного.

Перед наступлением байрама соседи приносят хозяйке дома умершего хну и уговаривают ее, по случаю великого праздника, покрасить волосы. Раз хозяйка согласится и покрасит волосы, траур снимается, и жизнь входит в обычную колею. Новое платье умершего сохраняется в течение года, а в годовщину смерти отдается сеиду или мулле, чтобы он молился об умершем.

На могиле умершего ставится или простой необделанный камень, или надгробный памятник, в виде небольшой обделанной каменной колонны, на которой пишется имя и фамилия умершего и время смерти. На памятниках курящих иногда изображается кальян. Памятник ставится через месяц—два, иногда через год после смерти, в зависимости от того, когда семья соберется со средствами. В прежнее время надгробным памятникам иногда придавали форму высеченного из камня барана или лошади. Такие памятники и теперь встречаются на многих курдских кладбищах. Так, на кладбище сел. Бозлу имеется один каменный баран и одна лошадь; на лошади обозначено седло и уздечка. На кладбище в сел. Дашлу—каменная лошадь; на кладбище сел. Кара-Кишляг имеется несколько каменных коней и один баран. На левом боку лошадей изображены рельефной резьбой различные бытовые сцены. Подобного же рода бытовые сцены высечены и на некоторых надгробных плитах. Три каменных лошади с рельефными бытовыми сценами имеются также на кладбище сел. Сеидляр. Такие же памятники в форме каменных лошадей и баранов можно найти, конечно, и на других курдских кладбищах.

В память умершего курды, как и другие мусульмане, если имеют средства, делают что-либо общеполезное: устраивают родники, строят мосты, а также занимаются благотворительностью—одевают бедняков, кормят детей, дают сеиду несколько аршин материи.

Вдова выходит замуж обычно не раньше, как через год, причем чаще всего выходит за брата покойного мужа (левират), или за его родственника, во всяком случае за члена той же фамилии. Считается позором для семьи, если вдова выйдет замуж в другую фамилию. И это понятно: в свое время за женщину заплачен калым, семья потратилась на ее приобретение и теперь теряет свою собственность.

Магические воззрения и обычаи.

Не обладая, вследствие культурной отсталости, действительными средствами для борьбы с природой, курд и теперь еще часто обращается к средствам и приемам, основанным на вере в магию. Отметим некоторые из таких приемов и обычаев.

Счет. Согласно магическим воззрениям, знание количества предметов дает власть над этими предметами. Отсюда существующее у многих пастушеских народов обыкновение не говорить количества своего скота, а также запрещение считать его. В Кизикии, напр., пастухи никогда не считают точно своих стад, из опасения, что это повредит им. Такой же взгляд наблюдается и у курдов: они опасаются считать свой рогатый скот, говоря, что, если считать, сосед узнает и сглазит, скотина будет болеть и дохнуть. Точного числа своих домашних животных у курдов не принято говорить из опасения губительного действия завистливого глаза.

Обеспечение изобилия. У курдов существует, между прочим, такой обычай: если у одного сельчанина начала в первый раз доиться корова, а у соседа еще не доится, первый присылает соседу молоко первого удоя. Сосед, возвращая посуду, обязательно должен положить в нее немного соли или яйцо. Посылать пустую посуду нельзя; от этого у хозяина, который присылал первое молоко, в будущем году молока не будет, коровы не будут доиться. Не полагается также возвращать пустым котел, в котором „кум“ (крво) приносит плов мальчику, которого он обрезывал; в котел кладется или вместе с ним посылается что-либо ценное—материя, корова и пр. Здесь, помимо обычая отдаривания за подарки, играют роль также магические воззрения, согласно которым возвращение пустой посуды влечет за собой для хозяина посуды потерю благосостояния, вносит заразу „пустоты“ в хозяйство.

Ту же цель—сохранения благополучия и изобилия в хозяйстве—преследуют и обычаи, соблюдаемые при купле-продаже скотины. Когда продается корова, продавец и покупатель берут в руку горсть земли и, подавая руку с землей друг другу, говорят: „Аллах хер версин!“ („Бог даст тебе полезное!“). Лошадь продается обязательно с уздечкой и покрывалом („чул“); купленная без уздечки лошадь не пойдет в пользу купившему. Уздечку можно заменить веревкой.

Круг. Магическая сила круга признается, как известно, многими

народами. Так, ос[етин]ские знахари, чтобы не допустить в дом дьявола Уойг, причиняющего много неприятностей, советуют обвести вокруг дома круг шашкой или кинжалом. У других народов обводят круговой чертой селение, чтобы не впустить болезнь. и т. д. Курды также приписывают кругу огромную магическую силу. Если курду приходится ночевать в уединенном незнакомом месте, он обводит вокруг себя черту, чтобы оградить себя от нападения злых сил. Если, кроме того, разложить кругом смолу, то чорт, который вздумал бы напасть на человека, прилипнет и может быть пойман.

Вызывание дождя. Во время продолжительной засухи, чтобы вызвать дождь, женщины отправляются к роднику и обливают друг друга. Это обливание должно заставить небо поливать землю. Другой прием вызывания дождя у курдов: несколько женщин впрягаются в плуг, тащут его на речку и пашут воду. Магический прием, практикуемый, как известно, многими кавказскими народами: грузинами, армянами, азербайджанскими тюрками и др.

Под влиянием мусульманского духовенства эти народные магические приемы борьбы с засухой вытесняются приемами религиозными, в одинаковой мере бесполезными, но более убыточными для населения и выгодными для мулл. Во главе с муллой и сеидом, где таковой имеется, крестьяне выходят на избранное место для принесения умилостивительной жертвы. Каждый берет по барану, режут их, едят и раздают бедным. Шкуры также раздают бедным, или мулле, сеиду; взять домой шкуру зарезанного барана считается позорным.

Прекращение дождя. Для прекращения затянувшейся дождливой погоды прибегают к магическим приемам, напр., такого рода. Берут веревку, делают на ней 7 или 9 узлов, обозначая каждый именем лысого человека, и затем бросают веревку в огонь, говоря: „Я зажег лысых, пусть и солнце зажжет меня!“ Лысые блеском своих лысин должны заставить заблистать и солнце. К магической помощи лысых против дождливой погоды прибегают и другие народы Кавказа, напр., карачаевцы, а также русские во многих губерниях.

Другой прием, к которому прибегают курды во время продолжительных дождей и туманов, следующий. Собирается от 5 до 15 мальчиков, в возрасте 10—12 лет, и устраивают т. н. „коду“, а именно: берут палку с утолщением на конце в виде головки и одевают ее в женское платье, делая, таким образом, куклу. С этой куклой мальчики обходят селение, заходя в каждый двор, причем поют песенку:

„Коду, коду!“ Хозяйки дарят их яйцами, сыром, зерновым хлебом и пр. После этой процессии дожди или туманы должны прекратиться. Хождение с куклой как во время засухи, так и во время продолжительных дождей, обычай, как известно, широко распространенный у многих народов.

Космогонические воззрения.

Солнце, по представлению курдов, является красивой женщиной, оттого оно поражает своим блеском. *Луна*—мужчина; поэтому у него более смуглое лицо, покрытое пятнами—следами оспы. По народной легенде, луна и солнце—молодой человек и девушка; он сватался, но она не хотела выходить за него замуж, и неудачливый жених сказал: „Обратись в такое существо, чтобы никто не мог до тебя добраться!“ Она обратилась в солнце, а жених в луну.

Затмение солнца и луны причиняется какими то существами; чтобы прогнать их, стреляют, бьют в медную посуду, вообще производят шум. Муллы внушили народу, что затмение солнца и луны есть наказание божье, почему в это время нужно молиться, совершать намаз.

Небо укреплено, как крыша, на столбах. Столбы находятся в ведении азрета Сулеймана, который может разрушить их. По истечении века вид неба меняется.

Млечный путь—путь в Мекку; разветвление его—путь в Медину.

Звезды. Каждый человек имеет на небе свою звезду. Умирает человек,—звезда его падает с неба. Поэтому курдский крестьянин, видя падающую звезду, шепчет молитву за упокой души умершего.

Комета—вестник большого бедствия: войны, голода, болезней.

Радуга—„Фатьма аваны куршагы“—„пояс матери Фатьмы“. У курдов есть поверье, известное и другим народам, что если мужчина пройдет под радугой, то превратится в женщину; пройдет женщина, превратится в мужчину. Красная полоса в радуге сулит счастье и изобилие, желтая—ни особого хула, ни добра, темная—беду и несчастье. Поэтому дети, увидев радугу, кричат: „Красный мой!“

Дождь распределяет бог. Он приказывает азрету Сулейману послать дождь в такую то местность. Сулейман, как верховный повелитель животных и птиц, передает приказание распорядителю птиц һумаю: һумай немедленно собирает всех птиц и повелевает им: наберите

в таком то океане или море воды, поднимитесь вверх и из клювов полейте такое то место. Птицы исполняют распоряжение своего владыки. Так как птицы разной величины, то и капли дождя бывают крупные и мелкие. Таким же порядком образуется град и снег, причем, для превращения водяных капель в лед или снежинки, птицы поднимаются высоко вверх, в холодные области.

Гром и молния. По небу скачет всадник с огненной плетью; гром—удары плети по лошади; молния—искры, которые сыпятся от плети. Если молния убивает человека, говорят, бог наказал его за грехи. Недавно молния убила одного из жителей Минкенда, и народ решил, что это—наказание за нарушение клятвы. Зажженный молнией дом нельзя тушить—это наказание божье. Убитую молнией скотину нельзя употреблять в пищу.

„Открытие неба“ и *„сон природы“*. В последнюю среду („ахыр чершембе“) перед Новруз-Байрамом вода в реках и ручьях останавливается, застывает без движения, вся природа засыпает, и небо открывается. Кто увидит это явление и успеет в этот момент высказать какое-либо пожелание, оно непременно исполнится.

Землетрясение. Земля покоится на спине красного быка. Бык время от времени дергает ушами, размахивает хвостом; от этого происходят землетрясения. Другие говорят: около быка летает муха; когда она подлетает к глазу, бык моргает, отчего и происходит землетрясение. Если муха когда-нибудь сядет быку на спину, бык тряхнет спиной, и весь мир погибнет.

Г. Чурсин.

Тифлис. 1925.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Греческая деревянная дощечка V века из коллекции Государственного Эрмитажа.

В состав богатой коллекции предметов старины, привезенной в 1897 г. из Египта В. Г. Боком и хранящейся в Государственном Эрмитаже, входит, между прочим, деревянная дощечка, покрытая с обоих сторон греческим письмом [1]. Ширина дощечки — 56 см., высота — 13,2 см. Дощечка, бывшая, по всей вероятности, частью ящичной крышки, состоит из двух половинок (высота верхней половинки 6,7 см., нижней — 6,5 см.), которые в настоящее время отделены одна от другой. Некогда же они составляли одно целое, будучи скреплены в четырех местах внутренними деревянными шипами и, сверх того, в одном месте проволокой, положенной в форме буквы x. Следы проволоки сохранились: они ясно различимы как на recto, так и на verso. Сверх того, нужно отметить, что дощечка обломана слева и что на ней есть дырочки, повидимому, от гвоздей, обойденные писцом при нанесении на доску текста. Наконец, к числу особенностей дощечки относится и то, что она — *палимпсест:* остатки старого письма кое-где проступают наружу в виде отдельных, местами с трудом разбираемых, букв. Отсюда ясно, что дощечка не в первый раз применялась, как писчий материал: она служила для целей письма и раньше.

Что касается самого письма, то оно, будучи *курсивом,* обнаруживает опытную и твердую руку, для которой как формовка букв, так и применение самых разнообразных лигатур не является делом новым и необычным. Видно, что писец имеет достаточно навыка и прошел хорошую школу. Правда, он не выучился писать красиво, но зато усвоил определенный канцелярский пошиб, что и придает его работе характер сравнительной законченности. Перед нами *визан-*

[1] Дощечка привезена из Ahmîm'a и хранится в египетском отделении Эрмитажа за № 7410. R. 6.

тийское письмо раннего периода [2]. В нем заметна еще некоторая архаичность, заметны пережитки письма конца IV в., но эти пережитки тонут в массе нового. Сюда надо относить латинский облик письма, бо́льшую дифференциацию букв, их относительную однотипность, прямизну и вытянутость, но без наличия той изящной завершенности, которая так отличает многие памятники VI в. Из виденных мной папирусов V в. я не могу указать ни одного, который вполне подходил бы по письму к дощечке Эрмитажа. Но с другой стороны, она имеет много общего отчасти с Берлинским пап. 7452 (441 г.) [3], отчасти — с Венским пап. 4207 (444 г.) [4], занимая между ними как бы среднее место. В ее письме нет грубости Берлинского пап. и присущей ему неряшливости, но нет и изящной стройности Венского,—она стоит на полдороге между обоими крайностями. Одним словом, *общий* вид письма указывает на первую половину V в.

Не к иным выводам приводят нас и формы отдельных букв, среди которых наиболее интересны δ и κ. Первая буква напоминает собой латинское d, вторая же (уставное κ) выделяется своими громадными размерами [5], хотя наряду с этою формой начинает появляться иногда и другая, более стройная, миниатюрная и более соответствующая величине остальных букв. Из этих последних выделяются: 1) ε в той форме, которая доминирует затем в папирусах VI в., т. е. мы имеем перед собой обращенный отверстием вправо полукруг, от которого высоко вверх поднимается наклоненная вправо прямая линия, с помощью волосяного штриха соединяющаяся с идущими за ней буквами; 2) η в форме лат. h; 3) μ, приближающееся к минускульному; 4) ν, в написании которого преобладает уставная форма, —курсивной формы, напоминающей лат. n, еще нет; 5) σ — то небольшое, хорошо скругленное (эта форма гл. обр. применяется в лигатурах), то высокое, похожее на вышеописанное ε [6], но без наличия волосяного штриха (подобное σ ставится обыкновенно в конце слов). Таким образом, и на основании *анализа отдельных букв* дощечку Эрмитажа можно датировать первой половиной V в.

---

[2] См. *W. Schubart,* Einführung in die Papyruskunde (Berlin 1918), 22.

[3] *Thompson,* An introduction to greek and latin palaeography (Oxford 1912) 176, facs. 137. Текст папируса издан *Fr. Krebs*'ом в „Berliner griechische Urkunden“, II 609.

[4] Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung (Wien 1894), 100, № 337.

[5] Эта форма буквы κ особенно характерна для письма как IV в., так и начала V в.

[6] Лигатуры σι, характерной для этой формы буквы σ, в нашем памятнике еще нет, тогда как в конце V в. она уже не представляет ничего необычного.

Подобной датировке не противоречат и другие соображения чисто-исторического характера. В тексте (см. ниже) фигурирует имя Флавия Антиоха Сабина Дамоника, „комета священного консистория и воинских полков Фиваидской окраины“. То же лицо и притом с той-же титулатурой, но с опущением имен „Антиох Сабин“, упоминается еще в двух надписях из Фил, изданных **Лефебром** и повествующих об „обновлении“ стены, опоясывавшей остров [7]. Интересно отметить, что это „обновление“ произведено „старанием и тщанием“ епископа Даниила, который, действуя согласно приказу Флавия Дамоника, „обновил стену от основания до верха“ [8]. К сожалению, обе надписи не датированы. Правда, **Масперо** считает возможным относить их к VI в., в частности, к правлению императора Маврикия [9]. Однако, доказательства, приводимые им в пользу этого предположения, кажутся мне недостаточно убедительными. И в самом деле, можно ли относить надписи к VI в., главным образом, на том основании, что коль скоро серия христианских надписей (*Lefebvre* 584—598), в которую входят и надписи 592—593, была найдена в пристройках храма Изиды, то следовательно, „elle doit être postérieure à la désaffectation de ce temple sous Justinien“? [10]

Вместо выставления подобной гипотезы, **Масперо** следовало припомнить одно место из „Хроники“ Иоанна Малалы. Рассказывая о неудачном исходе морской экспедиции против Вандалов при имп. Льве I Великом (468 г.), во время которой погиб византийский флот, состоявший под командою Василиска, брата царицы Верины, Малала говорит, что среди прочих погиб „командир дессанта“ (στρατηλάτης ἐξπεδίτου), „дукс“ (ὁ ἀπὸ δουκῶν), Дамоник, „родом из Антиохии“ (καταγόμενος ἐκ τῆς Ἀντιοχέων μεγάλης πόλεως), который, проявив чудеса храбрости, был столкнут в полном вооружении в море, где и утонул [11].

[7] *Lefebvre,* Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Egypte (Le Caire 1907), № 592. 593. Ср. *Fr. Preisigke,* Namenbuch (Heidelberg 1922), 83.

[8] В виду того, что укрепленный остров Филы и города Сиена и Елефантина с их фортами служили хорошим оплотом на случай нападения Блеммиев и Набадов, византийское правительство наблюдало за исправным состоянием укреплений, предпринимая время от времени меры для приведения их в боевую готовность. См. *Maspero.* Organisation militaire de l'Egypte byzantine (Paris 1912), 26.

[9] *Maspero,* o. c., 26.

[10] *Maspero,* o. c., 102, 2.

[11] Io. Malal. chron. 373, 4. Ср. *Muralt,* Essai de chronographie byzantine (St. Petersbourg 1855), 81: «Jean légat de Basilisque préfère mourir plutôt que de se rendre de même que Damonicus d'Antioche».

Спрашивается, не следует ли отожествлять Дамоника, упоминаемого Малалой, с Дамоником нашей дощечки? Что Дамоник вышеуказанных надписей из Фил тожествен с Дамоником Эрмитажной дощечки, само собою понятно. За это говорит одинаковость титулатуры (см. выше): „великолепнейший и храбрейший комет священного консистория и воинских полков Фиваидской окраины“ (μεγαλοπρεπέστατος καὶ ἀνδρειότατος κόμης τοῦ θείου κονσιστωρίου καὶ τῶν στρατιωτικῶν ταγμάτων τοῦ Θηβαικοῦ λιμέτου), а также praenomen „Флавий“. Этого praenomen нет у Малалы, как нет и имен Дамоника „Сабин Антиох“ (этих имен нет и в надписях из Фил). Зато Дамоник называется у него „ведущим свой род из великого города Антиохеев“, т. е. уроженцем Антиохии. Опущение Малалой praenomen и nomina Дамоника, конечно, не может говорить против отожествления Дамоника Малалы с Дамоником надписей и Эрмитажной дощечки. Не говорит, думается мне, против и то, что „Антиох Дамоник“ становится у Малалы „Дамоником Антиохийским“. Вполне возможно, что Флавий Сабин Антиох Дамоник действительно был родом из Антиохии. Возможно и то, что к предположению об Антиохийском происхождении Дамоника привело Малалу (или его источник) самое имя Дамоника Антиох [12]. Как бы то ни было, я не вижу препятствий для отожествлении Дамоника Малалы с Дамоником нашего памятника и надписей из Фил. Лишним же подтверждением моего предположения служит, как мне кажется, следующая частность. Дамоник у Малалы называется „дуксом“ (ὁ ἀπὸ δουκῶν). В свою очередь, Дамоник надписей и Эрмитажной дощечки квалифицируется, как „великолепнейший и храбрейший комет священного консистория и воинских полков Фиваидской окраины“. На первый взгляд может показаться, что оба титула различны. Но на самом деле это не совсем так. Правда, в нашем памятнике и в надписях Дамоник назван „кометом священного консистория“, т. е. лицом, облеченным гражданскою властью. Однако, тут-же добавлено, что под его командою находятся „войсковые части“. Иными словами, в его руках сосредоточена и военная власть в пределах „Фиваидской

[12] *Lebeau,* Histoire du Bas-empire (Paris 1827), VII, 17, и вслед за ним *Ю. Кулаковский,* История Византии I (Киев 1910), 350, предполагают, что упомянутый у Прокопия (De bel. Vand. I, 6) легат Василиска, Иоанн, предпочевший кинуться в море, чем сдаться Вандалам, и есть Дамоник, упоминаемый Малалой. Иначе *Muralt* (o. c. 81), который в легате Иоанне видит лицо, отличное от Дамоника. Последнее, кажется, правильнее, если только не считать что полное имя Дамоника было: „Флавий Иоанн Сабин Антиох Дамоник“.

окраины". Но мы знаем, что „Фиваидская окраина", или, что то-же, „Верхняя и Нижняя Фиваида", состояла в V веке под управлением „дукса" (он же и „комет")[13], от которого зависел правитель „Нижней Фиваиды", являвшийся его помощником. Отсюда ясно, что Дамоник надписей и Эрмитажной дощечки, хотя и не назван прямо „дуксом", должен был быть им. На это, помимо всего вышеотмеченного, указывают и эпитеты: „великолепнейший и *храбрейший*"[14].

Итак, согласно моему мнению, и у Малалы, и в надписях из Фил, и в Эрмитажной дощечке говорится об одном и том-же Дамонике. Но только в последних памятниках Дамоник еще начинает свою карьеру: он—один из многих „дуксов", хотя в силу важного стратегического положения Фиваиды, находящейся под постоянной угрозой нападения со стороны Блеммиев и Набадов, он и стоит, так сказать, на виду[15]. У Малалы же он уже не только „дукс",—он занимает важную должность „начальника экспедиционного корпуса".

Но мы знаем, что Дамоник погиб в 468 г. во время разгрома византийского флота Вандалами. Можно ли определить, когда был он правителем Фиваиды? В надписях из Фил указан „3 индикт", как время „обновления" стены епископом Даниилом. Этот „3 индикт" может быть относим или к 450 г., или к 465 г. Следовательно, на один из этих годов и падает управление Дамоника Фиваидой, а также и время составления надписей из Фил. Но, раз это так, то приблизительно тем-же временем следует датировать и Эрмитажную дощечку. Иначе говоря, исторические соображения совпадают с наблюдениями палеографического характера.

Переходим к разбору памятника. Как уже было указано выше, письмо покрывает и *recto* и *verso* дощечки. Оно идет вдоль последней, причем если на recto число строк равняется девяти, то на verso

---

[13] Ср. Hierocl. synecdemus (ed. *A. Borckhardt*), 731, 8, а также Pap. Leid. Z 13: „τὸν μεγαλοπρεπέστατον καὶ περίβλεπτον κόμιτα καὶ δοῦκα τοῦ Θηβαικοῦ λιμίτου =великолепнейшего и славного комета и дукса Фиваидской окраины". Этот папирус падающий на 425—450 г.г., на царствование Феодосия II и Валентиниана III, издан впервые Л е е м а н с о м (*Leemans*, Papyri graeci musei antiquarii publici Lugduni Batavi II (Leiden 1885). Переиздан папирус *Вилькеном* в «Archiv für Papyrusforschung» I 399+IV 172. По поводу Фиваиды в V в. см. *Gelzer*, Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens (Leipzig 1909), 10 слл.

[14] *M. Gelzer*, o. c., 14—16.

[15] Недаром, при Юстиниане правителем Фиваиды был одно время начинавший свою карьеру знаменитый Нарзес. См. *Maspero*, Organization militaire de l'Egypte byzantine, 82. Ср. также *W. Schubart*, Aegypten von Alexander dem Grossen bis auf Mohammed (Berlin 1922), 347.

доходит до одиннадцати. Знаком препинания служит ἄνω и μέση στιγμή. Нет ни ударений, ни придыханий, ни апострофов. Iota adscriptum тоже отсутствует. Применяются изредка только две точки над начальным υ, да кое-где знак диерезы над ι. Что касается сокращений, то из них можно указать на καί в форме буквы κ + волнистая линия, а также на обычное в византийском курсиве применение наклонного прямого или перпендикулярного волнистого штриха: первый перечеркивает низ буквы, на которой останавливается написание слова, второй — ставится рядом с нею. Этим исчерпываются все внешние особенности текста. С точки зрения орфографии текст отличается редкой исправностью: нет ни одной серьезной ошибки или описки, нет и поправок. Только в одном месте (verso 4) добавлено над строкой пропущенное писцом τῆι ὑμῶν θαυμασιότητι. Одним словом, и облик самого письма, и исправное состояние текста доказывают, что писец, с работой которого мы имеем дело, не является новичком: ему в достаточной степени знакомы и каллиграфическое искусство, и грамматика.

По содержанию текст представляет собой препроводительную бумагу на имя Флавия Сабина Антиоха Дамоника. В ней заключается распоряжение об отправке к месту назначения какого-то приказа, имеющего быть приложенным к препроводительному документу. Однако, самый приказ остается неизвестным: о нем только говорится, но при бумаге его нет. Сама же препроводительная бумага отличается той странностью, что ее текст с некоторыми вариациями и добавками повторяется на дощечке пять раз. От шестого повторения (для полной его выписки не хватило места) сохранилось только обращение к Дамонику с приведением всей его титулатуры.

На первый взгляд может показаться, что перед нами обычное школьное упражнение в письме, вроде тех, которые были известны раньше. Но при ближайшем рассмотрении это предположение должно, как мне кажется, быть признано несостоятельным. Прежде всего, против него говорит безусловная опытность пишущего: перед нами не ученик, робко повторяющий данную ему пропись, а лицо, хорошо знакомое со всеми тайнами курсива и вовсе не нуждающееся в списывании образцов. Во-вторых, если даже допустить, что мы имеем дело с ученическим упражнением, странное впечатление производит сама пропись с точки зрения ее содержания. И действительно, неужели учитель не мог выбрать для ученика чего-либо более подходящего, чем форма препроводительной бумаги? Наконец, странно и то,

что при повторениях текста пишущий не считает себя связанным точной передачей образца. Он варьирует текст, внося в него более или менее серьезные изменения. Достаточно указать на след. примеры: *recto* 1, 2: διὰ τοῦδε καὶ τοῦδε στρατιωτῶν=*verso* 5, 8: διὰ Πατερμουθίου καὶ Λογγίνου στρατιωτῶν; *recto* 1, 3: τῶι λαμπροτάτωι τριβούνωι Ζωΐλωι=*verso* 3, 2: τῶι καθωσιωμένωι καὶ λαμπροτάτωι τριβούνωι τῶιδε = 4, 5: τῶι καθωσιωμένωι καὶ λαμπροτάτωι τριβούνωι Ζωΐλωι; *recto* 1, 2: ἀπέσταλται=*verso* 4, 4: ἀπέσταλται τῆι ὑμῶν θαυμασιότητι.

Но если текст Эрмитажной дощечки не представляет собой упражнения в письме, то как объяснить странную форму, это пятикратное повторение одного и того-же, хотя бы и с допущением некоторых изменений? Мне кажется, что единственным правильным объяснением будет следующее. Наш текст есть действительно упражнение, но только не в письме. Скорее мы имеем перед собой работу канцеляриста, практикующегося в канцелярском стиле. Он старается усвоить формуляр определенной официальной бумаги, старается запомнить его, отдать себе отчет во всех тонкостях византийской титулатуры. Для этой цели он и повторяет текст несколько раз подряд, вносит в него разные дополнения и вариации, — он, так сказать, постепенно вырабатывает его начисто. Но наша дощечка не является единственным примером подобного рода подготовительной канцелярской работы. В моей коллекции греческих папирусов находится один папирусный обрывок II в. по Р. Х., который характером своего текста напоминает Эрмитажную дощечку [16]. Этот отрывок писан великолепным, на редкость изящным курсивом, обличающим твердую, опытную и искусную руку. Перед нами безусловно не ученик, но опытный каллиграф. И тем не менее, текст, писанный им, есть не что иное, как проба канцелярского пера. Мы снова имеем дело с упражнением в составлении официального документа. Автор все время видоизменяет текст последнего, то внося новые имена, то придумывая какие-нибудь новые подробности. Он словно проверяет свою память, и часто, недовольный написанным, замазывает его, ставя над ним что-нибудь другое, только что пришедшее в голову. К сожалению, текст сохранился плохо и местами, благодаря замазыванию, а также лакунам, читается с трудом.

[16] Папирус приобретен был для меня в Египте в 1910 г. моим покойным другом, акад. *Б. А. Тураевым,* как и многие другие папирусы, входящие в мою коллекцию.

Тем не менее, кое-что прочесть можно и это кое-что сводится к следующему.

Αυρηλιοσ Διονυσιοσ ο και Δειοσ γενομ[ενοσ
τησ λαμπροτατησ πολεωσ των Αλεξα[νδρεων
παρα Α[υρ]ηλιου Ωριωνοσ απο κωμ[ησ
βουλομαι μισθωσασθαι παρα σου τασ [υπαρ]χ[ουσασ
Αυρηλιοσ Διονυσιοσ γενομενοσ υπομνη[ματογραφοσ?
πολεωσ παρα Αυρηλιου Ηρωνοσ απο κωμη[σ
συλη αντικνημιω αριστερω βουλομαι μισθωσ[ασθαι
(строка размазана до неузнаваемости)
Αυρηλιω Γεμινω γενομενω υπομνηματογρ[αφω . . . . . .
Μαρκοσ Ιουλιοσ Γεμειστοσ Αλεξανδ[ρευσ. . . . . . .
Αυρηλιω Διδυμω γενομενω [. . . . .
Σεπτιμιω Διδυμω [. . . . . [17]

Наконец, как на третий пример подобной же пробы канцелярского пера, можно указать на папирус, опубликованный Весселли в статье „Einige Reste griechischer Schulbücher“ [18]. Таким образом, Эрмитажная дощечка не является единственной в своем роде. Она входит в определенную группу памятников греческого письма, причем на эту группу можно смотреть как на своего рода вариацию „школьных дощечек“: перед нами упражнения канцеляристов.

Обратимся теперь к самому тексту.

Recto

[. . . . . Φλαουΐωι Σαβίνωι 'Αντ]ιόχωι Δαμονίκωι τῶι μεγαλοπρ(επεστάτωι) καὶ ἀνδρειοτάτωι κόμιτι τοῦ θείου κονσιστωρίου καὶ στρ(ατιωτικῶν) ταγ(μάτων) τοῦ Θηβαϊκοῦ λιμέτου.

1. [Γράμματα τῆσ ἐξουσίασ τοῦ κυρίου μου τοῦ μ]εγαλοπρ(επεστάτου) καὶ ἀνδρ(ειοτάτου) κόμιτοσ περὶ ἀναγκαίου καὶ δημοσίου πράγματος ἀπέσταλται διὰ τοῦδε καὶ τοῦδε [[στρατ]ιωτῶν τῆσ ὑμετέρασ ἀγραρίασ,

[17] Строка 8 размазана вся сплошь; строка 9 то-же размазана, но так, что кое-что прочесть можно: строка 10: μαρκος ιουλιος γεμειστος αλεξανδρευς надписана мелким почерком над размазанной строкой 11; строка 12 то-же размазана и зачеркнута. Под строкой 12 шло письмо: следы видны. С правой стороны папирус оборван, внизу он обрывается, как указано выше, под строкой 12.

[18] Studien zur Palaeographie und Papyruskunde II (Leipzig 1902), L, 6.

[ἅτινα δεχομένη ἡ ὑμετέρα σύνεσις σπουδασάτω] αὐθωρὸν καὶ παραχρῆμα ἐκπέμψαι ἐπὶ τὴν Ἀντινοέων δοθησόμενα τῶι λαμπροτάτωι τριβούνωι Ζωΐλωι τῶι τοποτηροῦντι τῆι αὐτῶν μεγαλοπρ(επείαι),

[ὥστε καὶ ἐπὶ τὴν Ἀρκάδων πρὸς τὸν λαμπρότατον] ἄρχοντα ἐκείνης τῆς ἐπαρχείας γραφέντα παρὰ τῆς αὐτοῦ λαμπρότητος ἐκπεμφθῆναι. τοῦτο γὰρ προσέταξεν ἡ ἀκαταφρόνητος αὐτῶν

[ἐξουσία. ἀλλὰ μηδεμία ὑπέρθεσις γένηται· καὶ γ]ὰρ τὸ πρᾶγμα πᾶ-
σαν ὀξύτητα ἀπαιτεῖ· κ(αὶ) μήτε τὸ τυχὸν ἐπιδεχόμενον βρά-
2. δος. Γράμματα τῆς ἐξουσίας τοῦ κυρίου μου τοῦ μεγαλοπρ(ε-
πεστάτου)

[καὶ ἀνδρειοτάτου κόμιτος περὶ ἀναγκ]αίου καὶ δημοσίου πράγματος ἀπέσταλται διὰ τοῦδε καὶ τοῦδε στρατιωτῶν τῆς ὑμετέρας ἀγραρίας. ἅτινα δεχομένη ἡ ὑμετέρα σύνεσις σπουδάσε[ται]

[αὐθωρὸν καὶ παραχρῆμα ἐκπέμψαι ἐ]πὶ τὴν Ἀντινοέων δοθησόμεν[α τῶι] καθ[ωσ]ιωμένωι καὶ λαμπροτάτωι τριβούνωι Ζωΐλωι τῶι τοποτηροῦντι τῆι αὐτῶν μεγαλοπρεπείαι, ὥστε καὶ ἐπὶ τὴν Ἀρκάδων

[πρὸς τὸν λαμπρότατον ἄρχοντα ἐκεί]νης τῆς ἐπαρχείας γραφέντα παρὰ τῆς αὐτοῦ λαμπρότητος ἐκπέμψαι. τοῦτο γὰρ προσέταξεν ἡ ἀκαταφρόνητος αὐτῶν ἐξουσία. ἀλλὰ

[μηδεμία ὑπέρθεσις γένηται. καὶ γὰρ τὸ π]ρᾶγμα πᾶσαν ὀξύτητα ἀπαιτεῖ. καὶ μὴ τὸ τυχὸν ἐπιδεχόμενον βράδος.

5 μήτε, l. μή. Cf. 2, 9; 3, 3; 4, 7; 5, 11. 8 ἐκπέμψαι, l. ἐκπεμφθῆναι. Cf. 1, 4; 3, 3; 4, 6; 5, 10.

Verso

3. [Γράμματα τῆς ἐξουσίας τοῦ κυρίου μου] περὶ ἀναγκαίου καὶ δημ[οσίου] πράγματος ἀπέσταλται διὰ τοῦδε καὶ τοῦδε στρ(ατιωτῶν) τῆς ὑμετέρ(ας) ἀγραρίας, ἅτινα δεχομένη ἡ ὑμετέρα σύνεσις σπουδασάτω αὐθωρὸν καὶ παραχρῆμα

[ἐκπέμψαι ἐπὶ τὴν Ἀντινοέων δοθησόμενα τῶι κα]θ(ωσιωμένωι) καὶ λαμ(προτάτωι) τριβ(ούνωι) τῶιδε τῶι τοποτηροῦντι τῆι αὐτῶν μεγαλοπρ(επείαι), ὥστε καὶ ἐπὶ τὴν Ἀρκάδων πρὸς τὸν λαμπρότατον ἄρχοντα ἐκείνης τῆς ἐπαρχείας γραφέντα παρὰ τῆς

[αὐτοῦ λαμπρότητος ἐκπεμφθῆναι. τοῦτο γὰρ προ]σέταξεν ἡ ἀκαταφρόνητος αὐτῶν [ἐξουσία. ἀλλὰ μη]δεμία ὑπέρθεσις γένηται· καὶ γὰρ τὸ πρᾶγμα πᾶσαν ὀξύτητα ἀπαιτεῖ· καὶ μὴ τὸ τυχὸν ἐπιδεχόμενον βράδος.]

4. [Γράμματα τῆσ ἐξουσίασ τοῦ κυρίου μου τοῦ μεγα]λοπρεπεστάτου καὶ ἀνδρειοτάτου κόμιτοσ περὶ ἀναγκαίου καὶ δημοσίου πράγματοσ
τῆι ὑμῶν θαυμασιότητι
ἀπέσταλται διὰ τοῦδε καὶ τοῦδε ὑμετέρων στρατιωτῶν, ἅτινα δεχομένη ἡ ὑμετέρα

[σύνεσεσ σπουδασάτω αὐθωρὸν καὶ παραχρῆμα] ἐκπέμψαι ἐπὶ τὴν Ἀντινοέων δοθησόμενα τῶι καθωσιωμένωι καὶ λαμπροτάτωι τριβούνωι Ζωΐλωι τῶι τοποτηροῦντι τῆι αὐτῶν μεγαλοπρεπείαι, ὥστε καὶ ἐπὶ τὴν

[Ἀρκάδων πρὸσ τὸν λαμπρότατον ἄρ]χοντα ἐκείνησ τῆσ ἐπαρχείασ γραφέντα παρὰ τῆσ αὐτοῦ λαμπρότητοσ ἐκπεμφθῆναι. τοῦτο γὰρ προσέταξεν ἡ ἀκαταφρόνητοσ αὐτῶν ἐξουσία. ἀλλὰ μηδεμία

[ὑπέρθεσισ γένηται · καὶ γὰρ τὸ πρᾶγμα πᾶσαν ὀξύ]τητα ἀπαιτεῖ · καὶ
5. μὴ τὸ τυχὸν ἐπιδεχόμενον βρ[α]δοσ.| Γράμματα τῆσ ἐξουσίασ τοῦ κυρίου μου τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου καὶ ἀνδρειοτάτου

[κόμιτοσ περὶ ἀναγκαίου καὶ δημοσίου πράγματο]σ ἀπέσταλται διὰ Πατερμουθίο(υ) καὶ Λογγίνου στρατιωτῶν τῆσ ὑμετέρασ ἀγραρίασ, ἅτινα δεχομένη ἡ ὑμετέρα σύ[νεσισ] σπουδασάτω [αὐ]θωρὸν

[καὶ παραχρῆμα ἐκπέμψαι ἐπὶ τὴν Ἀντινοέων] δοθησόμενα τῶι θαυμασιωτάτωι καὶ λαμπροτάτωι τριβούνωι τῶιδε τῶι τοποτηροῦντι τῆι αὐτῶν μεγαλοπρεπείαι, ὥστε καὶ ἐπὶ τὴν Ἀρκάδων τὰ πρὸσ τὸν λαμπρό-

[τατον ἄρχοντα ἐκείνησ τῆσ ἐπαρχείασ γραφέντα] παρὰ τῆσ αὐτοῦ λαμπρότητοσ ἐκπεμφθῆναι. τοῦτο γὰρ προσέταξεν ἡ ἀκαταφρόνητοσ αὐτῶν ἐξουσία. ἀλλὰ μηδεμία ὑπέρθεσισ γένηται · καὶ γὰρ τὸ πρᾶγμα

[πᾶσαν ὀξύτητα ἀπαιτεῖ · καὶ μὴ τὸ τυχὸν ἐπι]δεχόμενον βράδοσ.| Φλαυΐωι Σαβίνωι Ἀντιόχωι Δαμονίκωι τῶι μεγαλοπρ(επεστάτωι) καὶ ἀνδρειοτάτωι κόμετι τοῦ θείου κονσιστωρίου καὶ τῶν στρ(ατιωτικῶν)

---

1 post μου om. τοῦ μεγ. καὶ ἀνδρ. κόμιτοσ. Cf. 1, 2; 2, 5; 4, 4; 5, 7 4 τη υμων θαυμασιοτητι supra versum 11 κομετι : κομιτι 1, 1 9 τα : om. 1, 4; 2, 8; 3, 3; 4, 6.

Перевод.

Флавию Сабину Антиоху Дамонику, великолепнейшему и храбрейшему комету священного консистория и воинских полков Фиваидской окраины.

Грамата их державности, господина моего великолепнейшего и храбрейшего комета о неотложном и государственном деле выслана {4, 2: вашей дивности} через такого-то и такого-то солдата вашего гарнизона {4, 4: через ваших солдат=5, 8: через Патермутия и Лонгина,

солдат вашего гарнизона}, получив каковую, да поспешит ваша мудрость в сей-же час и немедленно выслать ее в город Антиноеев для вручения светлейшему трибуну Зоилу {2,6 и 4,5: благочестивому и светлейшему трибуну Зоилу=3,2: благочестивому и светлейшему трибуну такому-то=5,9: дивнейшему и светлейшему трибуну Зоилу}, что в должности топотерета при вашем великолепии, дабы написанное могло быть переслано их светлостью и в город Аркадов к властителю той епархии. Таков приказ их высокоуважаемой державности. Но да не будет никакой задержки—дело требует всяческой скорости—и никакого, хотя бы случайно допустимого промедления.

Флавию Сабину Антиоху Дамонику, великолепнейшему и храбрейшему комету священного консистория и воинских {полков Фиваидской окраины}.

Комментарий.

1. По поводу Фл. Сабина Антиоха Дамоника см. выше стр. 19 слл. Дамоник квалифицируется, прежде всего, как comes consistorianus, т. е. как член императорского совета. Но будучи таковым, он вместе с тем не является только гражданским чиновником. Он — militaris: под его командою находятся воинские части — στρατιωτικὰ τάγματα. Следовательно, его полный титул — comes et dux. Иначе говоря, в лице Дамоника мы имеем лишнее подтверждение того факта, что с середины V в. начинают наблюдаться случаи вкрапления в среду comites consistoriani и лиц военного сословия [19]. Под управлением Дамоника находится Фиваида, но уже разделенная на две половины: Нижнюю и Верхнюю, что произошло между 425 — 450 г.г. [20]. В Верхней Фиваиде находится он сам, в Нижней, в городе Антиноеев (т. е. в Антинуполе) — его непосредственный помощник и заместитель, трибун Зоил, квалифицируемый, как „топотерет“. Грамата пересылается сперва Дамонику, как более важному должностному лицу. В свою очередь, он должен переслать ее Зоилу, а тот — правителю Аркадии. Эта передача граматы должна быть исполнена с наивозможной поспешностью: дело важное. Но в чем суть дела, мы не знаем. Неясно также, от чьего лица исходит приказ. Отправитель последнего определен с недостаточной отчетливостью. Он назван просто „великолепнейшим и храбрейшим кометом“, т. е. его титулатура совпадает с ти-

[19] См. *Seeck*, Pauly-Wissowa, IV, 645. Ср. Cod. Iustin. XII 8, 2 § 3.
[20] *Gelzer*, o. c., 10. *Wilcken*, Grundzüge I, 75.

тулатурой Дамоника. Но коль скоро он дает приказ Дамонику, ясно, что по занимаемой им должности он стоит выше последнего. Не следует ли видеть в нем praefectus praetorio Orientis?

По поводу τοῦ θείου κονσιστωρίου ср. *Lefebvre*, o. c. 592.593: κόμιτοσ τοῦ θείου κονσιστωρίου, и *Maspero*, P. Cair. Cat. I 67032,15 (a. 551): κόμησ τοῦ θείου κονσιστωρίου.

Выражение Θηβαϊκὸν λίμιτον—Фиваидская окраина в смысле Фиваиды, т. е. целой пограничной области, а не только пограничной полосы [21], встречается еще у *Lefebvre*, o. c. 592.593 и в Iust. Ed. XIII. c. 22: ἀκόλουθόν ἐστιν ἐντεῦθεν διαβῆναι ἡμᾶσ ἐπὶ τὸν Θηβαϊκὸν λίμιτον, τουτέστι δύο Θηβαΐδασ.

2. Слово ἀγραρία—гарнизон, образованное применительно к лат. agrariae (stationes), до сих пор, насколько я знаю, в памятниках не встречалось. Его надо восстановлять и в Cod. Iust. XII, 38, 19, на место ошибочного ἀγγαρεία, т. е. вм. ἐν ταῖσ οἰκείαισ ἀγγαρείαισ следует читать: ἐν ταῖσ οἰκείαισ ἀγραρίαισ. Параллелью к существительному ἀγραρία является глагол ἀγραρεύω—стоять гарнизоном. Ср. *Grenfell*, Greek Papyri II, 95. 1 (s. VI—VII): δέδωκεν ἐκκλ(ησίαι) Ἀπόλλωνοσ εἰσ λόγον ἀννωνῶν τῶν γενναιοτάτων Σκυθῶν Ἰουστινιανοῦ ἀγραρευόντων [22] ἐν τῶι μοναστηρίωι Βαύλλου. *Maspero*, P. Cair. Cat. I 67009 r 21 (s. VI): βικαρίου ὄντοσ [τῶ]ν ἐν τῆι πόλει ἀγρα[ρ]ευόντων. *Heisenberg*, P. Münch. 16, 11 (s. VI): Πλούλ[λου] Σαβίνου στρ(ατιώτου) ἀγραρ(εύοντοσ) Πανόσ.

3. Трибун [23] Зоил находится в Антиное, т. е. в Нижней Фиваиде, где он командует стоящей там воинской частью. Приложенные к нему эпитеты: λαμπρότατοσ, θαυμασιώτατοσ и καθωσιωμένοσ=devotus обычны для титулатуры трибуна, причем последний эпитет по преимуществу отмечает его воинское звание [24]. Будучи трибуном, т. е. офицером, он вместе с тем, как это явствует из текста, занимает при Дамонике должность „топотерета", т. е. его заместителя или

---

[21] По поводу λίμιτον см. *Bell*, Gr. Pap. in the British Mus. IV, XX. *Kornemann*, Klio IX, 502. *Heisenberg*, o. c., 76. *Maspero*, Organisation, 18 sq.

[22] *Herwerden*, Lexicon gr. suppl. et dialecticum ² I, 19 совершенно напрасно предлагает вм. ἀγραρευόντων читать ἀγγαρευόντων. Напрасно также и его другое предложение вм. ἀγραρεύειν писать ἀγραριεύειν=ἀγράριον εἶναι=rusticari, agros colere.

[23] О роли трибуна при duксе см. *Maspero*, Organisation, 88: il ressort... que le subordonné immédiat du duc est le *tribun;* et ce dernier mot est pris dans le sens qu'il a dans toutes les armées byzantines, celui de chef d'un ἀριθμόσ ou τάγμα.

[24] *Maspero*, Organisation, 89 и прим. 2.

представителя вообще [25]. Иными словами, на Зопле лежат и служебные обязанности гражданского характера.

Слова τῇι αυτων μεγαλοπρεπειαι я перевожу через „при вашем великолепии“. Иначе говоря, αυτων памятника я понимаю в смысле αὐτῶν=ὑμῶν αὐτῶν. Иное понимание, думается мне, невозможно. За него говорит нахождение Зопла в Нижней Фиваиде, в области, зависящей от Дамоника. Следовательно, Зопл не может быть топотерстом при лице, посылающем приказ Дамонику.

4. Область Аркадия (Ἀρκαδία) называется в нашем тексте ἡ Ἀρκάδων (sc. ἐπαρχεία). Подобное обозначение области обычно в поздних папирусах. Ср. Berl. Griech. Urk. 306, 4; 750, 1; 836, 1 [26].

5. По поводу ἀκαταφρόνητοσ ἐξουσία ср. Pap. Fior. 36, 17: ἀκαταφρόνητοσ ἀνδρεία. Слово ἐξουσία=державность то и дело встречается, как титул, в папирусах византийского периода.

6. Вопреки verso, 1 и 8: σπουδασάτω памятник дает в этой строке чтение στουδάσε[ται]. Однако, менять его на σπουδασάτω нельзя: ε читается вполне ясно. Остается предположить наличность ошибки, так как по смыслу контекста требуется повелительное наклонение.

Слово σύνεσισ применено в качестве почетного титула и может быть переведено через „мудрость“, „разумение“. В других памятниках это слово в смысле титула мне еще не встречалось. Всего ближе стоит к нему слово διάθεσισ, употребляемое, как почетный титул, уже с конца IV в. и также, как σύνεσισ, трудно поддающееся переводу. Ср. *Grenfell-Hunt*, The Amherst Papyri II, 145, 23: προσαγορεύω τὴν σὴν διάθεσιν. *Meyer-Kornemann*, Griech. Papyri im Museum zu Giessen 54, 4: ἔσπευσα προσαγορεύω (sic) τὴν ὑμῶν διάθεσιν. Пап. Муз. Изящных Искусств в Москве (VI в.): εὐκτέαν ἀφορμὴν εὐπορέσασ διὰ τῶν ἡμετέρων οἰκετῶν ἔσπευσα προσαγορεῦσε (l. σαι) τὴν διάθεσίν σου.

9. Дополняемое в этой строке (а также в строке 5) на основании verso, 3 и 10 слово ὑπέρθεσισ взято здесь не в своем основном смысле, носящем чисто-юридический характер. Обыкновенно ὑπέρθεσισ применяется в папирусах в формуле: ἄνευ πάσησ ὑπερθέσεωσ = ἀνυπερθέτωσ=без всякой просрочки. Но в нашем тексте речь идет не о про-

[25] По поводу топотерета см. *Heisenberg*, Byzant. Papyri zu München, 161: Aus den Nov. (т. е. Nov. Iust. 128, 19 и 134, 1) gewinnt man unwillkürlich den Eindruck, dass τοποτηρητήσ kein bestimmter Rang mit bestimmter Kompetenz ist, sondern überhaupt den Vertreter eines Beamten bedeutet.

[26] См. *Wilcken*, Grundzüge I, 74, 7.

срочке, т. е. не о неисполнении чего либо в *назначенный* срок, а о простой задержке, о простом промедлении. Одним словом, в нашем памятнике ὑπέρθεσις не есть юридическое „mora“. Ср. *Heisenberg*, o. c. 48 и *Gradenwitz*, Einführung in die griech. Papyri, 114.

Слово βράδος, известное нам из литературы классического периода (ср. Xen. de re equestri 11, 12) в папирусных текстах, насколько я знаю, еще не встречалось. Его надо переводить через „промедление“, „заминки“, а в предшествующем ему ἐπιδεχόμενον видеть part. pass.

Г. Ф. Церетели

Тифлис. 1925.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Надписи Кабена *.

Постройку многих из наилучших архитектурных памятников Грузии (храмов, замков) народное предание приписывает Тамаре Великой (1184—1212). Однако, на самом деле только часть их появилась в годы правления этой Тамары, а еще меньше памятников сохранило надписи с упоминанием ее имени.

В окрестностях Тифлиса или, вернее, Коджор (др. Азеула) сохранилось два замечательных памятника, постройка которых связана с именем Тамары. Это: 1) Бет'ания (ბეთანია) в ущельи р. Веры, притока Куры, и 2) Кабен (კაბენი), русскими почему-то окрещенный в „Кобинский" монастырь, в ущельи р. Асурет'ис-ц'к'али, ныне называемой также Джиграшеном, притока р. Алгет'а (впадающей в Куру). Из них первый сохранил замечательную фресковую роспись с изображением Тамары, ее отца, Георгия III, и сына, Георгия-Лаши, второй—надпись времен Тамары.

Желание установить правильное чтение Кабенских надписей привело меня к мысли посвятить им нижеследующую заметку.

*
* *

Ученый историк-географ Грузии начала XVIII в. **Вахушт** так описывает Кабен: „Ниже Кикет, в ущельи, есть монастырь Кабенский, который был женским, с куполом, прекрасный, ныне под охраной иерея. Построила его царица Тамара" [1].

---

* *Извлечение* из публичной лекции о Кабене, читанной мною 30 июля 1922 г. в Кабенском монастырище для экскурсии Тифлисского Дома Внешкольного Работника и переработанной затем в специальный доклад в Кавк. Отд. Моск. Арх. О-ва 25 декабря того-же года.

[1] Изд. *М. Броссе,* 174 = *М. Джанашвили,* 62 (ср. рус. пер. последнего, 50—51).

Судя по описаниям специалистов [2], в Кабене было 3 церкви, из коих одна—главная, купольная, во имя успения (это—та самая, которая упоминается Вахуштом), другая—малая, базиличная, по преданию, во имя Симеона Столпника, к З. от первой, и, наконец, третья—совсем маленькая, так же базиличная, по преданию, во имя архангела Михаила (служившая усыпальницей рода Солаг'а-швили), к Ю. от первой. Из них первая в начале нынешнего столетия варварским образом была разобрана до основания [3], две же другие сохранились в развалинах.

Судя по тем-же описаниям, надписи были (и сохранились) только на второй.

Сама эта церковь небольших размеров, базиличного типа, с внутренней В. абсидой и входом с Ю. стороны. Будучи сооружена из желтоватого тесаного камня, она местами покрыта орнаментацией, как напр. наличник оконного отверстия с В. стороны и пр.

Эта церковь имеет всего 3 лапидарные надписи, исполненные заглавным грузинским шрифтом (асомт'аврули). Они сосредоточены на В. фасаде: одна слева от оконного отверстия, другая справа от него и третья в С.-В. углу.

Более всего интересна первая надпись, которая представлена в фотографиях Ермакова №№ 4808 и 5706, а равно П. Уваровой (фотография последней была под руками А. С. Хаханова [4]).

---

[2] См.: *G. Gagarin,* Le Caucase Pittoresque, Paris 1847, pl. XXII; *M. Brosset,* Voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, rap. I, SPB. 1850, pp. 15—19; *его-же*—„Mélanges Asiatiques", t. II, 1856, p. 302—303 и tabl. №№ 11—13; *П. Иосселиани,* Кабенский монастырь, „Кавк. Календарь" 1854 г., стр. 489—492; *Д. Гримм,* Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении, Спб. 1866, стр. 5 и табл. III; *Д. Бакрадзе,* Кавказ в древних памятниках христианства,—„Записки О-ва Люб. Кавк. Археологии", в. I, Тфл. 1875, стр. 76—77; *Н. Никитин,* Кабенский монастырь близ Коджор,—„Древности—Труды Ком. по сохр. древн. пам. И. Моск. Арх. О-ва", т. III, М. 1909, стр. XLII—XLVIII; популярные брошюры: „Кабенский монастырь (краткое описание, принесенное в дар... *А. Петровым*), Тфл. 1902, стр. 1—7, и „Русский монастырь в Грузинской епархии" [из „Дух. Вестн. Груз. Экзархата"], Тфл. 1903, стр. 61—63 и др.; Фотографии *Д. Ермакова* (ныне фототеки Тифл. Гос. Университета) №№ 4807—4809, 5701—5704, 5706—5708 и 15586 (ср. Каталог Ермакова, Тфл. 1896, стр. 111—112). Отчет *Г. Н. Чубинова* о посещении, совместно со мною и студ. Г. Леммлейном и В. Гелейшвили, Кабена в 1920 г., предназначавшийся к печати в одном из тифлисских периодиков, к сожалению, до сих пор еще не опубликован.

[3] Об этом см.: Русск. мон. в Груз. епархии, Тфл. 1903; Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. О-ва, в. II, стр. 27 (прот. № 21); Древности—Труды Моск. Арх. О-ва, т. XXII, в. I, стр. 246 (прот. К. по сохр. пам. № 21); *Н. Никитин,* ц. с. стр. LXII; Древности—Труды etc, т. XXII, в. I, стр. 258 (прот. К. по сохр. пам. № 28); *П. Уварова,* ibid., стр. 265; Изв. К. О. М. А. О., в. III, стр. 40 (прот. № 48, п. 5).

[4] *Н. Никитин,* ц. с., стр. XLIII.

Ею занимались: М. Броссе, издавший ее с параллельным французским переводом [5], П. Иоселиани, издавший ее с параллельным русским переводом [6], А. Хаханов, чтением и русским переводом которого располагал Н. Никитин [7], и, наконец, Е. Такайшвили, дешифровка которого до сих пор еще не опубликована [8].

Я не знаю, как читал эту надпись Е. С. Такайшвили, но что дешифровка всех предыдущих исследователей, совпадая в общем одна с другою, ошибочна, это вполне ясно: и М. Броссе, и П. Иоселиани считали ее в 7 строк, тогда как она в 6 строк; оба читали во 2-й (?) строке какое-то слово მონაწილე *соучастник*, чего на самом деле нет в надписи; Ⴉ҃Ⴄ Броссе раскрывал как კ[ონსტანტინ]ე *Константин*, тогда как оно может быть сокращением, кроме того, и კ[ვირიკ]ე *Кирик* или კ[ირილ]ე *Кирилл* и т. п.; оба в начале 2-й строки снизу читали თრთმრი || თორთომარი, что Броссе связывал с Т'орт'умом (Т'орт'ум-Испиром), тогда как там на самом деле стоит ოქროპირი *Ок'ропир* — собственное имя (буквально означающее „Златоуст“ = „Хризостом“); и пр.

Об этой надписи у М. Броссе, между прочим, читаем:

„Les trois premières lignes, effacées ou mutilées à dessein, renfermaient une invocation à Dieu, «un en nature, jouissant de la trinité en personnes». Les deux dernières sont remarquables par la mauvaise forme des lettres, et par les Ⴙ gravées au rebours. Depuis la fin de la 3-e ligne, le sens est:

«Nous avons construit cette sainte église, sous le règne de Thamar, nous fils de Giorgi: Costantiné et Nicolaoz, Basili Thrthomari (?) et Grigol, *Théodoré*. Que Dieu fasse grâce à tous ceux qui ont pris de la peine pour ceci. Amen».

Thrthomari, si j'ai bien lu, me paraît signifier, de Thorthom, ville bien connue, sur le bas Tchorokh; de Théodoré, il ne reste qu'une lettre“ [9].

Так же переводил и понимал эту надпись и П. Иоселиани.

„Имея хорошую фотографию этой надписи, я, — писал Н. Никитин, — обратился с просьбой к А. С. Хаханову проверить чтение Броссе, который читал ее на месте, указывал ее порчу и неясность.

---

[5] *M. Brosset*, Voyage arch., rap. I, p. 17; Mél. As., t. II, tabl. № 11.
[6] *П. Иосселиани*, ц. с., стр 491—492.
[7] *Н. Никитин*, ц. с.. стр. XLIII.
[8] Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. о-ва, в. II, стр. 27.
[9] *M. Brosset*, op. cit., loc. cit.

Александр Соломонович нашел, что изложение надписи не есть буквальный перевод, но что смысл верен“.

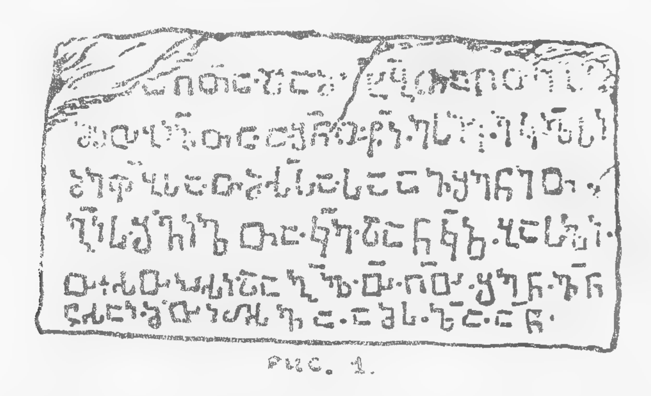

Рис. 1.

Кабен (კაბენი). Ц. Симеона Столпника. Восточный фасад. Большая надпись близ оконного отверстия. Прорись по увеличенной фот. Ермакова.

Эту надпись (см. рис. 1) я читаю так:

1. [ს῀ხლით]ა ღ῀თა. და შ[ეო]ხ῀ვთა. ღ῀თის
2. მშობ῀ლთა. უშ῀ნო. წ῀ი. ესე. ეკლესი[ა]
3. მეფ῀ბსა. თმრ῀სასა ავშენეთ.
4. გ῀ის. შვილთა. კ῀ე და ნ῀კზ. ბასლი.
5. ოქროპრი. და გ῀ლ. ო῀. ღ῀ო. შ῀ენ. ვნ
6. ც რაი. მოიჭრვა. ამს. ზ῀ა. ა῀ნ.

Var. 1. Бр. всю строку: ...ႱႫისႠ ႱႠმ ႪႫႠ (sic), Иос. только: ღუთისა (sic). 2. Бр. и Иос. первую половину строки выдают за особую (лишнюю) строку, которую читают: Бр. ႹႹႭႷႠ... ႹოႩႠႡႨႪႷ, Иос. только მონაწილე. Остальное у Бр. Ⴉმიდ ႠႣ ႷႱႷ ႷႩႪႱႷႱႨႠ, Иос. წინდა ესე ეკლესია. 4. Бр. Ⴉოსტანტინ Ⴗ, Иос. კ. Иос. abs. ႺႠ. Бр. ႩიႩოႪაოႪ, Иос. ნიკოლოოს. 5. ႭႵႹႭႨႹႨ] Бр. ႫႹႫႹႹႨ, Иос. თორთომარი. Иос. abs. Ⴊ῀Ⴊ. Ⴍ῀] Бр. Ⴋ (sic), Иос. abs. Ⴑ῀Ⴍ] Бр. ႱႫ, Иос. ღმერთმან. 6. Иос. რაჲ, მოიჭირუა.

В дешифрованном виде и переводе:

სახელითა ღმრთისა(ჲ)თა და მეოხებითა ღვთის მშობელისა(ჲ)თა უშენო წმიდაი ესე ეკლესია ǀ მეფობასა თამარისასა ავაშენეთ ǀ გიორგის შვილთა კ῀ე (კონსტანტინე

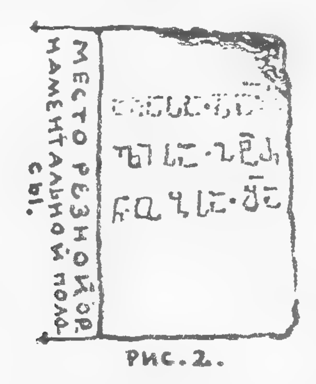
Имепем бога и предстательством богородицы, недостроенную святую сию церковь в царствование Тамары достроили сыновья Георгия: К (Константинэ ǁ Кви-

კვირიკე || კირილე etc?) და ნიკო-ლოზ, ბასილი, | ოქროპირი და გრიგოლ. უფალო ღმერთო, შეგ-ვინდენ, ვინ(ც რაი მოიჭირვა ამას ზედა. ამინ.

рикэ || Кирилэ etc?) и Николай, Василий, Окропир и Григорий. Господи боже, прости, кто чем потщился в этом деле. Аминь.

Надпись, относящаяся, вне всякого сомнения, к эпохе Тамары (1184—1212), интересна и в палеографическом отношении, ибо в ней, как еще Б р о с с е отмечал, заглавная груз. буква Ⴐ (р) начертана обратно—хвостиком вперед, во всех 5-ти случаях, где только это Ⴐ встречается: თამარისასა (стрк. 3), ოქროპირი (стрк. 5), რაი и მოიჭირვა (стрк. 6).

В заключение, привожу остальные две надписи.

Кабен (კაბენი). Ц. Симеона Столпника. Восточный фасад. Малая надпись близ оконного отверстия. Прорись по увеличенной фот. Ермакова.

Надпись (в 3 строки) справа от оконного отверстия (см. рис. 2) я читаю так:

1. ႠႫႠႱႠ. ႣႠ
2. ႩႪႱႠ. ႮႠႰ
3. ႬႭႡႱႠ. Ⴘ~Ⴀ

В дешифрованном виде и переводе:

ამასა და... (?) | [ეკ]ლეს[ი]ა პატრო|ნობასა შინა...

Сию церковь... в патронство...

В этой надписи Б р о с с е во 2—3-й стрк. первоначально читал ႱႠႰ|ႬႭႡႱႠ[10], которое, однако, впоследствии им же было исправлено на ႮႠႰ|ႬႭႡႱႠ[11].

---

[10] Ibid.

[11] Mélanges Asiatiques, t. II, p. 302 и tabl. № 12.

Подобно первой надписи, она тоже интересна в палеографическом отношении: в ней у Պ (п) вторая линия несколько короче обычной, благодаря чему она производит впечатление арм. Ն (н), что́, повидимому, и смутило Броссе, давшего первоначально неправильное чтение.

Фрагмент надписи в С.-В. углу, доселе никем не изданной, я читаю так:

1. + ႵႰ
2. ႩႤႪႭ
3. ႭႴႪႭ

„ქრა (?)... კელო (?) .. უფალო“.
Не дает смысла.

Л. Меликсет-Беков

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

О монете Корикэ куропалата *.

В 1838 г. известный в свое время арменист А. Худобашев прислал в Азиатский Музей Академии Наук 2 серебряных и 4 медных армянских монеты, в том числе одну, неизвестную до того, с именем Корикэ куропалата [1]. М. Броссе издал ее в 1839 г. с приложением рисунка [2], служившего вплоть до настоящего времени единственным источником для описания, так как подлинник исчез: я искал его в 1908 г. в Азиатском Музее, но не нашел, а через год получил от акад. К. Залемана, произведшего, по моей просьбе, пересмотр коллекции, извещение о том, что ни этой, ни остальных худобашевских монет в Музее не оказалось. Потеря была бы почти невознаградимой, но, к счастью, в последние годы мне удалось встретить несколько новых экземпляров, и путем сличения их между собой получить возможность дать описание этого памятника в более полном виде, чем это мог сделать Броссе, а также—разобраться, попутно, в некоторых исторических недоразумениях.

рис. № 1. рис. № 2

I—Погрудное изображение Христа, прямо; в левой руке евангелие, правая сложена благословляюще; точечный нимб разделен лучами

* Читан автором, как составная часть общего доклада „О нескольких средневековых армянских монетах", в заседании Нумизматического Отдел. Русск. Археологич. Общ., 6/IX, 1923 г. На Собрании ученых членов КИАИ читан ад'юнктом Л. М. Меликсет-Бековым 29/VI, 1925 г.

[1] *Dorn,* Das Asiat. Mus. 81, 529—530.

[2] *Brosset,* Monogr. des monn. armén., pl. I № 1.

на-четверо; по сторонам головы: **ՅՍ—ՔՍ** т. е. *Иисус Христос*. Ободок из слитых точек.

II.—В пять строк: /+**ՏՐՈԳ** / **ՆԷԿՈՐԻԿ** / **ԷԻԿՈՐԱՏ** / **ՊԱՂԱ** / **ՏԻՆ**~/ т. е. *Господи, споспешествуй Корикэ куратпаг'ату!* Ободок кажется линейным.

Медь, диам. около 22 мм., толщ. около 2 мм., вес от 5 до 6 грам. [3].

На оборотной стороне в обоих случаях **Ո** и **Ր** связаны в одну монограмму, как это нередко встречается на армянских резных камнях и на киликийских монетах XII – XV в в. Надпись начинается крестом и заканчивается дугообразным значком — повидимому, просто украшением, поставленным для заполнения пустого места. Буквы пятой строки гораздо мельче остальных. Византийский титул передан формой *կուրատպաղատ*, вполне соответствующей грузинской კურატპალატი= *куратпалат-и*, употреблявшейся, в числе других, в Грузии в X—XI веке [4].

Экземпляры монеты Корикэ я видел: один у Ка-нца, в Александрополе (нын. Ленинакане), один—у серебрянника, в Ахалцихе, два—у М. Тер-Оганезова, в Тифлисе [5]. Кроме того, один экземпляр находился в коллекции А. Гагарина, судя по следующей заметке, сделанной рукою кавказского нумизмата 60-х г.г. И. Бартоломея на полях статьи Броссе [6]: „Cabinet du P-ce A. Gagarine: +**ՏՐՈԳՆԷԿՈՐԻԿԻ . ԿՈՐԱ . ՊԱԼԱԹԻՆ**". Надпись была, видимо, полна, но не отчетлива, а потому Бартоломей и не разобрал букв **Է** и **Տ**, отметив пропуски их точками, и неправильно прочел **Լ** вместо **Ղ** и **Թ** вместо **Տ**.

На худобашевском экземпляре от титула осталось только **ԿՈՐԱ....Ա**, но это не помешало Броссе восстановить смысл легенды и вполне основательно отнести монету к чекану царей лорийско-албанских, боковой ветви анийских Багратидов [7]. Неправильно, по моему мнению, только приурочение ее к Корикэ I, на том основании, что этот царь пользовался бо́льшей, будто бы, самостоятельностью, чем трое его тёзок, и на предполагаемом Броссе сходстве, на деле

---

[3] Здесь и далее римские цифры I и II означают лицевую и обратную сторону; диаметр и толщина выражены в миллиметрах, а вес в граммах.

[4] *Пахомов,* Монеты Грузии, I, стр. 58, 62.

[5] Один из них передан мне; его вес =5,6 грамма.

[6] Бартоломеевский экземпляр этой статьи находится у меня.

[7] *Brosset,* Monogr. des monn. armén. p. 32.

не существующем, с грузинской медью XII—XIII в.в. Последний довод, даже если бы был справедлив, говорил бы именно против определения Броссе. Гораздо неудачнее оказались толкования позднейших нумизматов.

В. Ланглуа в 1859 г. по рисунку Броссе прочел надпись иначе [8]: в его передаче, она звучит: „Der, ocknè Gorigi Gor[igianin] a[rkai]“ = *Господи, споспешествуй Корикэ, корикианскому царю!* От мхитариста о. Алишана, он получил чтение: ***տ՛ր ոգնե կորիկի և կորա քաղաքց*** = *Господи, споспешествуй Корикэ и городу Коре*. Наконец, Г. Айвазовский предложил такое толкование: ***տ՛ր ոգնե կորիկի և կողակցին նորա*** = *Господи, споспешествуй Корикэ и его жене!* Что касается приурочения, то Ланглуа предположил здесь подражание чекану Танкреда антиохийского (1100—1103 и 1104—1112) и отнес монету к Корикэ IV (XIII в.). Впрочем, уже в следующем 1860 г., ознакомившись со вновь открытыми тогда грузинскими монетами Давида куропалата тайского, он отказался от своего первоначального мнения, и принял чтение Броссе, но сохранил свое приурочение ее к Корикэ IV [9].

Вновь найденные экземпляры уже не оставляют места для колебаний в толковании надписей: весь вопрос лишь в приурочении монеты.

Имя Корикэ или иначе Квирикэ встречается в двух закавказских династиях: гардабано-ках[ет'ин]ской и таширо-албанской. По Грузинским Летописям [10], в конце VIII в., в области Гардабан или иначе Гардман, лежавшей, повидимому, между Ках[ет']ией, Шекой и Арраном, появились независимые династы, с титулом к'орикоза. Первым из них упоминается Григол; за ним идет Дачи, сын Иоанна Квабули-дзе. Дачи наследуют сначала Самуэл Донаури, а затем его брат— Габриэл Донаури. Эти к'орикозы постепенно подчиняют себе Ках[ет']ию, которая становится центром их владений, а титул к'орикоза делается титулом верховных ках[ет'ин]ских государей. Перечисленные владетели, за исключением двух Донаури, повидимому, все происходили из различных родов и поэтому, а также по упоминанию Летописи об *избрании* Дачи, можно заключить, что звание к'орикоза до конца IX в.

---

[8] *Langlois,* Numis. de l'Arménie, p. 28—29.

[9] *Langlois,* Essai de class. des suites mon. de la Géorgie, p. 37.

[10] Hist. de la Géorgie, изд. *Броссе,* I; 264, 265, 266, 268, 271, 274, 276-278, 286 288, 289, 290, 298, 299, 317, 331, 342—243, 353—354.

было избирательным. По смерти Габриэла, его преемником стал Фадла I Аревманел-и и хотя Картлис-цховреба, по-прежнему, за редкими исключениями (например, Фадла II называется сыном Квирикэ I) не упоминает о родстве между собою этих династов, но, повидимому, с этого времени титул переходит уже по наследству, а не по избранию. Вахушт[11], со своей стороны, воспроизводит предание, по которому начиная с Фадлы I и до Квирикэ III престол переходил от отца к сыну. Фадле I наследует Квирикэ I, последнему—его сын Фадла II, затем Квирикэ II, Давид I и Квирикэ III Великий, который первый начинает в Летописи именоваться уже не к'орикозом, а царем. После убийства Квирикэ III рабом-ос[ет'ин]ом, его престол переходит к Гагику, сыну его сестры и Давида Безземельного из Багратидов таширских. Гагику наследуют: его сын Аг'сарт'ан I, затем сын последнего—Квирикэ IV и, наконец, племянник, согласно Грузинским Летописям, или сын, по Вахушту, Квирикэ IV—Аг'сарт'ан II, при котором Ках[ет']ия завоевывается Давидом II Строителем и прекращает свое существование в качестве самостоятельного царства. Хронология этих к'орикозов и царей очень гадательна. Вахушт[12] дает следующую таблицу их царствований:

Григол I	787—827	Квирикэ II. . .	929—976
Дачи Квабули-дзе .	827—839	Давид I. . . .	976—1010
Самуэл Донаури. .	839—861	Квирикэ III . .	1010—1029
Габриэл Донаури .	861—881	Гагик или Гаг .	1029—1058
Фадла I Аревманел-и	881—893	Аг'сарт'ан I . .	1058—1084
Квирикэ I	893—918	Квирикэ IV. . .	1084—1102
Фадла II	918—929	Аг'сарт'ан II. .	1102—1105

Но на эти данные приходится смотреть, как на очень и очень приблизительные, выведенные из мимолетных упоминаний Летописи о событиях, предполагаемых одновременными правлению того или иного царя и серьезного значения приведенным годам придавать пока нельзя.

Вопрос о национальности династии, основанной Фадлом I, связан с еще невыясненной этнической историей Ках[ет']ии. Здесь не место вдаваться в разбор этого вопроса и я считаю нужным лишь отметить, что, повидимому, состав коренного населения был не армянским и не грузинским, но поочередно подвергался то арменизации, то грузини-

[11] H. de la Géorgie, II, 141.
[12] Ibid., II, 139—144.

зации. В связи с этими изменениями были смены господства и вероисповедания. Судя по именам (Фадла=арабское Фадл=فضل, обычное у шеддадидских эмиров, Квирикэ=арм. Корикэ, употребительное у армянских Багратидов) и по родственным связям с таширским домом, династия Фадла была скорее армянской вначале, но именно к ее времени относится усиленная грузинизация Ках[ет']ии, население которой изменяет антихалкедонитству [13], уже тогда принявшему облик национально-армянского вероисповедания, связанного с употреблением армянского языка. Уже при Квирикэ I, не говоря о его преемниках, невозможно допустить употребление армянского языка на ках[ет'ин]-ском государственном документе, каким является монета. Помимо этого, едва ли эти к'орикозы вообще могли пользоваться правом чекана собственной монеты, которую не выпускали даже более сильные современные им династии Багратидов анийских и др. Только при Квирикэ III они присваивают себе царский титул, но это может быть отнесено в равной мере как к усилению этого династа, так и к падению значения грузинского титула меп'е (მეფე), а вместе с тем и к окончательной грузинизации края, при которой старые титулы заменялись новыми—грузинскими. Отношение этой династии к византийцам нам совершенно неизвестно, а поэтому титул куропалата не дает ничего, но и всего сказанного достаточно, чтобы отказаться от мысли о возможности приписать наш памятник одному из четырех ках[ет'ин]ских Квирикэ. Отмечу еще одно обстоятельство: Грузия, в целом, представляет собою сплошной музей памятников архитектурных и эпиграфических, начиная с VI в. В еще большей степени это относится к Армении; странно поэтому встретиться в Ках[ет']ии с полным отсутствием каких-бы то ни было надписей ранее начала XI в. Ни от одного из ках[ет'ин]ских к'орикозов или царей, до этого предела, не сохранилось хотя-бы незначительного эпиграфического памятника!

Итак, оставив в стороне династию ках[ет'ин]скую, перейдем к другой—таширо-албанской [14]. Еще при предпоследнем анийском царе Сумбате II (977—989) в пограничной грузино-армянской области, Ташире, утвердился [15] его брат Гурген, он-же Корикэ I, с номиналь-

---

[13] Ibid., I, 279.

[14] Отрывочные сведения о ней приходится собирать у Киракоса, Вардана, Асог'ика, Мхитара, Степаноса, Самуила, Матфея и др.

[15] По Мхитару в 430 г. арм. эры=981—982 г.

ным титулом царя, вассального по отношению к Ани. Оба брата умерли почти одновременно [16]. Их приемниками были: в Ани—брат Сумбата, Гагик I (989—1020), а в Ташире - Давид I, сын Корикэ I. Этот второй таширский царь, сидевший в Самшвильде, строитель крепости Лори, значительно расширил свои владения и попытался уничтожить свою зависимость от Ани, но получил отпор от Гагика: в борьбе с последним Давид I был временно вытеснен из своего царства, получил благодаря этому прозвище Безземельного (Անհողին), затем смирился и до кончины Гагика оставался его покорным вассалом. Смуты в Ани при царе Иоанне (1020—1039), нашествия на Ани то грузин, то византийцев и, наконец, падение анийского царства в 1045 г. доставили Давиду I [17], а затем его сыну, Корикэ II, полную независимость. Это счастливое для таширской династии время продолжалось недолго: турки-сельджуки, с одной стороны, и грузины, с другой, опять поставили ее в критическое положение. Вскоре после разгрома Лори мусульманами Давид II и Абас I, сыновья и преемники Корикэ II [18], принуждены были покинуть свои таширские владения и искать убежище в Арране, где их резиденцией стала крепость Мац'наберд [19]. Давидом II в первых годах XII века заканчивается, строго говоря, династия таширских царей. Он и его потомки остаются владетелями Мац'наберда и нескольких других арранских крепостей, но их земли дробятся между наследниками и вскоре они теряют самостоятельное значение, попадая в зависимость от вновь выдвигающихся на историческую сцену княжеских родов Мхаргрдзелей и других. Последние представители этих измельчавших Багратидов упоминаются в качестве баронов, владетелей замков Мац'наберда, Норберда и пр., в конце XIII в. В Мац'наберде Давиду II наследует сын, Корикэ III, затем внук Абас II, умирающий без законных детей. Замок остался в руках сестры Абаса Борины, воспитавшей его побочного сына, Аг'сарт'ана, и передавшей последнему владения Абаса. Аг'сарт'ану наследует сын—Корикэ IV. При нем Мац'наберд и остальные крепости берутся монголами, после которых потомки царей хотя и не исчезают, но теряют всякое политическое значение. Царский титул

[16] По Броссе в 989 г.

[17] По Броссе умер около 1046—47 г.

[18] Время его смерти неизвестно, упоминается еще живым в надписях Санаина, в 1061, 1063 и 1089 г.г.

[19] По Мхитару в 560 г. арм. эры=1 ок. 1111 г.

сохранялся, повидимому, лишь до Абаса II, хотя позднейшие историки иногда придают его еще Аг'сарт'ану I и Корикэ IV.

Возвратимся к разбираемой монете. Ее общий облик явно заимствован с тех анонимных монет, которые, по положительным сообщениям византийских историков, начали чеканиться [20] при Иоанне Цимисхии (969—976) и которыми, можно сказать, доныне насыщена почва северной Армении и южной Грузии, особенно районы Ахалциха, Ардагана, Карса, Ани, Лори и пр. Эти анонимные монеты не могут, конечно, относиться к Цимисхию во всех своих типах: такое приурочение их некоторыми нумизматами безусловно ошибочно, но их первая разновидность, с изображением Христа, как на нашей монете (лишь с заменой армянских букв греческими), и четырехстрочною надписью на обороте, действительно должна быть отнесена к нему. Впоследствии, но когда именно—еще не выяснено, тип значительно меняется и последние варианты его доходят до рубежа XII—XIII веков, непосредственно примыкая к медным монетам первых латинских императоров Константинополя. Пока возможно установить только последовательность типов, основываясь на перечеканенных экземплярах, встречающихся довольно часто. Для нашей цели достаточно знать, что тип, наиболее близкий к монете Корикэ, является одним из самых ранних, если не первым в этой серии, и начинает биться не позже конца X века. Титул куропалата, обычный у царей и владетелей Грузии и Армении в IX—XI в.в., выставляемый на тайских монетах исхода X в. [21], становится редким в XII в. и теряет свое политическое значение со времени падения Константинополя в 1204 г. Эти обстоятельства определяют время появления монеты Корикэ периодом с конца X до конца XII в., но ближе к его началу, когда вся почти ходячая медная монета Армении состояла еще из анонимной византийской меди упомянутого выше типа; уже по одному этому ее можно отнести ко времени с конца X по конец XI века. Из четырех Корикэ таширо-албанской династии для нас безусловно не имеют значения Корикэ III и IV, при которых титул куропалата вне Византии уже не употреблялся, да и власть этих царей была слишком незначительна; остаются лишь Корикэ I и II.

Корикэ I, во все свое царствование, не выходил из роли покор-

---

[20] *Saulcy*, Num. byzant., p. 248—250.

[21] *Пахомов*, Мон. Грузии, I, 55—57. Высказанное там-же замечание о монете Корикэ, как о памятнике, возможном и для X в., я дополняю настоящей статьей.

ного вассала Гагика I анийского и если последний не носил византийского титула, да, повидимому, вовсе и не добивался этой сомнительной почести, держась по отношению к византийцам вполне самостоятельно, не вступая даже в ту условную форму подданства императору, в которую охотно шли другие представители армянских и грузинских династий [22], то едва ли можно допустить, что Корикэ I, подручный Гагику, нарушил-бы эту систему принятием титула куропалата. Точно так-же. если более сильный анийский царь не бил собственной монеты, то его вассал опять-таки едва ли мог демонстративно воспользоваться подобным правом. По этим соображениям, подобно Броссе и Ланглуа, я считаю невозможным приурочить монету к Корикэ I. В совершенно ином свете является его внук, Корикэ II: получив престол вслед за падением Ани в 1046 г., а может быть и одновременно с этим событием, он волею судеб явился почти единственным самостоятельным носителем царского титула среди армянских Багратидов, если не считать слабого, находившегося тогда под византийской опекой, последнего карсского царька Гагика, правившего до 1064 г. Вполне естественно, что в армянских кругах того времени непременно должна была возникнуть партия, считавшая Корикэ II главою Армении и быть может надеявшаяся, что таширские Багратиды повторят в истории страны роль своих анийских родичей. Что такая точка зрения была не чужда самому Корикэ II, меня убеждают его решительные действия по отношению к престолу армянского или албанского католикоса [23], в избрание которого он вмешивается совершенно так-же, как это делали до него анийские цари. Не вина Корикэ, что силы его крохотного царства не выдержали натиска турок, грузин и византийцев: важно лишь знать, что был момент, когда лорийский царь играл роль главы Армении и притом в то время, когда Ани и другие соседние с его владениями области находились в руках византийцев. С ними необходимо было ладить, а это, по тогдашним взглядам константинопольского двора, возможно было лишь при условии, если пограничный христианский государь займет надлежащее место в иерархии мировой ромейской империи путем принятия того или иного византийского титула. Вот почему, несмотря на молчание армянских историков, приходится признать, что Корикэ II не мог не носить придворного византийского чина, подобно почти всем

---

[22] Ср. *Марр,* О раскоп. и раб. в Ани летом 1906 г. (Тек. и Разыск. X), 32—36.

[23] Киракос, Мхитар—под 530 арм. эры = 1081 г.

современным ему багратидским владетелям Верхней Грузии и абхазо-карт[алин]ского царства. Такова историческая точка зрения; с нумизматической-же, тип рассматриваемой монеты как нельзя больше соответствует времени правления Корикэ II, отличаясь от ходившей тогда византийской только языком, смыслом надписей и отчасти размером: громадное большинство экземпляров этой меди вдвое тяжелей нашей монеты: очень редки образцы меньшего, приблизительно половинного веса, соответствующего весу монеты Корикэ. Неизученность византийской меди не позволяет пока указать, с чем мы имеем дело в этих колебаниях: с выпуском-ли различных номиналов, с небрежностью-ли юстировки, с изменением-ли монетной стопы, с допущением-ли чеканки по местным, отличным от обще-государственной, системам или с чем-нибудь еще иным. Всё сказанное выше приводит меня к убеждению, что монета Корикэ бита в царствование лорийского царя Корикэ II, в половине XI в., и представляет собою, вероятно, результат надежд на блестящее будущее, явившихся благодаря неожиданному переходу незначительной удельной династии на временную роль главы осиротевшей Армении. Как нельзя более соответствует этим обстоятельствам армянская—признак национального самосознания—надпись: *Господи, споспешествуй Корикэ куропалату!* Важным историческим фактом, сообщаемым исключительно разбираемою монетой, является ношение Корикэ II византийского титула.

Е. Пахомов.

По поводу статьи Е. А. Пахомова „О монете Корикэ куропалата“ *.

Вопросу, затронутому Е. А. Пахомовым, посвящена, между прочим, новейшая специальная заметка венского мхитариста Гевонда Мовсесяна, замыкавшая собою печатавшиеся на страницах „*Հանդէս Ամսօրեայ*“ очерки по истории Лорийских Киврикидов, выпущенные отдельной книгой в Вене в 1923 г. (в виде вып. 95-го серии „*Ազգային Մատենադարան*“).

Но работа Мовсесяна, несмотря на неиспользование в ней новейших публикаций в русской арменистической литературе, как, напр., заметки [И. Орбели] о надписи Санаинского моста (ХВ IV, 191—192), упоминающей „дочь князя князей Саргиса, сына Захарии, и супругу царя Абаса“ *Ванени*, а не *Нану* (Мовсесян, стр. 72—73), и ряд вопиющих погрешностей вроде упоминания Бет’ании близ Самшвильде (ibid., стр. 68) и Ахалциха в Кахии или близ Кахии (стр. 84), или отожествления Дзорогета с тою-же Кахиею (стр. 86), интересна в том отношении, что дает более или менее удачную сводку данных древне-армянских историков и армянских эпиграфических памятников о Киврикидах. Но в данной книжке, помимо очерка „Лори и история рода Киврикидов—армянских Багратидов“ (стр. 1—82), помещены заметки: „Армяне-цари из династии Киврикидов в Кахии“ (стр. 83—87) и „Монета Корикэ куропалата“ (стр. 88—93), а также „Генеалогия династии Киврикидов“ (стр. 95).

Касаясь, в частности, нумизматической заметки Г’. Мовсесяна, следует отметить, что в ней сводка предшествующей литературы представлена несколько полнее, чем у Е. А. Пахомова (напр. помимо Броссе, Ланглуа, Алишана и Айвазовского, указан и Лалаян), хотя он, Мовсесян, ни с одним из них не соглашается по вопросу о датировке монеты Корикэ. К заметке приложено 2 воспроизведения монеты, из коих одно, на стр. 89, согласно изданию Броссе, и другое, на стр. 90, согласно экземпляру, принадлежа-

* Читано на Собрании ученых членов КИАИ 29/VI, 1925 г.

щему Венской конгрегации, причем там-же упоминается еще третий экземпляр, пожертвованный Лалаяном эчмиадзинскому музею (стр. 88); хотя, впрочем, автор вскользь отмечает и то, как мол „говорят о существовании [некоторых] экземпляров и в собрании Венецианских мхитаристов“ (ibid, прим.).

Таким образом, вопрос о числе наличных экземпляров монеты Корикэ куропалата ныне, после работы Мовсесяна, подлежит пересмотру в сторону увеличения такового против зафиксированной Е. А. Пахомовым цифры.

Другое дело—как читает самую надпись на монете Г. Мовсесян и как последний ее датирует.

По первому вопросу следует указать, что коньектура Е. А. Пахомова почти совпадает с тою, которая независимо от него предлагается Мовсесяном (стр. 91), за исключением разве только одной буквы: Ց (у Мовсесяна) вм. Տ (у Пахомова), в зависимости от чего мы и имеем различные чтения одного и того-же выражения „куропалат“ (по-груз. კურაპალატი): в первом случае—ԿՈՐԱ[Ց]ՊԱՂԱՏ, а во втором—ԿՈՐԱ[Տ]ՊԱՂԱՏ, из коих верно, конечно, второе.

Второй-же вопрос Мовсесян оставляет почти открытым.

Разбирая чтения Ланглуа и примыкающих к нему о. Алишана и Г. Айвазовского, с одной стороны, и М. Броссе и примыкающего к нему Е. Лалаяна, с другой, в связи с вопросом о датировке монеты правлением Корикэ, в котором Ланглуа усматривает Корикэ IV [III] (1084—1102), а Броссе—Корикэ I (893—918 [980—989]), Мовсесян вполне основательно замечает, что решительное значение при приурочении монеты тому или иному лицу должно иметь упоминание титула „куропалата“. И „неужели государи, которые как в историографии, так и в надписях церковных и светских, именуются царями, допустили бы, чтобы в отображающих величие их государственных монетах они низведены были до [сравнительно] простого титула *куропалата*“,—спрашивает Мовсесян (стр. 92). С другой-же стороны, „имя *Корикэ* присуще не Лорийским царям“ только, ибо „оно налично также в Таии, правителям которой также принадлежит титул *Куропалата*“ (ibid.). Потому-то, по мнению Мовсесяна (стр. 92—93), „у нас нет никаких оснований не приписать эту монету какому-либо правителю Таии, ибо там правители пользовались такой привиллегией“ (в примечании ссылка на: I. de Morgan, Histoire de Peuple Arménien, Paris 1919,

стр. 145). „Между тем, должно показаться очень странным, чтобы Киврикийская Багратидская династия в Лори имела бы преимущество, которого лишены были Анийские Багратиды, в зависимости от коих она находилась“ (стр. 93). В виду всего этого, Мовсесян и полагает, что „трудно ответить“ на вопрос о том, „к какому времени относится монета“; хотя, впрочем, по палеографическим признакам она „должна быть отнесена к X—XI в.в.“ (стр. 93).

Л. М.-Б.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

О междоусобице в Тифлисе в 1197 году по поводу Кривой пасхи *.

(Вокруг старого Тифлиса).

История Грузии и Армении запечатлена далеко не одним эпизодом межнациональных трений обоих народов, возникавших хотя и на религиозной почве, но безусловно в силу известных как политических и национально-культурных, так и экономических условий. Один такой эпизод значительно позднее эпохи церковного разрыва между обоими церквами в начале VII века [1] и даже религиозного диспута, бывшего на соборе в Г'ртиле (в Джавахии) в царствование Баграта IV в 1046 году [2], отмечен историей именно в царствование Тамары Великой в начале XIII века [3]. Это—столкновение, вернее диспут, между грузинами и армянами, имевший место, по вычислению И. Джавахишвили, около 1204 г., повидимому, в Тифлисе, в связи с намерением сына амирспасалара Саргиса Мхаргрдзел-и, антихалкедонита Захарии, причаститься, совместно с братом своим, халкедонитом Иванэ, в грузинской церкви из рук „православного“ (халкедонитского) католикоса Иоанна, что́, собственно, и взорвало смиренную братию из грузин.

Но другой, не менее интересный, эпизод из истории армяно-грузинских религиозных междоусобиц отмечает известный сирийский

* Читан на Собрании ученых членов КИАИ 25/XI, 1924 г.

[1] *И. Джавахов,* История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. ИАН 1908, стр. 433—446, 511—536; *Нерсес Акинян, Կիւրիոն կաթողիկոս վրաց. Պատմութիւն հայ-վրական յարաբերութեանց եօթներորդ դարու մէջ [„Ազգային Մատենադարան" Կ]*, Вена 1910.

[2] *К. Кекелидзе,* ორი ექვთიმე ძველს ქართულ მწერლობაში,—„ჩვენი მეცნიერება“ 1923, № 2—3, стр. 108—114; *его-же,* ქართული ლიტერატურის ისტორია, I ტომი, ძველი მწერლობა, Тфл. 1923, стр. 541. *М. Сабинин,* საქართველოს სამოთხე, Спб. 1882, стр. 615—621.

[3] ქართლის ცხოვრება, изд. *М. Бросее,* Спб. 1849 (= то-же, под ред. *Н. Марра,* Пгр. 1923), стр. 312—315; изд. *Е. Такайшвили,* Тфл. 1906, стр. 481—486.

писатель Григорий Барһэбрей или Абул-Фарадж, живший в 1226—1286 г.г.[4]. Как сообщает этот автор[5], в 1197 г. от Р. Х. произошло столкновение между грузинами и армянами по поводу т. н. „Кривой пасхи“ (*ծռազատիկ*), которая имела также место лет 95 до того (значит, в 1102 г.)[6]. В виду того, что армяне не соглашались следовать грузинам и должны были праздновать пасху на неделю позже грузин, то начался спор, который привел оба народа к столкновению.

Вот соответствующая цитата из Барһэбрея[7]:

По изд. Аббелоос и Лами.

Anno 1508 (*Chr.* 1197) contigit perturbatio magni festi Resurrectionis, propterea quod decima quarta Iudacorum in Sabbatum vigesimae nonae Adar (*Martii*) incidebat. Igitur Graeci die insequenti festum celebrarunt, eo quod decima Schebat (*Februarii*) jejunium inchoaverant; Syri vero, Aegyptii et Armeni per universum orbem dominica post illam sequente festum habuerunt, videlicet sexta mensis Nisan (*Aprilis*), utpote decima septima Schebat (*Februarii*) jejunium auspicati. Hujusmodi autem confusio unoquoque nonagesimo quinto anno occurrit in chronicis. Ast enim Iberes, cum viderent Armenos fes-

По изд. Ассемани.

Anno 1508 dissidium de Paschate fuit, eo quod quartadecima Iudaeorum un sabbatum vigesimae nonae dici Martii inciderit. Graeci enim sequenti dic Pascha celebrarunt, quum decima Februarii Jejunium inchoassent. Syri verò, Aegyptii et Armeni altera Dominica, hoc est, 6 Aprilis. Haec autem confusio nonagesimo quinto quoque anno contingere solet. Iberes quum Armenios secum Pascha minimè celebrantes aegrè ferrent, Ecclesiam eorum flammis devovere, quadraginta hominibus eo incendio absumptis. Armenii ad arma provocarunt, nec à bello Iberibus indicto desistere voluerunt, donec Iberes pro Eccle-

[4] О нем подробно см.: *В. Райт,* Краткий очерк истории сирийской литературы, пер. с английского *К. А. Тураевой,* Спб. 1902, стр. 190—204 (и другие места, по указателю, на стр. 258, sub nomine).

[5] Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum, edd. *I. B. Abbeloos* et *Th. I. Lamy,* t. II, 1874, p.p. 599—604; Bibliotheca Orientalis, ed. *Assemani,* t. II, p. 369.

[6] *Մատթէոս Ուռհայեցի. Ժամանակագրութիւն,* 2-е изд., Вагаршапат 1898, стр. 286.

[7] В виду отсутствия в Тифлисе указанных в прим. 5 изданий, содержащих в себе латинские тексты *Барһэбрея,* соответствующие выписки из последних обязательно сделаны в Ленинграде А. Н. Генко, за что выражаю ему глубокую благодарность.

tum secum non agere, illis succensuerunt et ignem intulerunt cuidam Armenorum ecclesiae, in qua flammis absumpti sunt homines circiter quatuor. Quo audito Armeni variarum regionum, numero circiter quadraginta millium congregati sunt ut bellum cum Iberibus adorirentur; hi autem, datis in pretium ecclesiae centum millibus denariorum et pro singulis hominibus qui incendio perierant mille denarios, ab Armenis pacem impetrarunt. sia quidem centum mille denarios, pro singulis verò hominibus mille persolverunt.

Таким образом, по Барhэбрею, грузины подожгли армянскую церковь, где оказались сожжеными не то 4, не то 40 армян; и когда об этом узнали армяне ближайших мест, то собрались в количестве 40 тысяч душ и намеревались объявить грузинам войну; однако, грузины предотвратили кровопролитие, заплатив армянам 100 тысяч динаров на постройку церкви и по тысяче динаров в возмездие за кровь каждого погибшего.

К сожалению, Барhэбрей не сообщает данных о том, где именно имело место описываемое им необыкновенное событие. Однако, в виду того, что это последнее у сирийского писателя локализируется к более или менее многолюдному поселению, состоящему из смешанного грузино-армянского населения, причем в нем, с одной стороны, грузины далеко не чувствуют себя пришельцами, раз посягают на другую часть населения, и, с другой стороны, армяне оказываются способными быстро собрать из окрестностей до 40 тысяч своих единоплеменников (если, конечно, цифры 40 сожженых и 40 тысяч повстанцев не произвольны, по аналогии с численностью севастийских мучеников!), нужно полагать, что столь подробно описываемое выше действие должно было происходить в городе Тифлисе. И так думает по крайней мере армянский историк XVIII в. М. Чамчян: ***Թերևս ի Տփխիս քաղաքի*** [8].

---

[8] *М. Чамчян*, **Պատմութիւն Հայոց**, т. III, Венеция 1786, стр. 161; ср. *С. Какабадзе*, სასისხლო სიგელების შესახებ (ახლად მოპოვებულ სასისხლო სიგელებთან დაკავშირებით), — „საისტორიო მოამბე" 1924, кн. II, стр. 87—88 (на основании сообщенных мною данных).

*
* *

Теперь спрашивается: что это за армянская церковь в городе с многолюдным смешанным грузино-армянским населением, т. е. в Тифлисе, вокруг которой так разыгрались страсти в **1197** году?

Ответ на этот вопрос, полагаю, может быть дан по сопоставлении сообщения Барһэбрея с memento Ванакана Вардапета (Иоанна Тавушского), автора XIII века, и одного указания в изданном мною *Списке* древностей Тифлиса и Сомехии от 1837 года.

Запись Ванакана Вардапета, наличная в рукописном евангелии XIII в. и приводимая согласно фотографическому снимку, любезно одолженному мне С. В. Тер-Аветисяном, между прочим, гласит следующее:

Ես Վանական գրեցի իմով ձեռամբս ի Տփխիս քաղաքի ի դրան մ՛ք քառասնիցս.| զի գերեալ էր աւետարանս ի Տաւուշոյ ի Մուղան ի թաթարէն և| յետ երից ամաց աստ բերե՛լ անկն|աս վաճառեցին ի ՈՀԵ թուին [9].

Я, Ванакан, написал [сие] своею рукою в городе Тифлисе, *под сенью [церкви] сорока мучеников*; ибо захвачено (*букв.* пленено) было евангелие из Тавуша в Муган татарами и через три года, будучи принесено сюда, продано, в лето 675.

Лето 675 арм. эры соответствует **1226** г. от Р. Х. Значит, в то время в Тифлисе существовала церковь во имя *сорока мучеников*, к которой, повидимому, и относится следующее, весьма ценное указание *Списка* древностей Тифлиса, составленного некиим анонимным автором в 1837 г.

მახლობელ აბანო[ე]ბის ხიდისა მიმსვლელისა გზისა არს ეკკლესია თუმცა არა დიდი, მაგრამ არცა მცირე, და არის გუმბათიანი. ესე აღშენებული არს ძველისა შენობის გვარითა სახელსა ზედა წმინდისა მთავარანგელოზისასა. ამისთვის იტყვიან, რომ ესე იყოვო ბერძენთა-

Вблизи проходящей через банный мост дороги есть церковь хотя и не большая, но и не маленькая, и—с куполом. Она построена в стиле древней церкви, во имя святого архангела. Про нее говорят, что она была сооружена греками во имя *сорока мучеников*;

---

[9] Полное воспроизведение контекста memento см.: *Г. Срвандзтян, **Թորոս Աղբար***, ч. II, Константинополь 1885, стр. 275; *Л. Алишан, **Հայապատում***, Венеция 1901, стр. 463; *А. Воскян, **Յովհաննէս Վանական և իւր դպրոցը*** [**„Ազգային Մատենադարան" ՂԲ**], Вена 1922, стр. 15.

გან აღშენებული ორმეოცთა მოწა-მეთა სახელსა ზედა, მაგრა[მ] ესე სიტყვა არს პირად თქმული და არა სადა ჰსჩანს წერილსა შინა. ესე გა-ნაახლეს და აღაშენეს ტფილისელთა სომეხთა წელსა 1792-სა. ამას საყ-დარსა უწოდებენ ტფილისელნი პა-ტარად ციხის საყდრად[10].	однако слово это передается из уст в уста и не попадается нигде в записи. Ее возобновили и обстроили тифлисские армяне в лето 1792-е. Эту церковь тифлисцы называют малою церковью крепостною.

Так называемая „малая церковь крепостная“ (по-грузински: პატარა საყდარი ციხისა, по-армянски: ***բերդի փոքր եկեղեցի***) [11], известная ныне под названием ***Հրեշտակապետաց*** *Архангелов* и противополагаемая „большой церкви крепостной“ (по-груз.: დიდი საყდარი ციხისა, по-арм.: ***բերդի մեծ եկեղեցի***) т. е. церкви св. Георгия, бывшей кафедральной (***կաթողիկէ***) богородичной, на Майдане [12], судя по только что приведенному описанию от 1837 г., некогда посвящена была *сорока мученикам.* Между прочим, это—та самая церковь, которая долгое время (в XIII—XVIII в.в.) служила подворьем знаменитого Санаинского монастыря в Сомехии (Сомхит'и) [13], в связи с чем, естественно, и находит себе объяснение факт пребывания именно при этой, а не при другой церкви известного армянского ученого XIII века, примыкавшего к кругу санаино-ахпатской школы, Ванакана Вардапета (Иоанна Тавушского) [14], которым было переписано связанное с его именем знаменитое евангелие, как он сам выражается, „в городе Тифлисе, под сенью [церкви] *сорока мучеников*“. А тифлисское подворье Санаинского монастыря тем более могло быть посвящено *сорока мученикам,* что и самый монастырь в Сомехии (Сомхит'и) был связан с культом *сорока,* о чем свидетельствует упоминание церкви *во имя святых сорока* (***յանուն Սրբոց Քառասնիցն***) в грамоте „царя Гургена, сына шахиншаха Ашота Ми-

---

[10] *Л. Меликсет-Беков,* მასალები ტფილისისა და „სომხითის“ ისტორიისათვის,— „ჩვენი მეცნიერება“ [№ 1], 1923, стр. 91.

[11] Ср. *Л. Инчичян,* ***Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի*** etc., ч. I, Венеция 1806, стр. 277; *М. Бжшкянц,* ***Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան*** etc., Венеция 1830, стр. 413; ср. *Л. Меликсет-Беков,* Старый Тифлис по описаниям А. Негри и М. Медичи,—Ars 1918, № 2—3, стр. 109, 113.

[12] Ibid.

[13] Ср. *С. Джалалян,* ***Ճանապարհորդութիւն ի Մեծն Հայաստան,*** ч. II, Тфл. 1858, стр. 60.

[14] О нем вообще см.: *А. Воскян,* ***Յովհաննէս Վանական և իւր դպրոցը,*** Вена 1922.

лостивого из династии Багратидов“ [15], повидимому, от 980—989 г.г., а равно одна древняя традиция, которую очевидец разорения Тифлиса Аг'а Магомет-Ханом в 1795 г., некий Сероб (Серафим), связывает с Санаином; Сероб говорит:

Եւ վանիցս որբոյ տաճարին են սեղանք 40 ըստ խորհրդոյն քառասնիցն. և են ի հարկաւորին զ'ի Տէր 'ննջեալ հոգւոց մատուցանել զպատարագս, ի միում աւուր կատարել զ 40 ն են՝ յիւրաքանչիւր բեմի [16].

И приделов в святом храме сего монастыря 40, согласно чину сорока [мучеников]. И в случае необходимости отслужить литургию по душам в бозе почивших, в один день совершается 40 [таковых] по числу престолов [17].

Впрочем, особенной необходимости к тому, чтобы наличие в Тифлисе церкви во имя *сорока* во что бы то ни стало связать с санаинскою традициею, нет, во-первых, потому, что тифлисская церковь *по своему первоначальному основанию* может предшествовать и на самом деле, как увидим ниже, значительно предшествует возникновению Санаина, и, во-вторых, потому, что самый вопрос об основании тифлисской церкви должен быть трактован вне той или иной национально-вероисповедной конъюнктуры, ибо культ *сорока* в Грузии (как в восточной, так и в западной) [18] имеет гораздо более глубокие корни, нежели эпоха X века, когда положено было первоначальное основание Санаинскому монастырю.

---

[15] *Л. Алишан, Հայապատում,* 288—289; ср. *Л. Мовсесян, Լոռիի Կիւրիկեան թագաւորներու պատմութիւնը* [*„Ազգային Մատենադարան“ Ղ Ե*], Вена 1923, стр. 26—28.

[16] *Гют Аг'анянц, Դիւան Հայոց պատմութեան,* кн. X (*մանր մատենագիրք ժԵ—ժԹ դար*), Тфл. 1912, стлб. 372.

[17] В *Списке* древностей Тифлиса и Сомехии (Сомхит'и) от 1837 г. традиция эта, очевидно по ошибке, связывается не с Санаином, а с Ахпатом (*Л. Меликсет-Беков,* მასალები ტფილისისა და „სომხითის“ ისტორიისათვის, ц. изд., стр. 94):

ახპატისა ეკლესია არს ორმოცის სამწირველოთი შემდგარი, და როდესაც მიიტანდნენ მუნ მიცვალებულსა, იყჳნენ მას შინა ეგოდენნი მონოზონნი, რომელ მიცვალებულსა მას ერთსა დღესა უწირავდენ ორმოცსა.

Церковь Ахпата состоит из сорока приделов, и когда туда вносили покойника, там было столько монахов, что они в один день отправляли сорок служб.

[18] На это, между прочим, указывает древняя традиция, связываемая с *Мартвильским* [„мартвили“ означает *мученика*] монастырем в Мегрелии (*Н. Марр,* Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием.—ЗВО, т. XII, в. II—III, 1905, стр. 172—174), а равно наличие церквей „сорока мучеников“ среди развалин г. Нак'алак'ев-и в той-же Мегрелии (*А. Муравьев,* Грузия и Армения, ч. III, Спб. 1848, стр. 268—270), т. н. „Ормоц-и“ [что означает *сорок*] близ Коджор, за крепостью Кер-оглы (посещена мною весной 1919 г.), „Давит'пан-и“ в сел. Уриат'убан-и Телавского уезда, придела в Шиомгвимской лавре (*А. Муравьев,* ц. с., ч. I, 1848, стр. 279—280) и др.

Возвращаясь к Барhэбрею с целью анализа сообщаемых им сведений о событии 1197 г., мы не можем не признать, что при всей возможной правдоподобности описания грузино-армянской междоусобицы, вспыхнувшей, как нами устанавливается, в Тифлисе в XII веке из-за т. н. Кривой пасхи, несколько подозрительна сама форма изложения в той части, где автор орудует цифровым материалом, почему-то вертящимся у него вокруг *символической* цифры *сорок*: *40* армян, сожженых в церкви; *40* тысяч армян, собравшихся в защиту своих единоплеменников; *40* тысяч динаров в возмездие за кровь мучеников! Но в символической цифре *сорок* как раз и кроется ключ к пониманию смысла сообщения Барhэбрея, который, передавая дошедший к нему, очевидно, по слухам рассказ кавказских единоверцев, не имел в своем распоряжении точного указания на место, где произошло событие, а только глухое и затемненное устной передачей повторение этой цифры, прикрывавшей на самом деле, как я полагаю, действительное место события, т. е. церковь во имя *сорока мучеников*.

***

Церковь во имя сорока [севастийских] мучеников или, что́—то-же, „малая крепостная“ или „архангелов“, предстоящая ныне в постройке 1792 года [19], это—один из самых злополучных памятников старого Тифлиса, вокруг которого, как теперь выясняется, неоднократно разгорались национальные страсти.

Вспомним слова анонимного автора описания Тифлиса от 1837 г., как про эту церковь мол „говорят, что она была сооружена *греками* во имя сорока мучеников“, и как ее мол „возобновили и обстроили тифлисские *армяне* в лето 1792-е“, но уже не в честь сорока, а „во имя святого архангела [Михаила]“ [20]. Касаясь этой-же церкви, как занимаемой „в древности *Греческими* иноками“, П. Иоселиани указывает, что „ее *оспаривали Греки* и при последнем [грузинском] царе Георгии XIII“ [21] (1798—1800).

М. Броссе, отмечая, что „dans les environs et non loin de la place Tatarskaïa, est l'oratoire du S.-Archange, Rhechtacapet, ou Pa-

[19] См. прим. 10.

[20] Ibid.

[21] *П. Иосселиани,* Описание древностей города Тифлиса, Тфл. 1866, стр. 233 (кстати, последний Георгий у него почему-то назван VIII, что́ я склоняюсь признать простою опечаткою вм. XIII).

tara-Saqdari", заявляет: „Je n'y ai vu rien d'écrit, mais on m'a dit qu'elle était très ancienne" [22].

Про эту-же церковь Гют Аг'аянц говорит следующее: „Церковь архангелов, [будучи] самой древней церковью армянских иммигрантов в Тифлисе, сооружена в лето армянской [эры] 203 (в 754 г.) Сафразом из Джуг'и (sic. *Л. М.-Б.*) и постепенно возобновлялась, как вообще все церкви [Тифлиса]" [23].

Я не знаю, какими, собственно, данными располагал Г. Аг'аянц, когда утверждал, будто церковь архангелов впервые сооружена была в 754 г., но что некоторая доля истины в этом утверждении действительно имеется, это прямо подтверждается анализом одного места в *Житии* св. Або Тифлисского, принадлежащем перу Иоанна, сына Сабана, автора VIII века [24].

В этом месте *Жития* для нас в данном случае интерес представляет рассказ о том, как Або, араб по происхождению, был замучен в Тифлисе арабами-же в VIII веке за принятие им христианства, причем там-же передаются следующие подробности:

და დადვეს წმიდაჲ იგი ურემსა ზედა მსგავსად მკნეთა მათ წმიდათა ორმეოცთა, რამეთუ სადა იგი მოჰკუეთეს თავი წმიდასა მოწამესა კართა ზედა წმიდისა ეკლესიისათა, რომელი სახელსა წმიდათა ორმეოცთა დაფუძნებულ იყო — წესვე იყო რაჲთა ემსგავსოს იგი ახოვანთა მათ წმიდათა მოწამეთა...

И положили святого на арбу, подобно святым мужам сорока, ибо, где отсекли святому мученику голову *при святой церкви, которая была основана во имя святых сорока,* было принято, чтобы он уподобился тем храбрым святым мученикам...

და ვითარცა გამოიღეს წმიდაჲ იგი გუამი წმიდისა მის გარეშე ქალაქსა და აღიღეს ადგილსა, რომელსა საგოდებელ ეწოდების, რამეთუ მუნ არს საფლავები კაცთა მის ქალაქისათაჲ, და გარდამოიღეს იგი ურემსა მის-გან და დადვეს იგი ქუეყანასა.

И после того вывезли святое тело его за город и положили на [том] месте, которое называется *Сагодебел* (т. е. место плача), ибо там находятся могилы жителей того города, и сняли его с арбы и положили на землю.

---

[22] *M. Brosset,* Voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, II livraison, SPB. 1850, p. 25 (cinquième rapport).

[23] *Гют Аг'аянц,* *Վրտատանի հայերը,—„Տարազ"* 1919 № 1—12, стр. 45.

[24] Ср. *Меликсет-Беков,* Тифлис, его основание и краткий исторический очерк, —„Тифлис и его окрестности", Тфл. 1925, стр. 17.

და მოიღეს შეშაჲ და თივაჲ და ნავთი და დაასხეს გუამსა მას ზედა წმიდისა და დააგზნეს ცეცხლი, ვიდრემდის დაწუნეს კორცნი იგი წმიდისა მოწამისანი ადგილსა მას, რომელ არს აღმოსავალით ციხესა ქალაქისა, რომელსა ჰრქვიან სა-დილეგო, პირსა ზედა კლდისასა, რომელ არს კბოდე—კლდჱ მდი-ნარისა მის დიდისაჲ, რომელი განჰვლის აღმოსავალით ქალაქსა, ესე არს სახელით მტკუარი... [25]

И достали дрова и сено и нефть и облили [ею] тело святого и развели огонь, [который горел] пока не сгорело тело святого мученика, на том месте, которое находится к востоку от городской крепости и которое называется *Садилего* (т. е. темница), на краю скалы, круто возвышающейся над большою рекой, текущей с востока от города, которая есть *Кура* [26].

В этой цитате как нельзя более удачно намечен пейзаж части старого Тифлиса, именно района т. н. Майдана, имеющего с запада—старую крепость (Калу), а с востока—т. н. Авлабарские мосты, за которыми высится на скале Метех с пещерою св. Або.

Теперь, если в Метехе с находящеюся под ним пещерою видеть т. н. „Садилего (что на краю скалы, круто возвышающейся над большою рекой)“, которое применительно к обстановке VIII века действительно оказывается „за городом“ и „к востоку от города“, через Куру, то, в таком случае, „церковью во имя святых *сорока*“ должна быть признана одна из церквей района „городской *крепости*“, которая только могла существовать в указанное время. Косвенными уликами нам, к счастью, удалось установить, что „церковь *сорока*“ это есть та церковь, которая находилась на месте нынешней армянской церкви архангелов (*Հրեշտակապետաց*), что у подъема в ботанический сад со стороны серных бань, и которая в древности иначе была известна под именем „церкви малой *крепостной*“. И этого, кажется, вполне достаточно для того, чтобы наметить положение: что т. н. „церковь во имя святых *сорока*“, известная из Жития св. Або Тифлисского, памятника VIII века, повидимому, должна была находиться на месте нынешней церкви архангелов, сооруженной в 1792 году.

Правда, на плане Тифлиса от 1735 г., составленном царевичем В а х у ш т о м, „церковь сорока“ не отмечена, не отмечена она так же,

---

[25] [*П. Карбелов*], წმიდა მოწამე აბო ტფილელი, Тфл. 1899, стр. 31—32 = *М. Сабинин,* საქართველოს სამოთხე, стр. 346.

[26] Ср. *М. Сабинин,* Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. I, Спб. 1871, стр. 176.

как и ряд других зданий, имевших древние основания; но это обстоятельство, как дружески подсказал в ответ на мое недоумение Д. П. Гордеев, может быть объяснено тем, что она, в числе других памятников древности, повидимому, находилась тогда в развалинах тем более, что она, судя по свидетельству анонимного автора описания Тифлиса от 1837 г., значится возобновленною и вновь обстроенною за три года до последнего разорения Тифлиса Аг'а-Магомет-ханом в 1795 г., когда древние храмы города, видимо, не особенно то пострадали, чем, собственно, и объясняется ее сохранность до наших дней.

*
* *

Таким образом, на основании всего вышеизложенного выходит, что:

1) Междоусобица между грузинами и армянами по поводу т. н. Кривой пасхи, о которой сообщает сирийский писатель XIII в. Григорий Барhэбрей или Абул-Фарадж, имела место в 1197 г. (значит, в царствование Тамары Великой) и именно в городе Тифлисе; причем цифровой материал, которым оперирует этот автор, в особенности при установлении числа погибших тогда армян и армянского населения, поднявшегося в защиту последних, не внушает полного доверия.

2) Событие это должно быть связано с одним из древнейших памятников крепостного района Тифлиса, именно с церковью во имя сорока севастийских мучеников, которая, будучи основана не позже VIII века, первоначально, примерно в эпоху Або Тифлисского, повидимому, была халкедонитскою; в первой половине XIII века она значится армянскою (антихалкедонитскою), притом даже, быть может, как подворье Санаинского монастыря; затем, и во всяком случае в XVIII веке, она как будто в развалинах: и только в 1792 г. ее вновь отстраивают армяне, но уже не в честь сорока, а во имя архангелов, причем как раз эта постройка и дошла до наших дней.

Предложенные выводы интересны, между прочим, и в другом отношении, поскольку они позволяют нам высказать некоторые новые соображения в пользу выставленной И. А. Орбели [27] и нашедшей

[27] *И. Орбели,* Фрагмент крестного камня с арабской надписью в Тифлисе,— ХВ VI (в. II), 1918, стр. 198—199.

полную с моей стороны поддержку [28] даты первоначального основания т. н. „церкви большой крепостной“, бывшей кафедральной (*կաթողիկէ*) богородичной, ныне св. Георгия, на Майдане: 1251 год. Довольно крупное в истории армянского населения Тифлиса событие 1197 г. происходит именно вокруг „церкви сорока мучеников“ (впоследствии известной под названием „малой крепостной“ и „архангелов“). Ванакан Вардапет (Иоанн Тавушский), видный представитель армянской образованности из примыкавших к сачаино-ахпатской школе кругов, в 1226 г. имеет в Тифлисе пребывание именно при „церкви сорока“, под сенью которой переписывает свое знаменитое евангелие. С другой стороны, только лишь в 1284 г. другой видный представитель армянской литературы, ученый-грамматик, философ и поэт Иоанн Ерзынкаец (по прозвищу Плуз или Ц'орц'орский), произносит в Тифлисе слово „о небесных движениях, планетах и тверди земной“ именно в „церкви парона Умека“, впоследствии известной под именем „большой крепостной“ [29]. Не на то ли эти

[28] *Л. Меликсет-Беков,* ტფილისის ვანქის დაარსების საკითხისათვის,—„ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე“, т. IV, 1924, стр. 85, 91.

[29] Об этом мы узнаем из предисловия к самому, произнесенному Иоанном, *Слову о небесном движении,* которое издано архиеп. *Иосифом Аргутинским-Долгоруким* в Нахичевани-на Дону в 1792 г. под следующим пространным заглавием: *Տետրակ համառօտ և լի իմաստնախոհ բանիւք. Արարեալ Հոգելից և Իմաստուն Վարդապետին Յօհաննիսի Երզնկացւոյ, որ և ասի Ծործորեցի. սակս սքանչելափառ արարչագործութեանցն Ա՜յ և յաղագս Թուոյ երկնից, շարժման լուսաւորաց, կարգի տարերաց, եղանակաց տարւոյ և այլոց իրաց բնականաց. ի խնդրոյ զուարթամիտ պատանւոյն Վախթանկայ. կրտսեր որդւոյ Հռչակաւոր Իշխանին Հայոց Ոմէկայ. յամի տ՜ն 1284 և ի Թուականութե՜ Հայոց չլգ.*

В этом предисловии для нас интерес представляет следующее место:

Ի Թվի՞ն չլգ պատահեաց գալ ի կողմանս ա՜ծապահ Թագաւորութե՜ս աշխարհիս Վրաց, ի հռչակաւոր և ի մեծ ի մայրաքղ՜քն ի Տփխիս, Փայտակարան կոչեցե՜լ ի գիրս պատմողաց. Եւ հանդիպեցաւ խօսել մեզ բանս քարոզութեան ի դուռն եկեղեցւոյն՝ մեծապատիւ և խոհեմամիտ և մեծ իշխան հայոց՝ պարոն Քարիմատինին. Զոր շինեալ էր ա՜ծասէր և բարի հոգի հայր նորա պարոն Ոմէկն. Եւ էր խօսեցեալ բանն՝ յաղագս երկնային շարժմանն (ibid., стр. IX—X).

В лето 733 [1284] случилось [нам] прибыть в пределы сего богохранимого царства страны грузинской, в прославленную и великую столицу Тифлис, называемую в исторических книгах П'айтакаран. И случилось нам произнести слово проповеди под сенью церкви досточтимого и мудрого и великого армянского князя, парона К'аримадина, которую построил боголюбивый и блаженный отец его, парон Омек. И было сказанное слово о небесном движении (*И. Орбели,* ц. с., ц. изд., стр. 197).

См. об этом-же событии: *Л. Меликсет-Беков,* Тифлис, его основание и краткий исторический очерк, ц. изд., стр. 20.

цифры, с одной стороны — 1197 и 1226, и с другой — 1284, указывают, что „церковь парона Умека“, т. е. „большая крепостная“, вряд-ли существовала в 1226, а тем более в 1197 году, но раз она фигурирует в 1284 г., то, следовательно, могла возникнуть в промежутке времени между 1226 и 1284 г. В указанный промежуток как раз укладывается предложенный И. Орбели год — 1251, который, поэтому, еще и еще раз нужно признать вполне подходящим и приемлемым, *как дату первоначального основания* „церкви большой крепостной“, бывшей кафедральной богородичной, ныне св. Георгия, на Майдане, служившей одно время подворьем Ахпатского монастыря.

Л. Меликсет-Беков.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

„Судебная Книга" Мхитара и „Книга Канонов" *.

„Судебная Книга" („Դատաստանագիրք") вардапета (ученого, „доктора") Мхитара—памятник XII века. Судя по записи автора. данной в конце „Введения" („Նախադրութիւն"), к составлению ее Мхитар приступил в 1184 г. [1]. Из содержания той-же записи видно, что это—год лишь начала составления сборника; когда именно была закончена автором „Судебная Книга"—не известно. Умер Мхитар в 1213 г.

Ко времени составления Мхитаровой „Судебной Книги" уже существовал другой крупный памятник армянских юридических древностей,—памятник, ныне обычно известный под названием *„Книга Канонов"* („Կանոնագիրք") [2]. „Книга Канонов"—основной и древнейший из известных армянских историко-юридических сборников. Возникновение его относится к VIII веку [3].

Оба эти памятника—с юридическим содержанием; это—*сборники правовых норм*. „Книга Канонов" в несколько раз объемистее „Судебной Книги". Значительная часть содержания последней тождественна с частью содержания „Книги Канонов", как это было установлено В. Бастамянцем. Но *конструкция этих двух памятников существенно различна*; каждый из них представляет в этом отношении особый тип юридического сборника. Оба памятника—собрание правил; но правила приводятся в них в различном распорядке.

* Читан адъюнктом Л. М. Меликсет-Бековым на Собрании ученых членов КИАИ 20/IV, 1925 г.

[1] *В. Бастамянц, Մխիթարայ Գօշի Դատաստանագիրք Հայոց,* Вагаршапат 1880, предисловие, стр. 69 и сл.

[2] Подробное описание этого памятника см.: *С. Тиганян,* Древне-армянская Книга Канонов. Очерки описания и исследования памятника. I. Описательная часть [„Записки РАН по ИФО", т. XIII, № 3], Пгр. 1918.

[3] *С. Тигранян, Հայոց իրավունքի պատմության ներածություն.* [*Հ. Ս. Խ. Հ. Պետական Համալսարանի սերիա*] Эривань 1924, стр. 137 и сл.

В „Книге Канонов“ группы правил, принадлежащих или приписываемых одному и тому-же источнику (установившему их авторитету) объединены в отдельные серии, уставы, в которых эти правила являются частными статьями („главами“). Таким образом, самостоятельными членами в составе „Книги Канонов“ являются уставы, а правила („главы“) приводятся в составе уставов, как часть этих самостоятельных целых. Каждый устав имеет собственное отдельное заглавие. Правила, сгруппированные вместе в один устав, обыкновенно относятся к различным предметам; объединяются они под одним заглавием не по предметному содержанию, а по общему источнику, на который (а не на содержание) и указывает это заглавие. Таким образом, *„Книга Канонов“ — собрание* не отдельных правил непосредственно, а уставов.

Иной порядок в „Судебной Книге“. Здесь нет уставов, объединенных серий правил; здесь каждое отдельное правило („глава“) выступает как вполне самостоятельный член в составе сборника, снабженный собственным заглавием, указывающим на содержание (а не на источник) данного правила. В „Судебной Книге“ нераз приводится непосредственно друг за другом несколько правил, относящихся к одному и тому-же источнику; но это не отражается на конструкции сборника: эти правила стоят подряд, но так-же самостоятельно и необъединенно, как самостоятельно и необъединенно стоят рядом правила, не относящиеся к одному и тому-же источнику. Таким образом, *„Судебная Книга“ — собрание* отдельных самостоятельных *правил* (*„глав“*). Такова, конечно, конструкция собственно сборника в составе этого памятника, т. е. 1-й и 2-й частей его, а не его Введения.

Взаимоотношение этих двух памятников в литературе остается невыясненным.

Самые конструктивные черты, только что указанные, обоих сборников делают невозможным допущение возникновения „Книги Канонов“ из „Судебной Книги“. „Книга Канонов“ составилась путем собирания уставов, имевшихся готовыми серий правил [1]. Из сборника уставов („Книги Канонов“) можно получить сборник правил („Судебную Книгу“); но обратное—немыслимо. По содержанию также „Книга Канонов“, более объемистая, не может быть выкроена из менее содержательной „Судебной Книги“. Таким образом, *„Книга Канонов“*

[1] Ibid., стр. 131, 135 и сл.

не может происходить из „Судебной Книги“ уже по своим формально-конструктивным свойствам и материальным данным, не говоря о хронологическом старшинстве ее на целый ряд веков перед „Судебной Книгой“.

Но происходит-ли последняя из „Книги Канонов“?

У покойного В. Бастамянца, издателя „Судебной Книги“ Мхитара и обладавшего солидной эрудицией относительно содержания „Книги Канонов“, не имелось определенного ответа на этот вопрос. За несколько лет до издания им „Судебной Книги“ Л. Алишаном указывалось, что сборник Мхитара—„компиляция из церковных канонов“ [5]. Это общее и неопределенное утверждение было конкретизировано и подтверждено В. Бастамянцем, указавшим действительное соответствие текста значительной части правил „Судебной Книги“ тексту правил уставов, имеющихся в „Книге Канонов“. В подстрочных примечаниях под соответствующими главами „Судебной Книги“ В. Бастамянцем указаны те правила уставов „Книги Канонов“, дословным повторением коих являются эти главы Мхитарова сборника. Несмотря на это, В. Бастамянц не говорит о заимствовании Мхитаром этих глав именно из сборника „Книги Канонов“. Материальное сходство многих мест „Судебной Книги“ и „Книги Канонов“ ведь может быть объяснено не заимствованием ими этих текстов друг у друга, а самостоятельным заимствованием ими обоими из третьих общих источников. Так, повидимому, и понимал дело В. Бастамянц; ему скорее казалось, что все эти главы Мхитар собирал разновременно и постепенно из различных памятников, а не из одного сборника „Книги Канонов“; и это тем более, что существование последнего сборника во времена Мхитара В. Бастамянц считал всего лишь „весьма вероятным“ [6]. Я. Дашян полагает, что „церковные правила, составляющие значительную часть сборника [Мхитара]“, последним „извлечены, конечно, из «Книги Канонов»“ [7]. Однако, Я. Дашян не подкрепляет своего утверждения какими-либо доводами. Правда, существование „Книги Канонов“ в XII веке он считает не только вероятным, но достоверным; достоверность, конечно, необходимое условие, но отнюдь еще не достаточное основание для столь категориче-

[5] Assises d'Antioche etc., Venise 1876, стр. XVIII.

[6] *В. Бастамянц*, op. c., предисл., стр. 51, 99, 100, 101, 116, 117, 122, 123.

[7] *Я. Дашян*, *Վարդապետութիւն առաքելոց անվաւերական կանոնաց մատեանը* etc. [*„Ազգային Մատենադարան“*, XX], Вена 1896, стр. 254.

ского утверждения. Я. Дашян упустил из виду, что эти совпадающие тексты могли иметься (и действительно имелись) не только в составе „Книги Канонов“, но и на страницах многих иных рукописных памятников, откуда их Мхитар и мог-бы извлечь вполне независимо от „Книги Канонов“. Есть-же в „Судебной Книге“ ряд глав и текстов, дословно имеющихся в других памятниках, в „Книге Канонов“-же отсутствующих. И составители „Книги Канонов“ ведь тоже черпали материал для своего сборника преимущественно из письменных-же источников, рукописных памятников.

Для выяснения этого вопроса небесполезно обратить внимание на сообщения самого автора-составителя „Судебной Книги“.

В 10-й главе „Введения“ к своему сборнику Мхитар указывает на те источники, из коих он „собрал“ материал для „Судебной Книги“ [8]. В перечне своих „письменных“ („ի գրոց“) источников он называет „*Каноническую Книгу*“ („**Կանոնական Գիրք**“) [9]. Затем, как во „Введении“, так и в других частях „Судебной Книги“ Мхитар нераз называет „*Каноны*“ („**Կանոնք**“) в качестве источника, из коего он черпает ту или иную норму своего сборника или на который он ссылается, как на санкцию в обоснование обязательности рекомендуемой им нормы.

Что имел в виду Мхитар под именами „Каноническая Книга“ и „Каноны“? Какие именно памятники надо понимать под этими наименованиями?

Из объяснений Мхитара в третьей главе „Введения“ [10] видно, что под именем „*Каноны*“ он разумеет не разрозненные правила или многие отдельные уставы, а некоторый *единый* юридический *сборник*, „имевший сходство“ с составляемой им „Судебной Книгой“. „Каноны“—это некоторое собрание канонов, правовых норм; при этом—собрание, принимаемое Мхитаром, как таковое, за материальный источник права; в доказательство обязательности той или другой нормы Мхитар указывает не имя установившего ее законодательного авторитета (собора, апостола, св. отца), а ссылается на „Каноны“, т. е. на нахождение этой нормы в составе сборника, именуемого „Каноны“. Таким образом, под множественным числом выражения „Каноны“ надо понимать нечто в единственном числе. Подобное пользование выра-

[8] *В. Бастамянц*, ор. с., *Նախադրութիւն*, стр. 64 и сл.
[9] Ibid., стр. 65.
[10] Ibid., стр. 18. 19.

жением „Каноны“ (Κανωνες) обычно и в практике византийского права. Из объяснений Мхитара, приведенных вслед за перечнем письменных источников, выясняется, что *„Каноны“ и „Каноническая Книга“ означают один и тот-же сборник.* Тут-же даются сведения об уставах, составлявших этот сборник [11]. Сведения об этом имеются и во многих других местах „Судебной Книги“. „Каноны“—сборник тех уставов, кои составляют содержание „Канонической Книги“. Все эти упоминаемые уставы имеются в „Книге Канонов“.

Полезно принять к сведению, что исторический памятник, ныне известный обыкновенно под именем „Книга Канонов“ („**Կանոնագիրք**“), в древности так не именовался. В сохранившихся до нас древних рукописях памятник этот не имеет вовсе заглавия, поставленного во главе и относящегося к сборнику, как целому. Именовался-же этот сборник именно „Каноны“ („**Կանոնք**“) и „Каноническая Книга“ („**Կանոնական Գիրք**“), причем „Каноны“—наименование более древнее. Так именно называется „Книга Канонов“ в записях самого этого памятника [12]. Вполне естественно, что Мхитар *использованный им в качестве источника сборник называет не „Книгой Канонов“, а принятым в то время именем „Каноны“*. Именование того-же сборника „Канонической Книгой“—переходная форма к еще более новому названию „Книга Канонов“.

Таким образом, по собственному свидетельству автора „Судебной Книги“, он пользовался „Книгой Канонов“; действительно, ряд статей „Судебной Книги“ текстуально тождествен с правилами „Книги Канонов“.

Но всего этого не достаточно. Факт непосредственной зависимости „Судебной Книги“ от „Книги Канонов“ вполне устанавливается следующим обстоятельством. Как увидим, *порядок, в котором совпадающие правила последовательно расположены в „Судебной Книге“, тождествен порядку расположения их в „Книге Канонов“, причем это—порядок, присущий именно последнему сборнику, как таковому, а не „Судебной Книге“.*

Устанавливаемое нами это формальное сходство относится собственно к сборнику в „Судебной Книге“ (1-й и 2-й частям ее), а не к „Введению“ в нее; в последнем Мхитар самостоятелен как отно-

---

[11] Ibid., стр. 65.

[12] С. *Тигранян,* Древне-армянская Книга Канонов, стр. 32—41 (краткие извлечения из записей).

сительно излагаемого материального содержания, так и формального его планирования.

Что касается собственно до собрания правил, где именно и констатированы текстуальные совпадения с „Книгой Канонов“, то дело обстоит следующим образом. Здесь мы ограничимся рассмотрением совпадений лишь в 1-й части „Судебной Книги“, где сконцентрирована значительная часть их.

До 21-й главы 1-й части включительно изложение самостоятельное. Начиная с 22-й главы по 34-ю включ. Мхитар приводит тексты правил, дословно и целиком имеющиеся в „Книге Канонов“. 44 — 107 главы, за исключением трех—85, 89 и 100, опять тексты правил, дословно и целиком совпадающие с текстами „Книги Канонов“. Таким образом, в 1-й части „Судебной Книги“ налицо 74 правила, текстуально совпадающие с правилами, имеющимися в „Книге Канонов“.

Как расположены эти 74 правила в „Судебной Книге“?

После *одного* правила (глава 22-я „Судебной Книги“), принадлежащего к составу устава „Учение апостолов“, приведено *десять* правил из устава „Правила апостолов—чрез Климента“; в последнем уставе 85 правил [13], из коих в „Судебной Книге“ приведено только десять; но эти десять правил здесь даны подряд и в той последовательности, в какой они имеются в составе названного устава в „Книге Канонов“; именно: 38, 39, 54, 61, 63, 67, 68, 69, 70 и 75 правила устава Климента составили по порядку 23—32 главы „Судебной Книги“. После этого приведены *четыре* правила из устава „Правила апостольских преемников“, и опять—подряд и в порядке их следования в названном уставе в „Книге Канонов“. Таким-же образом в „Судебной Книге“ приведены и в дальнейшем те правила, кои имеются в составе уставов в „Книге Канонов“. Стало быть, когда в „Судебной Книге“ приводится *несколько* правил, объединенных в „Книге Канонов“ в составе одного и того-же устава, то такие правила и в Мхитаровом сборнике *даны вместе, подряд (без промежуточных правил из других уставов) и в той именно последовательности, в какой они даны в составе соответствующего устава (в „Книге Канонов“).*

Имеется одно *единственное исключение* из этого порядка среди всех 74-х совпадающих правил: 73-я глава „Судебной Книги“ тек-

[13] Ibid.

ступально соответствует 83-му правилу устава „Правила апостолов - - чрез Климента“; этому правилу следовало-бы занять место раньше, непосредственно после 33-й главы, как одиннадцатому из группы правил из того-же устава.

Другое исключение — лишь кажущееся, плод недоразумения. Главы 83 — 91 „Судебной Книги“ все повторяют правила из одного и того-же устава, приписываемого в „Книге Канонов“ Василию Кесарийскому, за исключением 85 и 89 глав, повидимому, принадлежащих самому Мхитару. В частности 84-я глава „Судебной Книги“ соответствует 84-му правилу устава Василия. В. Бастамянц же полагал [14], что 84-я глава соответствует не правилу Василия, а „7-му правилу (из устава) Григория Просветителя, немного измененному“; однако, В. Бастамянц тут-же прибавляет, что „очень подходит и 84-е правило Василия“. Колебания В. Бастамянца разрешимы, но в пользу устава Василия, а не Григория. Текст 84-й главы „Судебной Книги“: ***„եթէ ոք ուտէ ի տեղւոյ, տացէ ընդ միոյն չորս“, ապա թէ ոչ՝ ըստ կանոնին ապաշխարիցէ և կամ յաղքատս տայ՝ թէ այն պատահի. և այդ լիցի դատաստան այդոցիկ։*** Текст 84-го правила Василия в „Книге Канонов“: ***եթէ ոք ուտէ (եկեղեցւոյ) ի տեղւոյ իւրոյ, տացէ ընդ միոյն չորս. ապա թէ ոչ՝ ապաշխարեսցէ ըստ գործոցն հրամանաւ քահանային։*** В рукописях „Книги Канонов“ в одних читаем ***ի տեղւոյ***[15], в других ***եկեղեցւոյ***[16]. ***Տեղի*** обозначает — „религиозное или церковное учреждение“ [17]. В этом значении термин ***տեղի*** встречается неоднократно в древнейших памятниках — эпиграфических и книжных. Замена в некоторых рукописях выражения ***ի տեղւոյ*** словом ***եկեղեցւոյ*** — дело позднейшего редактора. Отсутствие слова ***իւր*** в тексте „Судебной Книги“ — очевидный пропуск, описка. Мхитаром дословно заимствована лишь начальная и основная часть правила Василия, мною выше взятая в кавычки; остальную часть правила он приводит пересказывая от себя, ссылаясь на источник („***ըստ կանոնին***“) и дополняя („***և կամ յաղքատս տայ***“). В. Бастамянц-же ошибочно приписывает Мхитару одни лишь последние пять слов 84-й главы „Судебной Книги“ („***և այդ լիցի դատաստան այդոցիկ***“). Как это правило Василия, так и эта глава „Судебной Книги“ оди-

[14] *В. Бастамянц*, op. c., стр. 181, прим. 365.

[15] Рпп. №№ 452, 453, 740, 746.

[16] Рпп. №№ 751, 761.

[17] *Н. Марр*, К датировке ктиторской надписи Текорского храма,—ХВ, т. III (в. 1), 1914, стр. 63, прим. 1.

наково говорят о четырекратном возмещении виновным растраченного им священно-публичного имущества. Текст-же 7-го правила Григория Просветителя в „Книге Канонов“: ***եթէ ոք կերիցէ ի տեղւոյ, արգելցէ զուտելն և տացէ աղքատաց նոյնչափ***: Если даже допустить, что и здесь речь идет о растрате священно-публичного имущества, все-же пред нами иное правило и по своему содержанию, и по тексту—редакции. Следовательно, 84-я глава „Судебной Книги“ совпадает с 84-м правилом устава Василия, а не с правилом Григория; приведено в „Судебной Книге“ это правило Василия в ряду других правил из того-же устава и в порядке той последовательности, какая имеется в этом уставе Василия.

Итак, *в „Судебной Книге“ правила („главы“) расположены как-бы сгруппированными по уставам*, хотя и каждое из них приводится в виде самостоятельной единицы с собственным отдельным заглавием; *последовательность каждого правила в данной группе именно та, какую находим внутри соответствующего устава в „Книге Канонов“*. Использованные Мхитаром уставы в „Судебной Книге“ представлены не в полном составе их правил; многие из правил использованных Мхитаром уставов опущены; но те правила, кои налицо в „Судебной Книге“, здесь даны в той-же последовательности, как и в соответствующих уставах „Книги Канонов“.

Это доказывает, что *Мхитар извлекал правила из цельных уставов*, а не собирал их по одиночке. Но это еще не делает необходимым заключение, что правила Мхитаром заимствованы из „Книги Канонов“, как собрания всех этих уставов. Ведь та-же группировка правил и та-же последовательность их внутри каждой группы могли-бы получиться в „Судебной Книге“ также и в том случае, если-бы Мхитар заимствовал правила из цельных-же уставов, но не из единого собрания их („Книги Канонов“), а со страниц нескольких памятников, где эти уставы имеются по одиночке.

Значит, 74 правила, совпадающие в составе „Судебной Книги“ и „Книги Канонов“ в первой приведены расположенными в группы по тем уставам, которым они соответственно принадлежат. Все 74 правила принадлежат 17-и уставам, причем некоторым из этих уставов принадлежит лишь по одному правилу, а остальным более чем по одному. Следовательно, *и в „Судебной Книге“ уставы следуют друг за другом*, представленные каждый одним или несколькими правилами.

В каком-же порядке они следуют здесь друг за другом?

Первым в „Судебной Книге“ представлен устав „Учение апостолов“, вторым—устав „Правила апостолов—чрез Климента“; и далее, как это показано в нижеследующей таблице:

„Судебная Книга“ Мхитара, часть I.			*„Книга Канонов“ по виду В.*	
1.	Гл.	22.	I.	Учение апост. пр. 24.
2.	„	23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32.	II.	Пр. ап. чр. Клим. пр. 38, 39, 54, 61, 63, 67, 68, 69, 70, 75.
3.	„	33, 34, 44, 45.	III.	Пр. ап. преемн. пр. 1, 15, 18, 25.
4.	„	46, 47, 48, 49, 50.	IV.	Никейск. пр. 4, 5, 6—7, 15, 16.
5.	„	51, 52, 53, 54.	V.	Анкирск. пр. 12, 15, 16, 20.
6.	„	55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63.	VII.	Неокесарийск пр 6, 11, 12, 13, 14—15, 16, 17, 18, 19.
7.	„	64, 65.	VIII.	Гангрск. пр. 7, 21.
8.	„	66, 67, 68, 69.	IX.	Антиох. пр. 9, 12, 13, 14.
9.	„	70, 71.	XXXIV.	Второникейск. пр. 6, 9.
10.	„	72.	X.	Лаодикийск. пр. 10.
11.	„	73.	II.	Пр. ап. чр. Клим. пр. 83.
12.	„	74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82.	XV.	Афанасия пр. 11, 12, 21, 23, 26, 32, 34, 59, 72.
13.	„	83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91.	XXXVI.	Василия пр. 44, 84, 207, 208, 209, 210, 218.
14.	„	92.	XXVI.	Фаддея пр. 31.
15.	„	93, 94, 95, 96.	XVIII.	Шаһапиванск. пр. 4, 5, 6, 7.
16.	„	97, 98, 96.	XX.	Нерс. и Нерш. пр. 10, 13, 14.
17.	„	101, 102, 103.	XXV.	Сиона пр. 18, 19, 21.
18.	„	104, 105, 106, 107.	XXXVIII.	Двинские пр. 7, 8, 9, 10.

В таблице этой представлено соответствие порядка расположения уставов и их правил в „Судебной Книге“ и в „Книге Канонов“. В левой половине таблицы крупными арабскими цифрами указан порядок следования в „Судебной Книге“ уставов (собственно—групп извлеченных из них правил), а мелкими арабскими цифрами указаны номера тех глав „Судебной Книги“, в коих даны совпадающие тексты. В правой половине таблицы приведены (сокращенно) заглавия соответствующих уставов и рядом, крупными римскими цифра-

ми, указана номерация их в составе сборника вида В „Книги Канонов“ [18]; номерация эта в таблице—с пропусками, так как некоторые уставы „Книги Канонов“ вовсе не представлены в „Судебной Книге“ (напр., уставы, приводимые в сборнике вида В „Книги Канонов“ под номерами VI, XI, XII, XIII, XIV, XVII, XIX и др.); рядом с заглавием мелкими арабскими цифрами указаны номера, под коими в соответствующем уставе стоят правила, текстуально повторенные в „Судебной Книге“ в главах, указанных в левой половине таблицы.

Как наглядно видно из таблицы, *последовательный порядок расположения уставов (групп правил) в „Судебной Книге“ как раз тот, в котором эти-же уставы расположены в составе „Книги Канонов“ в сборниках ее вида В.* Не все уставы, имеющиеся в составе „Книги Канонов“, представлены в „Судебной Книге“ хотя-бы одним своим правилом; многие из этих уставов вовсе отсутствуют в составе глав „Судебной Книги“. Но те уставы, которые текстуально присутствуют одним или более своих правил в составе „Судебной Книги“, расположены здесь в том именно порядке, в каком мы их находим в сборнике „Книги Канонов“ по виду В.

Однако, как это видно из таблицы-же, *тожественность порядка последовательности не полная.* Первые восемь уставов в обоих сборниках, правда, следуют друг за другом совершенно в одинаковом порядке. А в дальнейшем последовательность хотя в общем сходна (X, XV, XVIII, XX, XXV, XXXVIII), но имеется четыре случая нарушения сходства (XXIV, II, XXXVI, XXVI). Один из них (II)—73 я глава „Судебной Книги“ (83-е правило устава „Правила апостолов—чрез Климента“), о которой упоминалось выше. Трем остальным уставам: Второникейским (XXXIV), Василия (XXXVI) и Фаддея (XXVI) в „Судебной Книге“ следовало-бы находиться в более поздней очереди, чем они имеются, если следовать их порядку в составе „Книги Канонов“ по виду В. Это расхождение следует объяснить тем, что *сборник „Книги Канонов“, использованный Мхитаром, хотя и принадлежал к виду В, но относительно последовательности некоторых уставов представлял известные отличия от сборников того-же вида, как мы их имеем в соответствующих рукописях.* Интересно отметить, что и в каноническом сборнике, которым пользовался в середине X века Ананий Мокский, те же именно уставы Второникейский и Василия стояли ранее (перед Шаһапиванским уста-

[18] *С. Тигранян,* Древне-армянская Книга Канонов, стр. 106 и сл.

вом), чем мы имеем в рукописях вида В, хотя и тот канонический сборник принадлежал к виду В [19]. Это совпадение последовательности названных уставов в „Судебной Книге“ Мхитара (XII в.) и в каноническом сборнике, использованном Ананией (X в.), свидетельствует, что *существовала некоторая древняя разновидность сборника вида В, для которой не имеем представителя среди известных нам рукописей „Книги Канонов“*.

Будучи единым по типу и происхождению памятником, „Книга Канонов“ представлена в рукописях в пяти различных видах [20], причем главнейшим отличием сборников различных видов является именно различный порядок расположения в них одних и тех-же уставов. Между тем, на этот факт не было обращено внимания, и под одним и тем-же именем „Книги Канонов“ нередко в литературе понимались даже сборники слишком разнохарактерные и по типу, и по происхождению [21]. Игнорирование этого коренного факта естественно, в частности значительно должно было затруднять дело выяснения взаимоотношения „Судебной Книги“ и „Книги Канонов“. Так, напр., В. Бастамянц сообщает [22], что для отыскания источника отдельных глав „Судебной Книги“ ему „было нужно иметь перед собой до тридцати рукописей „Книги Канонов“, и тут-же он приводит №№ восемнадцати рукописей, служивших ему для справок; среди указанных, однако, имеются сборники даже не целостного типа, просмотр коих был бесцелен в данном случае; из рукописей-же целостного типа было-бы достаточно иметь перед собой лишь один экземпляр при подходящем выборе его; но подходящий выбор—выбор сборника, подходящего к „Судебной Книге“ вида „Книги Канонов“, в данном случае именно вида В; но факт существования видов не был известен, и В. Бастамянц преимущественно пользовался рукописью № 761, относящеюся к виду С: этим не только затруднялось дело отыскания в „Книге Канонов“ источников глав „Судебной Книги“, но и создавалось трудно преоборимое препятствие для выяснения взаимоотношения „Судебной Книги“ и „Книги Канонов“.

Таким образом, канонические правила Мхитар извлек из сборника „Книги Канонов“, пользуясь ее древним экземпляром, являвшим

---

[19] *Миабан (Галуст Тер-Мкртчьян), Անանիայ կաթողիկոսի Մոկացւոյ Թուղթը, — „Արարատ“* 1897, июнь.

[20] *С. Тиранян,* Древне-армянская Книга Канонов, стр. 16, 17 27.

[21] Ibid., стр. 2.

[22] *В. Бастамянц,* op. c., предисл., стр. 115.

некоторую разновидность известного нам по рукописям вида B. *Метод использования Мхитаром этого источника был очень прост.* Он прочитывал по порядку страницу за страницей сборник „Книги Канонов“ и выписывал из него в свой сборник последовательно одни правила, пропуская другие; вследствие этого, в *„Судебной Книге“ отразились не только содержание и текст „Книги Канонов“, но и самый порядок расположения в последней использованных Мхитаром уставов.* Естественно, что *у „Судебной Книги“, в 1-й и 2-й частях ее, не имеется собственного порядка, своей системы расположения приведенных в ней правил.*

Само собой понятно, что при таком методе составления сборника не может быть речи о какой-либо предметной систематичности в конструкции Мхитаровой „Судебной Книги“. В литературе уже давно указывалось (напр. Л. Алишаном) на отсутствие „методического порядка“ в сборнике [23]. *Бессистемность сборника Мхитара* В. Бастамянц объяснял тем, что составитель его понемногу и разновременно собирал материал и вписывал его в свой сборник в зависимости от очереди нахождения того или другого источника, так сказать, в порядке случайности [24]. Для прочих мелких источников это предположение может быть и верно в известной мере; но не верно для главного и крупного его источника „Книги Канонов“. Из приведенных выше объяснений ясно, почему главы в „Судебной Книге“ оказались расположенными в данном порядке и что это за порядок.

С. Тигранян.

Ленинакан, апрель 1925 г.

---

[23] Assises d'Antioche, стр. XVIII.

[24] *В. Бастамянц*, op. c., предисл., стр. 101, 116, 117, 123.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Искусство Азербайджана *.

(Типологический очерк) [1].

1. Как ориентировать искусство турок, насельников кавказского [2] Азербайджана, по трем культурно-историческим силам, способствовавшим сложению искусства Ислама?

Развитому турецкому искусству, османскому, исходящему, в зодчестве, от форм и приемов византийской Софии, аналогий в Азербайджане нет. Если взять, к примеру, такой простой архитектурный организм, как минарет, то его азербайджанская форма,—широкий, тяжелый, почти не утоньшающийся цилиндр, расширяющийся „сталактитами" у верха в единственную площадку муэдзина,—определенно укажет на Персию. И входные парадные порталы, всегда выше здания, в которое они ведут, также, при колебании формы,—то более вытянутые, то более раздавшиеся,—дают персидскую трактовку, как декорацию воротного пролета, лишь случайно обрамляющего дверь, в противоположность узкой ступенчатой короне, венчающей дверь в портале сельджукском. К Персии-же ведут формы арок, сводов и куполов; пологая стрелка, приостренный короб, подвышенная к зениту полу-

* Читан д. чл. Д. П. Гордеевым на Собрании учёных членов КИАИ 13/VII, 1925 г.

[1] Работа по обследованию искусства Азербайджана ведется мною с осени 1923 г. совместно с участниками семинара по истории искусств Азербайджанского Университета и членами Комиссии Искусств О-ва Азербайджановедения. Работа, естественно, не вышла еще из начальной стадии регистрации подлежащего изучению материала. Тем не менее, в результате сводной проработки собранного, некоторые общие рубрики, основные линии вырисовались достаточно отчетливо для того, чтобы, в виде предварительного сообщения, попытаться охарактеризовать художественный облик края, еще не вошедшего в круг ведения науки об искусстве. К выяснению исторической эволюции искусства Азербайджана и его поместных видоизменений направлена наша очередная работа.

[2] До организации экспедиции в южный, персидский, Азербайджан я вынужден говорить лишь о северном, кавказском, Азербайджане.

сфера [3]. Такая персидская ориентация азербайджанского зодчества не является, конечно, неожиданностью, если вспомнить географическое соседство и постоянную культурную, а в иных местах и в иные эпохи и политическую связь с Персией. И слывущая за Шах-Абасову мечеть в Гандже парными минаретами по бокам портала, мощной шапкой купола повторяет формы Шах-и-мейдана и Джумы Исфаганских.

Так, может быть, и нет азербайджанского искусства, а есть только персидское?—„О проявлении национальности в искусстве можно говорить с уверенностью лишь тогда, когда искусство, заимствованное одной нацией у другой, перерождается в новом своем отечестве в новое искусство или, по крайней мере, когда явно меняется все направление его деятельности, или еще, когда эта деятельность захватывает новые обширные области" [4]. Вот несколько тому примеров.

Бедность своего строительного материала, кирпича, персидское зодчестве маскирует узорной выкладкой, изразчатой облицовкой. И в кирпичной Гандже мечеть зовется „зеленой" от своей голубовато-зеленой поливы; в распалубках сводов кирпичи кладутся ёлочкой, а в минаретах спиралью. Но уже на фасаде ханского дворца Нухи эффект персидской узорной выкладки достигается при помощи гипса местной добычи: зачерненный гипс накладывается на стену, сверху вторым слоем белый,—в этом втором слое прорезаются и вынимаются, до черного фона, узоры. Наконец, в каменном Баку изразцовые узоры передаются резьбой по камню. Наряду с персидскими, встречается и своеобразная форма стрельчатой арки со срезанным верхом и соответственный, с углубленной дорожкой посредине, свод. Имена местных мастеров—всех этих бакинских зодчих, муганских миниатюристов, карабахских стенописцев—картину национального освоения, национального перерождения искусства окончательно утверждают.

2. Крепостное зодчество Азербайджана, с тенденцией использовать в целях обороны естественные высоты, знает, прежде всего, кольцевые горные укрепления, где скалистые выступы, земляные откосы связываются в неприступные твердыни поясами концентрических по отношению к вершине стен (Хыдырзынды, Кыз-Каляси в Шемахе). Стены эти, часто циклопической мощи, из рваного камня, скреплен-

---

[3] Правда, формы килевые, с выгибом наружу линии бедра, в арках, и луковичные—в куполах в Азербайджане не встречаются.

[4] *П. П. Муратов,* Русская живопись до середины XVII в. [*Иг. Грабарь,* История русского искусства, т. VI], стр. 210.

ного исключительной вязкости цементом, сохраняют иногда и внешнюю облицовку гладкими плитами. В Хыдырзынды к горному укреплению примкнуты земляные валы, перегораживающие прилегающее низменное побережье на две версты вплоть до моря.

По тому-же принципу планируются на командующей высоте городские кремли, место последней защиты селящихся у их стен пригородов и слобод. Так, как то видно на старых гравюрах, тройным кольцом стен опоясан был Баку,—внутреннее кольцо и сейчас заключает в себе собственно крепость. Основные черты городских кремлей: башни и полубашни-выступающие круглые бастионы, зубцы стен и внутренние по стенам обходы, щелевидные бойницы и навесные балкончики над воротами (Баку, ныне разобранная крепость Ганджи, переделанная русскими крепость Нухи).

Комплекс кремлевских построек в миниатюре дают отдельные сторожевые башни, также иногда окруженные крепостною оградой с полукруглыми выступами, внутренними обходами, укрепленными воротами. Самые башни—донжоны, возвышающиеся в центре укрепления, то прямоугольные с круглыми башенками по углам, то круглые. Внутри они трех-четырех—ярусные, этажи разделены то деревянным настилом, то каменными полусферическими сводами с круглым отверстием в замке; ход из этажа в этаж идет улиткой в круглой башенке или в толще стены. В башнях окна по четырем сторонам, тайники—дозоры в стене, зубчатые карнизы в виде опрокинутых ступенек поверху. Башни тянутся цепью,—с каждой обычно видна соседняя.

3. Преимущественный тип Азербаджанской мечети—это с удлиненным прямоугольником в плане; продольный заостренный короб покрытия часто поддержан не доходящими до полу, опирающимися на консоли подпружинами. Менее распространен центрально-купольный план, с расходящимися из-под купола по странам света четырьмя отрезками стрельчатого свода. Большой мощности подкупольные столбы редко стоят при этом свободно, большей частью они встроены в углы, так что руки креста являются как-бы стенными нишами. Иногда (промежуточный вариант) в этих угловых пилонах прорезаются ниши для священных книг или даже низенькие комнатки. Паруса—иногда сферические, иногда с вертикальными гранями, иногда „сталактитовые“. По низу купола, обычно без шеи и с прорезанными в нем окнами,

часто идет легкий фриз из заостренных арочек. Купольный тип преобладает среди мечетей—усыпальниц. Михраб—резной, в виде разделанной „сталактитами“ ниши, иногда живописный. Снаружи кровля плоская. Встречается, как любопытная особенность, выступание ниши михраба на наружной стене (Нуха), повидимому, под влиянием христианской абсиды. Портал (часто внутри со звездчатым сводом и двумя нишами справа и слева от двери), мечетный двор и бассейн для омовений обычно устраиваются, но они устойчивого места в плане не имеют.

Мавзолеи, по большей части восьмигранные, дают два типа: один —с пирамидальным верхом и гладкими внутри стенами (Баку, Келаханы), другой—с полусферическим куполом, со стенами, внутри разработанными нишами и сложным гранным переходом к купольному кольцу (Шемаха). Вероятно происхождение первого типа от барабана и купола армянского храма. Нехитрые деревенские „пиры“ иногда суть простые кубы, иногда воспроизводят в миниатюре формы мечети.

Наряду с религиозными сооружениями исламитского культа, Азербайджан знает и другие, инославные.

Армянские храмы встречаются в виде то „монастырской“ пятинефной базилики (Шемаха), то однонефной часовенки; последовательными перестройками (обвалившийся короб при возобновлении заостряется, полукупол абсиды вытягивается в полный куполок) этот последний тип легко приближается к мусульманскому пиру (Киркенч).

Кроме того, мы имеем многочисленные памятники армянского церковного зодчества, в виде ли одно- или трехнефных базилик, купольных храмов или сочетаний таковых с базиликами, в Ю.-З. частях Азербайджана, как-то в районе Ганджи-Карабаха, Казаха и пр., обнимавшихся в древности у армян под понятием „Утии“ („Утик'“), равно как немало аналогичных памятников грузинского зодчества, в пределах Закатальского округа, называвшегося (и называемого по-ныне) грузинами „Ингилоией“ (букв. „Саингило“).

Сураханский храм индийских огнепоклонников — поздняя небрежная постройка, в старых частях, повидимому, не восходящая далее середины XVIII в.: центральная открытая часовенка, где висел колокол, датируется надписью 1810 годом. Сызвне глухие кельи неправильным пятиугольником обходят двор, к ним в притык встроены более поздние. По предназначению, среди них различимы: одиночные

кельи индийских отшельников, более обширная—это келья-храм с культовым сооружением—алтарем; конюшни каравансарая для приезжающих паломников, с каменными кормушками и кольцами коновязей в стене; двухэтажная „вышка“ с воротным пролетом внизу и комнатой для приезжающих вверху. Местом сожжения на священном огне трупов, часто в бальзамированном виде привозимых караванами из Индии, иные называют центральный павильон. Покрытие келий представляет обычные формы: стрельчатая арка; глухой без шеи купол на прислоненных к углам квадратных массивах, соединенных арками; продольный короб с заостренным верхом на подпружинах, опирающихся на консоли. На стенах келий фрески: растительный орнамент красной краской, изображение богини, поднявшей над головой дубинку. Среди покуда еще не разобранных санскритских надписей над входами в кельи единственная персидская (XVIII в.) говорит о почитании сураханских огней и парсами.

4. Таким же культовым „инославным“ памятником, выходящим за пределы собственно мусульманского искусства, является, повидимому, и бакинская монументальная [5] т. н. „Девичья“ башня.

Башня—цилиндрическая, чуть съуживающаяся кверху, выложена из крупных плит известняка: особенности ее кладки в других памятниках не встречаются. Низ, примерно на треть, выложен в гладь, дальше идет кольчатая, полосатая кладка из попеременно выступающих и западающих рядов, причем последние когда-то были заполнены цементом, ныне в части выветрившимся. Это—своеобразная имитация персидско-византийской кладки, из чередования виделенных тенью полос кирпича над широкими уступами цемента извлекавшей полихромный живописный эффект. Башня—глухая, только со стороны моря проделаны щелевидные окна, освещающие (за исключением окошка в цоколе) не внутренность башни, но лишь лестницу, проложенную внутри двухсаженной толщи стены; при этом окна всякий раз еще подняты над площадкой на 10—13 ступенек. Внутри башня сохраняет стенные кольца—остатки ныне обрушившихся сводов. Семь очагов, по одному на ярус, связанные общею гончарною трубой, составляли, повидимому, единственный источник света для этих темных круглых зал. Лестница, заворачивая внутри стены, поднимается на высоту одного лишь яруса, после чего выводит всякий раз во внутреннее помеще-

[5] 13 сажен в высоту, 8—в ширину.

ние, и, пройдя по нему (раньше по полу, теперь по стенному кольцу или проложенным доскам) из двери в дверь, вы снова попадаете в толщу на лестницу в следующий ярус. К круглой башне примыкает, по касательной, прямоугольный массив [6], связанный с нею общностью узора полосатой кладки, со скругляющимися, на половине высоты, очертаниями.

В противоположность другим башням, определенно сторожевым и защитным, „Девичья“ лишена боевых приспособлений (зубцы, бойницы машикули) [7], из ее окон на лестнице видны только небо да море, да и то вся левая сторона заслонена прямоугольным придатком. Ход в стене в среднем ярусе выведен так, что заход внутрь необязателен, и дверь (сейчас окно) только одна; так, без опасения за прочность стены, можно было-бы провести его и дальше, если-бы не было почему-то существенным заставить поднимающегося наверх проходить через каждую из промежуточных зал. Система семиярусной башни, правда, в виде последовательно уменьшающихся цилиндров и с наружною лестницей, присуща храмам парсов-огнепоклонников. Там ярусность, в халдейском зиккурате символизирующая семь планетных кругов, получает значение морального восхождения по семи ступеням добродетели. В этой символике может найти себе объяснение необходимость провести паломника по промежуточным ступеням — ярусам. Имея снаружи вид ступенчатой пирамиды, храм огнепоклонников внутри представляет полые залы, одна над другой, тщательно закрытые от света, освещенные лишь священным огнем, выведенным наружу проходящею через все этажи трубой. Создание культового огнепоклоннического сооружения нужно датировать до половины IX в., когда разрушены были капища и погашены священные огни; монументальные

[6] Его назначение является загадочным. Контрфорсом он быть не мог, ибо примыкает к кругу башни по касательной,—да и башня с двухсаженною толщей стен нисколько не нуждается в опоре; волнорезом—также, ибо нет причины строить волнорез в 13 сажен высоты. Путешественники считают его полым: Кох предполагает в нем тюремные камеры, Березин—выход к стороне моря; но, конечно, ни тот, ни другой внутри не бывали. Возможно, что „разгадка“ Девичьей Башни скрыта именно здесь.

[7] На гравюре Сергеева 1796 г. башня, правда, связана какими-то обстройками с шедшею тогда над морем стеной, но от этих обстроек, конечно, позднейших, сейчас остались лишь фундаменты. Естественно было, имея в наличности такое монументальное сооружение, так или иначе использовать его в защитных и наблюдательных целях; но ясно также, что для этих целей оно не предназначено и сооружено было не для них.

формы „Девичьей“ башни допускают отодвинуть дату ее постройки достаточно далеко за этот предел [8].

5. Растянутые в длину фасады дворцов, хан-сараев, разнообразятся то выдвинутым гранным фонариком, примыкающею к комнате закрытою лоджией (Баку), то, наоборот, уходящею вглубь „сталактитовой“ нишей открытого балкона (Нуха). Расчленение этого последнего, нухинского, фасада проведено необыкновенно тонко. Балконы-крыльца разделяют центральные покои от меньших угловых зал; шесть вертикальных ширинок с рамбическим орнаментом обрамляют балконы и концы здания, прорезая идущие поверху и по границе этажей горизонтальные карнизы (красный и черный узор по гипсу). Монументальный-же бакинский дворец в своей гладкой облицовке лишь чередует широкие и узкие ряды каменных плит — в зависимости от того, на широкое или на узкое ребро кладутся они попеременно.

Каравансараи либо открываются арками на квадратный внутренний двор (разбираемый на кирпич Шах-Абасов каравансарай в Гандже), либо представляют одиночное изолированное здание с удлиненным прямоугольником в плане (Ходжа-Гассан). И здесь обычным украшением являются выступающие круглые декоративные полубашенки.

Мосты в Азербайджане—горбатые, с заостренными арками: быки их то разделаны декоративными нишами (разобранный „персидский“ мост через Ганджинку), то подперты устоями, гранеными (половина призмы, пирамиды) в сторону течения реки, скругленными (половина цилиндра, конуса) с противоположной стороны (Ахсу, новый мост в Шемахе).

[8] Что касается надписи, „кубен Масъуд бен Дауд“, то в „Масъуде сыне Давидовом“ Н. В. Ханыков склонен видеть правительственное лицо, властителя, повелевшего построить башню; и так как среди иранских сельджукидов „Масъуда сына Давида“ не отыскалось, он у Дауда, правившего Азербайджаном в начале XII в., „предположил“ сына Масъуда, который „мог во имя отца править Ширваном и построить Девичью башню“. Но торжественная надпись повелителя, заказавшего постройку, помещается обычно на самом видном месте над входом; а две строчки о „Масъуде сыне Дауда“, скромно ютящиеся сбоку, напоминают скорее надпись мастера-строителя. И то, что строчки эти врезаны выше гладкого цоколя, среди 5-го, 6-го и 7-го (считая снизу) рядов выступающих камней, чем нарушается кольчатый узор полосатой кладки, дает основание считать надпись не одновременною постройке. „Кубен“ обычно употребляется в смысле „купола“. Старая „Девичья“ башня могла иметь наверху культовую беседку по образцу парсидских храмов; беседку разрушили при исламе; восстановивший верх башни, на этот раз в виде купола, мастер Масъуд оставил об этом ремонте память в населенной на камнях башни надписи.

Наконец, частное крестьянское строительство настолько разнообразно,—в зависимости от местности (горы, степь), климата (плоские, высокие скатные крыши), строительного материала (камень, дерево, калыб), этнографической группы,—что охарактеризовать его в общем очерке не представляется возможным.

6. Скульптура круглая встречается в Азербайджане, как исключение (каменные фигуры лошадей и баранов). Скульптурная резьба, как везде на Востоке,—плоская, двупланная, с равным узором, четко выступающим над ровно углубленным затененным фоном, с эффектом, „не светотени, ни резкого сопоставления света и тени“. Резной узор —геометрический, из взаимно пересекающихся в звезды прямых линий, на мимбарах, потолках и оконных решетках, и растительный (усики, листья, цветы), в порталах, надгробиях. На надгробных стеллах, кроме того, „перечисляются“ плоско стилизованные и синплифицированные предметы житейского обихода покойников (лошадь, сокол, ружье, пороховница, сабля—у мужчины; ожерелье, зеркало, гребень, сундук, пюпитр для корана—у женщины).

7. Любопытно отметить, что, в то время как, напр., ковер персидский приближается к картине (звери, охота, сад), азербайджанские ковры представляют геометрический, „средне-азиатский, кочевнический“, узор с косыми граблеобразными линиями, обусловленными техникой тканья. И дело не в „запрещении изображений“: в любой (шиитской) мечети Азербайджана на стене висит лубок—Страсти Гуссейна, стало-быть, не только изображение, но еще и священное изображение. Дело здесь в особом, отличном от персидского, простом народном вкусе.

Персидская миниатюра каллиграфична: тщательное, тонкое, изысканное мастерство—на вкус двора, ценителя, коллекционера. Изгиб-ли цветущей ветки, манерный-ли уклон головы одинаково повинуются закону гармонического течения линий. Мелкие детали—узорной листвы, узорной одежды—как-бы предназначены для рассматривания в лупу. Грубоватая, часто детски неумелая азербайджанская миниатюра иногда, правда, пленяется круглыми лицами, дуговатыми бровями, затейливыми тюрбанами персидских принцев, но, наряду с этим, мы находим, в чисто национальном изводе, широкие сросшиеся брови, кочевнические ковры, полосатые шаровары. Задача рисунка—в экспрес-

сии: „конь бежит—земля дрожит“, зубы оскалены, хвост на отлете. Художника занимает не романтичный Меджнум, а то разнообразное зверьё, которое окружает его в пустыне. Изображения верблюдов, шакалов, черепах встречаются часто без всякого отношения к тексту иллюминуемой рукописи. И в этом—традиция экспрессионизма общетурецкой джагатайской, османской миниатюры.

Стенная роспись (нухинский дворец, дом Шекинских) традиционно исходит из персидских образцов. Стены разделены на половине высоты карнизом, разбиты на отдельные поля нишами—под карнизом „сталактитовыми“, над карнизом заостренными; как ниши, так и разделяющие их простенки расписаны цветами. Иногда это отдельный крупный цветок—излюбленный в нухинских садах ирис; иногда букет (название условное, ибо цветы не закрывают друг друга и распластаны, как в гербарии); иногда цветы выростают из вазы. Мотив вазы, а также дерева (апельсинового с висящими плодами, кипариса) вводит изображения живых существ: птицы порхают среди цветов и по веткам; на земле справа и слева геральдически стоят львы, газели, павлины. Фон, обычно, цвета слоновой кости, на нем интенсивные красные, синие, золото. В поздних переписях (дом Шекинских, верхний этаж нухинского дворца с именами реставраторов—местных мастеров) живопись грубеет, но, с тем вместе, заметно оживляется: в центральных полях ниш нижнего яруса появляются изображения, в рост или полуфигурой в медальоне, прекрасных дам с цветком в руке; на потолках—гурий с ниткой жемчуга в волосах, в красных шароварах. Наконец, по среднему карнизу (главный зал второго этажа нухинского хан-сарая) вместо цветочного орнамента развертываются фризообразно подвиги хана: выступление войск, сражение, привод пленных, охота. Это уже откровенный лубок. Большие лица, круглые барашковые шапки; звери (среди них—лев, дракон) поменьше, птицы побольше; палят пушки, валятся чубатые дагестанские головы. Но эта близость к народной картине, ковровому платку, росписи сундука и „трактирской“ посуде не шокируют,—в ней ощутимо дыхание жизни. И, правда, нухинские росписи и сейчас живут в работах кустарей.

Это приводит к вопросу об „актуальности“ азербайджанского искусства. Вот вытканный азербайджанским ткачем портрет Ленина: рама—из персидских цветов; пиджак Ленина, оранжевый на фиолетовом фоне, без малейшего намека на рельеф, с хитрой игрой расчерчен-

ных по нему линий; наконец, на плоском лице две резкие черты, сразу дающие жизнь и иронический блеск глазам.

В наши дни, когда русское искусство стремится осознать свои живые восточные корни, когда искусство европейское „внимательно смотрит на Восток“ в поисках широкого обобщающего стиля, изучение искусства Азербайджана, „страны, стоящей на водоразделе двух великих цивилизаций, Европы и Азии“, полагаю, может иметь не только местный интерес и значение [9].

В. М. Зуммер.

Баку, 1925 г.

---

[9] О ханском дворце в Баку, после *А. М. Павлинова* (в МАК, III, Москва, 1893 г., стр. 81 и сл.), писали *В. Цилоссани* („Искусство“, орган Отдела Искусств Наркомпроса А. С. С. Р., Баку, 1921, № 1, стр. 30—34, № 2–3, стр. 45—55 и табл. I–IV) и доц. *Е. А. Пахомов* („Путь школы“, орган Наркомпроса и Б. О. Н. О., Баку, 1924, № 3, стр. 105–111); о Сураханском храме—*Г. Ф. Чурсин* („Искусство“, № 2—3, стр. 38—44, Баку, 1921) и *В. М. Сысоев* („Атешга или храм огнепоклонников в Сураханах“, оттиск из 1-го выпуска „Известий Азербайджанского Археологического Комитета“, Баку, 1925). Недавно вышел „Краткий путеводитель по древностям Баку и его районов“ *В. М. Сысоева,* Баку, 1925. 1-ый выпуск „Известий Азербайджанского Археологического Комитета“, кроме вышедших отдельным оттиском статей *В. М. Сысоева* („Атешга“) и *Гассана Садиги* („Древности деревни Шихово“), будет содержать статьи доц. *Е. А. Пахомова* („Девичья башня в Баку и ее легенда“) и *Иса Азимбекова* („Нардаран“). „Труды 1-го Всеазербайджанского Краеведческого С‘езда“, с авторефератом моего доклада 23/IX, 1924 г. „Художественные памятники Азербайджана“, выходом задержались.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
TOM III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Der Fund von Sargweschi.

Im Januar 1918 machte der Stellvertreter des Direktors. Prof. E. Thakaischwili den Mitgliedern des Kaukasischen historisch-archäologischen Instituts bekannt, dass sich beim Ingenieuren Roman Kullanda zufällig gefundene Gold- und Silbersachen befinden, die im Bezirk Schorapan des Gouvernement Kuthais in der Erde gefunden worden sind. Ich, damals wirkliches Mitglied des Instituts, wurde beauftragt, die Vorbereitung einer vorläufigen Veröffentlichung des Materials zu übernehmen, was die folgende Mitteilung, die eine kurze beschreibende Ergänzung zu den vom Kunstmaler Th. Kühne gemachten Aufnahmen (Taf. I—II) bildet, bezweckt.

Die Umstände, Zeit und Ort des Fundes waren, nach der Mitteilung Kullandas, wie folgt: alle Gegenstände waren im Bezirk Schorapan des Gouvernement Kuthais auf einem Hügel in der Erde gefunden, der am Ende des Dorfes Sargweschi in der Richtung gegen das Dorf Goreschi zu an jenem Punkte etwa sich befindet, wo die russische Karte des Generalstabes D. 6 vom J. 1907 (5 Werst in einem Zoll) die Zahl „75“ unter der Bezeichnung „Choriti“ setzt. Der runde Hügel kommt plötzlich zum Vorschein, etwa aus der Entfernung von ca. 4 Werst vor dem Dorfe Sargweschi, wenn man längst dem Flusstale Korneba von der Eisenbahnstation Lasche (und nicht von der Station Dserula) geht. Der Hügel bildet zwei Spitzen; die Gegenstände wurden an der linken, nördlichen gefunden. Reste eines Begräbnisses, dem die Gegenstände angehören könnten, traten nicht zu Tage. Am Abhange des Hügels in der Richtung zum Dorfe vom Fundorte hin ist eine Reihe weisser Steine (mit Kalkresten) zu sehen.

Als erstes Stück wurde die Silberschale gefunden: beim Ackern im Mai 1917 stiess der 14-jährige Sohn der Besitzerin des Landstücks Tschikvaidse mit dem Pflug etwas mit Klang an. Dies

war die Silberschale, welche auf Taf. II (Fig. 1 und 2) abgebildet ist und die eine kleine Scharte am Rande aufweist. Gleichzeitig wurden der Löffel und die beiden Henkel der Schale gefunden. Die Besitzerin verkaufte kurz darauf die Gegenstände dem H-rn Kullanda, der im Sommer in Sargweschi wohnte. Im September erlaubte ihm die Besitzerin eine weitere Schürfung der Stelle zu unternehmen unter der Bedingung, dass er die gefundenen Wertsachen nach Gold-, rsp. Silbergewicht ihr abkaufen werde. Nach etwa halbstündigem Graben an dem vom Knaben angegeben Fundorte der Schale wurden alle auf Taf. I abgebildeten Gold- und andere Sachen gefunden, etwa ein halbes Meter tief in Lehmerde. Auch jetzt geriet man zunächst auf die Goldsachen.

Während der Schürfung Kullandas und teilweise bei später erfolgtem Suchen wurden ausser den Gold- und Silbergegenständen, noch eiserne—ein Schwert, ein Dolch und Pfeilspitzen—stark verrostet, gefunden; Stücke von Knochen und anscheinend ein Fragment eines geschliffenen Steinwerkzeuges; Glasperlen und darunter ein flacher länglicher Stein (etwa 1 cm. lang), zugespitzt und rotfarbig wie die Einlagen der Goldarmbänder und Fingerringe, die daselbst gefunden waren; schliesslich, flache Bronzestücke mit runden flachen regelmässig gearbeiteten Erhöhungen (etwa 1,5 cm. im Durchschnitt). Der ganze Oberteil des Hügels war dicht mit einfachen Tonscherben bedeckt.

Alle hier aufgezählten Fundsachen wurden in demselben Jahre 1918 für das Museum der Gesellschaft für Geschichte und Ethnographie Georgiens in Tiflis angekauft und sind ins Inventarverzeichnis unter №№ 2829—2844 aufgenommen.

Goldsachen (Tafel I). Die Halsspange hat keine Verzierung. Drei Stücke von zwei Armbändern, das vierte wurde einem Aufkäufer—gemäss den Angaben der Dorfbewohner—verkauft; zwei Stücke haben an einem Ende eine Öse, am anderen—zwei, das dritte (auf der Tafel I, oben) hat an beiden Enden je eine Öse; dieses Stück ist gut erhalten und noch angefüllt mit Paste. An den Enden dieser Armbandteile sind je drei rote Steineinlagen angebracht. Die beiden stark beschädigten Anhängsel sind an jeder Hälfte achtteilig gemustert. Von den drei Goldringen ist einer der Arbeit und Musterung nach den Armbändern nahe; der Stein fehlt. Ein zweiter ist flach, ungemustert, mit einem roten Stein.

Silbersachen. Ein Löffel (Tafel I, unten), 17,5 cm. lang, mit einem allmählich sich zuspitzenden Griff hat ein eigentümliches Verbindungsglied in der Mitte zwischen Griff und Löffelvertiefung [1].

Die Silberschale (Taf. II ungefähr $^{2}/_{3}$ natürl. Grösse) hat etwa 13 cm. im Durchschnitt und ist ohne dem Fuss unter 6 cm. hoch; sie hatte einen einzeln gearbeiteten Fuss und zwei Henkel. Für die Aufnahme (Taf. II) war die Schale mittels Wachs mit dem Fuss verbunden und die Henkel angelegt. Der obere Rand der Schale ist durch eine Wellenranke in gleichmässige Abschnitte aufgeteilt, wobei sich pflanzliche Motive mit Tier- und Vogeldarstellungen (im ganzen neun an der Zahl) regelmässig abwechseln. Die übrige Oberfläche ist in vier Kompartimente durch zwei sich kreuzende stilisierte Pflanzenstengel, die oben eine zweiteilige Krone haben, geteilt. In den Kronen sind an einem Stengel je ein Vogel dargestellt, an dem anderen aber eine leere Fläche gelassen, da hier ursprünglich die Henkel angebracht waren, die noch einen Teil der Muster zudecken. Die Henkel geben der Aufteilung der Gesamtfläche der Schale eine weitere schärfere Gliederung, indem auf jeder Seite der Schale zwei Medaillons in breitem Rahmen mit Brustbildern in sasanidischer Kleidung, gegenseitig zugewandt, angebracht sind. An beiden Seiten ist links ein und dasselbe Bildnis wiederholt. Nach dem Kopfschmuck zu schliessen, der aus niedriger Kappe mit zurückgelegten Flügeln und sich darüber erhebendem Globus und mit gefalteten Bändern hinten besteht, ist es Hormizd I. (271—272) [2], oder Warahran I. (272—275) [3], oder endlich Warahran II. (275—293) [4] wiedergegeben. Die ihm zugewendeten Halbfiguren rechts sind bartlos, anscheinend mit Lockenhaaren (Frauenbildnisse?). Auf der einen Seite mit ho-

---

[1] Eine analoge Formbildung weisen die Silberlöffel, welche in Nowo-Bayazet des Gouvernement Eriwan gefunden worden sind (*Smirnow,* Argenterie Orientale, S.-Pbg. 1909, pl. CXXIII, fig. 48—55).

[2] Münze Hormizd' I: *Mordtmann,* Münzen der Sassaniden. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. XXXIV, Leipzig 1880, S. 162 Abb.

[3] Münze Warahrans I: *Sarre* und *Herzfeld,* Iranische Felsreliefs, Textband, Berlin 1910, S. 188, Abb. 85. Vgl. Relief von Barm i Dilak, das *Sarre* (a.a. O., Taf., XXXII) Warahran I. oder dem II. zuschreibt.

[4] Münze Warahrans II: *Sarre,* S. 72, Abb. 27; Relief (II) in Naksch i Rustem: *Sarre,* Taf. V=*Stolze* und *Andreas,* Persepolis, Berlin 1882, Bd. II, Taf. 117; Relief (III) in Schapur: *Sarre,* Taf. XLII=*Stolze,* Taf. 140, und *Sarre* (Textband), Abb. 106 auf S. 217.

hem zugespitzten Helm mit Pferdekopf oben [5] und mit einem Reif ohne Bänder [6] in der rechten Hand, auf der anderen aber mit dem typischen hohen runden Helm [7] mit Backenschutz und irgendeinem Gegenstand in der Hand dargestellt. Alle Bildnisse haben an der Kopfbedeckung die charakteristischen gefalteten Bänder der Sasanidenkönige. Diese Halbfiguren sind, wie gesagt, zu zwei verknüpft, was besonders durch den Respektgestus der gehobenen Hand [8] der linken beidemale klar ausgedrückt ist. Die Ausschmückung der Silberschale selbst ist in Reliefarbeit gemacht, wogegen die Ornamentmuster am Fuss in glatter Fläche eingraviert sind. Gewisse Teile der Musterung an Schale, Henkeln und Fuss waren vergoldet. So die Blätter am Fuss immer über eins, je eins nach 5—6 unvergoldeten Riefellungen der Medaillonsrahmen, am oberen Rande die Tier und Vogeldarstellungen mit der Welle der Ranke, Kopfbedekkungen und Kleider der Halbfiguren, usw., selbst Rosetten an den Henkeln oben. Nur stellenweise sind in Vertiefungen die vergoldeten Partien erhalten geblieben und an einigen angrenzenden Flächen, so über dem Rücken einer Tierdarstellung, u. a.: augenscheinlich war die Vergoldung z. T. während der unerfahrenen Reinigung der Schale im Dorfe abgetan.

Dem Funde von Sargweschi ermangelt es leider an Bestimmtheit; die Gegenstände bleiben loses zufälliges Material, dessen Zusammengehörigkeit aus den Fundumständen nicht behauptet werden kann. Trotzdem schien eine Veröffentlichung in Abbildungen derjenigen, die Aufmerksamkeit erregen können, von Interesse zu sein.

Georg Tschubinaschwili.

Im Juni 1918.

---

[5] Vgl. die Münze Warahrans II. bei *Sarre,* S. 72, Abb. 27; auch Abb. 39, S. 85 und *Stolze,* Taf. 122.

[6] Desgleichen auf der Schüssel bei *Smirnow,* Argenterie Orientale, pl. XVI (obere Gruppe des mittleren Teiles).

[7] *Sarre,* Taf. V und VII (aus Warahrans II. Zeit).

[8] *Sarre,* S. 68 (und Abb. 25).

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III • ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

О росписи большого храмового пещерного сооружения Вардзии *.

(Извлечение из черновых материалов, собранных **Д. А. Кипшидзе** во время экспедиции в Месхию летом 1917 г., изданное под редакцией **Д. П. Гордеева**).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первая научная командировка от КИАИ осуществлена была С. Ломиа и Д. А. Кипшидзе, которые летом 1917 г. академиком руководителем И-та Н. Я. Марром направлены были в район древней и средневековой грузинской области Месхии или Самцхэ с прилегающими к ней районами. Д. А. Кипшидзе было поручено, среди др. заданий, археологически обследовать знаменитые пещерные постройки Вардзии. При Д. А. Кипшидзе работал фотограф И-та К. Э. Лиозен, сделавший значительное число снимков [1]. Преждевременная тяжкая кончина [2] не позволила названному исследователю окончательно обработать свои черновые записки и др. материалы, собранные указанной экспедицией: путевые заметки, дневники археологических работ, зарисовки и серии фотографических отпечатков, вывезенные из этой поездки, в числе других, в 1919 г. сестрой покойного переданы были И-ту.

В процессе своих работ над грузинскими росписями до-монгольского времени я, для ознакомления с материалами по фрескам Вардзии, обратился к указанному рукописному наследству Д. А. Кипшидзе и к сопроводительной серии фотографий. Фишки, посвященные главному храму монастыря, оказались собранными в обложку с пометкой—„А. VI, 1. Б.[ольшая] Ц.[ерковь]". Состоят они, как то̀

* Читан на Собрании ученых членов КИАИ 8/VI, 1925 г.

[1] Отчетъ о дѣятельности Россійской Академіи Наукъ по отд. ФМ и ИФ за 1917 г., составл. Непр. Секр. акад. *С. Ѳ. Ольденбургомъ*. Пгр. 1917, стр. 238—239.

[2] *Н. Марръ,* Памяти І. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія,—ХВ, т. VI (в. III), Пгр., 1922, стр. 334 и 336—337.

видно по писчему материалу, из различных и частично разновременно выполненных описаний, заметок, списков надписей и зарисовок (наброски планов с сопроводительными цифровыми отметками и объяснительными записями), разложенных в известной последовательности; сперва идут данные, относящиеся к пещерному сооружению, затем описывается собственно храмовая стенопись базилики и южного притвора, и, наконец, имеется особый экскурс, касающийся несомненных ктиторских портретов и некоторых других фигур росписи (из серий ликов святых), ошибочно присоединённых к группе изображений исторических лиц Грузии.

Хотя в одном месте Д. А. Кипшидзе скромно замечает, что „фрески Боль[шой] Церкви Вардзии так богаты по содержанию и по форме, что дать исчерпывающее описание их под силу лишь специалисту по фресковой живописи по продолжительном наблюдении", однако ознакомление с исполненной им работой, несмотря на отсутствие окончательной отделки, сразу-же показало значительную новизну и богатство собранных им тогда материалов, почему КИАИ и решил ее опубликовать, с возложением редакции на меня.

Согласно выработанному мною плану, из 1-й части заметок, относящихся к этому пещерному сооружению, как таковому, взяты лишь самые небольшие отрывки, связанные в общий набросок, позволяющий составить представление о типе и характере памятника. 2-я часть фишек использована полностью. 3-я—имеющая специальную тему и недостаточно в критическом отношении проработанная автором—оставлена в основной доле совершенно в стороне.

Рукопись, предлежащая в виде первоначальных черновых записей и заметок, не отличается строгостью изложения и пестрит сокращениями и условными значками, смысл которых приходилось раскрывать часто при сопоставлении со снимками. По возможности, мною сохранён и самый язык подлинника; все вставки и перефразировки отмечены прямыми скобками [3]; допущенные исправления (напр. в определении некоторых сюжетов) оговорены в примечаниях. Сокращено лишь несколько мест, дающих повторения, или сбивчивых и гадательных. Я также, в общем, придерживался расположения материала, наличного в рукописи, хотя для цельности изложения пришлось некоторые фразы и даже абзацы переместить и перегруппировать. Такая обработка текста, исполненная без изменения его смысла, мною ка-

[3] Круглые скобки, встречающиеся в рукописи, сохранены на своих местах.

ждый раз специально не оговаривается. Север, северный, юг, южный и проч. в рукописи даны то в форме различных сокращений, то писаны полностью; ниже почти всюду, в целях экономии места, принято сокращение в форме одних начальных букв.

Все примечания принадлежат мне; внесённые сюда кое-где дословные отрывки отмечены кавычками. В отличие от подлинника, текст воспроизведен нами в новой орфографии.

Д. Г.

ОПИСАНИЕ.

Главный интерес среди Вардзийских пещер представляет пещера с большой церковью, занимающая почти центральное место в пещерном городе. Снаружи на эту пещеру указывает легкая [встроенная] аркада. Пещера, в которой помещается большая церковь,—самая большая из всех уцелевших пещер Вардзии; [в ней] различаются следующие части: собственно церковь, притвор с Ю. [и группа разнородных помещений к С. от храма].

Южная [общая с притвором], северная и [в значительной части] западная стены церкви почти до самого начала коробового свода искусственны, построены из грубого черного, плохо тесаного камня на извести. Вся алтарная апсида почти целиком высечена из скалы. [Таким образом, храмовое помещение почти] со всех сторон, за исключением В-ой и свода, изолировано от скалы, от стен пещеры; вследствие [указанной причины, церковь] хотя и прохладна, но всё-таки суха, и этой сухости, между прочим, мы обязаны сохранением фресок, покрывающих почти всю внутреннюю ее поверхность.

Притвор церкви тянется во всю ее длину с З. на В. узкой галлереей. В З. конце притвор-галлерея в данный момент опирается на искусственную подставную стену и быки, подставленные сравнительно поздно для поддержания висячего свода, давшего трещины и отчасти обвалившегося. Средняя и В-я часть потолка галлереи поддерживается парой.... полукруглых арок, опирающихся одними концами на средний четырехугольный столб, а другими на такие-же пилястры. В В. части притвора на высоте 3.00 м. высечена полукруглая апсида. Ю. часть (треть) апсиды отвалилась или закрыта подпорой; в небе апсиды композиция Деисуса. Притвор современен церкви, описанная-же апсида высечена или, по крайней мере, оштукатурена и расписана позднее.

С. стена притвора—общая с церковью; именно она служит южной стеной церкви. В ней, в З. [углу] [4], есть дверь [с горизонтальным перекрытием] [5], ведущая в церковь, представляющую из себя однонефную базилику с полукруглой алтарной апсидой и коробовым сводом.

Внутренность церкви делится на две части В. и З., аркой, перекинутою с Ю-й стены на С-ю и опирающеюся на высокие и широкие пилястры [6], для поддержания свода. Параллельно с этой аркой, над З-й стеной ложная выпускная арка, висящая без подпоры; на В. над иконостасом такая-же арка, отделяющая неф церкви от алтарной апсиды.

Стены С. и Ю. разделены пополам пилястрами, поддерживающими подпружную арку, описанную выше; каждая половина представляет собой высокую (немного ниже карниза пилястров), неглубокую (0.20 м.),...[7] нишу с полукруглым верхом. Эти ниши служат как-бы рамами больших композиций или одинарных изображений святых. Ю. стена: в З. нише 1 окно небольшое; в В. нише 2 больших окна, над ними еще 2 маленьких окна. В С. стене в З. нише 2 оконца и в В.—одно, из которых свет проходил в аппартам[енты] царицы.

В алтарной апсиде с Ю. стороны 2 больших окна и над ними одно маленькое; в С.—2 оконца [8].

З. стена сплошная плоская; ее прорезывает лишь одна [с горизонтальным перекрытием] [9] дверь в З. притвор [10].

[Роспись церкви сохранилась почти полностью, хотя] фрески во многих местах дали трещины и осыпались; особенно пострадали они вдоль линии, где сходятся искусственная стена и стена из скалы. Только в нижних частях стен штукатурка с росписью пропала [почти совершенно].

---

[4] В подлиннике нарисован здесь значёк ∟.

[5] Около слова „дверь" в рукописи нарисован значёк в форме русской печатной буквы П. Предложенное мною толкование возникло из сличения этого и др. мест текста с соответствующими фотографиями.

[6] Перед и после слова „пилястры" сделаны надстрочные выноски, не вполне разборчивые; первая начинается условным значком трапецевидной (?) формы с отметкой ширины: „ок. 0,80 м.".

[7] Здесь поставлен условный знак в форме неправильного четырехугольника.

[8] Этот абзац, взятый мною из отрывка, содержащего описание фресок апсиды, присоединен сюда, соответственно характеру сообщаемых данных.

[9] См. выше примеч. 5.

[10] Ниже идут два абзаца, содержащие сведения о „6-ти ярусном деревянном иконостасе новой (1854) грубой греческой работы (греческие надписи)".

В небе алтарной апсиды [конхе] изображена богоматерь с младенцем, в сидячем положении, а по сторонам стоят архангелы: справа Михаил, слева Гавриил, держащие первый в левой, второй в правой руке сферу. Все en face.

Под этой композицией в алтарном полукружии [находятся] изображения 12 фигур во весь рост, отделенные от нее широким [орнаментальным] поясом (среди 2-х узких красных полосок чашечки цветов). [Эти] фигуры, [имеющие сопроводительные] надписи по-грузински и по-гречески, [писаны] с орарями в архиерейских одеяниях и со свертками письмен в руках, 2 фигуры в левых „стенках“ окон; [одна из таковых, наличная на] стенке правого окна, в архиерейском одеянии (филонь с черными крестиками) имеет надпись [и по-грузински и по-гречески называющая св. Сильвестра]—[ႱႨ]ႪႡႨႱ[ႲႰႭ] (მარცხნივ) [слева]) и О А ΓΙ | ОС || СІΛ | ВЕ | СТРОС (მარჯვნივ [справа]). В правых стенках [окон] изображения архидиаконов (?): Лаврентия в правой стенке правого окна с надписью на груз. и греч. яз., и другого (?) в правой стенке левого окна без надписи (сошла).

На передней поверхности выпускной арки апсиды была надпись крупными заглавными церковными буквами. Часть погибла с упавшей штукатуркой, часть сохранилась, но не разбирается снизу.

Свод нефа разделен средней широкой аркой на В. большую и З. меньшую половины. Каждая половина свода, в свою очередь, делится на 2 равных (С. и Ю.) половины продольной широкой [орнаментальной] полосой.

[В софите средней подпружной арки писаны были фигуры в рост, на каждом склоне по две. Эти изображения дошли не полностью — местами штукатурка отпала. Судя по наличным фрагментам, здесь помещены были пророки и другие ветхозаветные (?) праведники; так, на С. склоне арки в верхнем поле сохранилась нижняя часть фигуры в хитоне и иматии, держащей развитый книзу свиток с неразбираемой снизу надписью] [11].

[На склонах короба и на большинстве широких полей стен кафоликона (исключение — ктиторские портреты на С. стене) размещен цикл новозаветных сцен типа „12 праздников“]. В В-й части [свода], в Ю. половине, — благовещение [12]; в З-й части, в Ю. половине, —

[11] Частью перефразировано, частью исправлено и дополнено по снимкам.

[12] В рукописи к этому месту отнесена сл. сноска на полях: „и под ним, ниже полосы отд., одна фигура на простенке между окон, другая у пилястры; на остающемся свободном месте не различаются фигуры“.

рождество Христово [13]. На З-й стене вверху, выше строенной стены, штукатурка совсем почти опала; сохранившаяся верхняя и правая часть так почернели от копоти, что ничего нельзя разобрать. [Судя по наличному фотографическому снимку, в люнетной доле З. стены помещены были 2 композиции; в порядке следования сюжетов они занимают место между рождеством и преображением (вероятнее всего, сретение и крещение); преображение-же находится в С-й половине З. части короба [14]; к востоку, т. е.] в В-й части, в С. половине [короба], есть изображение воскрешения Лазаря. [Под этими двумя последними композициями, в следующем регистре, имеются — омовение ног (ниже воскр. Лазаря) и тайная вечеря (ниже преображения)], сильно поврежденная. На Ю-й стене, в В. нише, изображено распятие (над окнами, ножка креста опускается в простенок; за окнами: слева — богоматерь, справа — Иоанн). [В западной доле Ю-й стены, вокруг единственного здесь окна, размещена сцена сешествия Христа во Ад [15], раскомпанованная своеобразно, вследствие наличного участка стены с полукруглым верхом и оконной дырой посредине]. Нижний ярус росписи [З. стены] отделяется от верхнего пропавшего узкой красной полосой. Ниже полосы [слева направо [16]] имеются следующие композиции: большая и весьма интересная — вознесение И. Х.; поразительна по своей жизненности фигура богоматери, настоящий тип грузинки-крестьянки; хороши и имеют местный оттенок фигуры двух ангелов. Посредине, над дверью, — [сошествие св. духа на апостолов [17] и, далее,] успение богоматери. Эти три композиции отделены одна от другой узкими красными вертикальными полосами [18].

---

[13] В рукописи добавлено: „а под ним неразличающаяся вследствие сильной порчи и темноты композиция“.

[14] Сюжет установлен мною по фотографии. Кипшидзе определил его ошибочно, как „воскресение И. Х.“

[15] Определено мною по фотографии. Кипшидзе описал, в самых общих выражениях, отдельные части этого места росписи, добавив, вполне правильную, догадку — „в общем, кажется, это одна композиция, не понятая мной“.

[16] В рукописи — „справа налево“, в соответствии с чем и порядок следования этих трех композиций при описании дан обратный, что противоречит последовательности нахождения их в цикле.

[17] Определено мною по фотографии. Кипшидзе дал сбивчивое и неуверенное описание композиции, идентифицированной им как „Даниил и три отрока в огненной пещи“.

[18] Весь этот абзац, посвящённый новозаветным сценам, скомпанован мною из отдельных замечаний, разрозненно разбросанных в рукописи и сверенных, по возможности, с фотографиями.

[Узкие простенки, угловые отрезки и остатки полей стен заполнены, почти исключительно, изображениями святых и орнаментальными украшениями. Наиболее полна серия свв. воинов. В простенках трех больших окон Ю. стены помещено в каждом по фигуре в рост. В сводах обоих оконных нишек, находящихся между апсидой и пилястрой, писаны изображения в крещатых нимбах; каждая возлагает венцы на ниже расположенную в простенках пару свв. воинов. Аналогичная пара имеется и в третьем окне, но изображение в своде представляет из себя лишь] след фигуры, совершенно не разбираемой. [В простенке между двумя первыми окнами, под средней частью распятия,—обособленный св. воин в фас, как и другие вышеотмеченные]. По сторонам окон по одной фигуре,—в темноте и от порчи не различаются [19]. Головы в нимбах [20]. [В З. „нише" С. стены кроме ктитора (предположительно обычно идентифицирован как Лаша), предстоящего перед богоматерью с младенцем, имеются еще 5 фигур свв. мужей, из коих один – воин [21]. На пилястрах писаны свв. жены в рост, в полный фас; двое из них в царском доличном [22]. Над распятием, в угловых отрезках по сторонам арки „нишки" В-го простенка Ю. стены, помещено по медальону с погрудными изображениями святых]. Затем в З-й нише Ю. стены над дверью на тимпане – изображение головы спасителя, отличающееся своей живостью и естественностью; по сторонам в арке изображены: слева—Мария Египетская (полуголая фигура), справа—св. Зосим.

Внизу пробегал по всем стенам широкий пояс, ниже (высота стены ок. 1 м.) которого, судя по слабым признакам, оставшимся на С-й стене в Ю. нише, тоже была роспись.

Фон фресок везде—черноватый с зеленоватым отливом; в небе алтарной апсиды и в своде нефа фон усеян звездами 8-конечными голубого цвета.

---

[19] Насколько возможно судить по малочёткому снимку, здесь имеются 2 столпника.

[20] Ниже в рукописи имеется отметка, относящаяся, нужно думать, к свв. воинам: „Эти изображения, повидимому, представляют мучеников царей и князей грузинских, пострадавших за веру и причисленных национальной церковью к лику святых (Арчил, Давид и Константин, Луарсаб II (?) и др.)".

[21] О 4 из них Кипшидзе высказывает ошибочное, по моему мнению, предположение—„(военачальники Лаши?)".

[22] Идентификация и этих фигур, предложенная Кипшидзе, также, как мне кажется, весьма сомнительная: „На С. пилястре изображены: вверху—св. Нина (?), внизу—царица Русудана, дочь Тамары (sic). Далее, на [Ю.] пилястре: вверху—якобы царица Тамара, внизу–мужская (?) фигура в нимбе, с крестом в руке".

Краски—умело смешанные, разнообразные, мягкие: чёрная, белая, красная, коричневая с разными оттенками, розовая, сине-голубая.

Внутри и снаружи роспись имела надписи грузинскими заглавными [буквами] хуцури, но они большею частью стерлись [23]. [Хотя некоторые] фресковые надписи и сохранились, но в таком виде, что ничего цельного не разбирается. На стене притвора, снаружи церкви, под картиной Страшного Суда сохранились 2 или 3 надписи черными буквами асомт'аврули, [которые, однако,] с трудом разбираются.

Вся площадь притвора, за исключением пола, была расписана фресками на христианско-библейские темы с соответствующими грузинскими надписями. Почти половина фресок погибла совсем или так выветрилась, выцвела или запылилась, что нельзя установить сюжет композиций. Роспись [эта], кажется, одновременна росписи внутри [базилики] (одинаковые краски и манера писания).

В своде [24] [посредине в вершине] помещен равноконечный крест в кругу с надписью в верхних междукрыльях IC XC; круг держат 4 летающих ангела, несущих его. [К В., в своде-же, писан] ангел с большим свитком в руках: выделяется на белом фоне сине-голубой цвет туники ангела и свитка, на котором рассеяны звезды [25]. [Еще восточней] в [углу] свода и аркады [уцелели] правое плечо, рука, крыло и часть головы и груди ангела; в противоположном [углу [26] того-же поля] остатки двух фигур в нимбах (штукатурка очень пострадала и осыпалась).

[К западу от группы „вознесение креста" имеются фрагменты двух (житийных?) композиций, сюжеты коих определить не удалось. От некогда бывших надписей дошли жалкие фрагменты; на верхней композиции] остались и разбираются снизу лишь отдельные грузинские церковно-заглавные буквы; ничего цельного вычитать не удалось; [на нижней—] надпись белыми [буквами] на синем [фоне]; из трех строк я в средней вычитал ႹႭႨႴႤႬႹ.

---

[23] И добавлено: „Особенно чувствительна утрата надписей на фресках с историческими лицами. По преданию, будто над одним из женских изображений в царском одеянии была надпись, называвшая ее Тамарой. Сейчас ни одной строчки, ни одной буквы".

[24] В рукописи далее под номерами помещены отдельные фигуры или группы в порядке расположения их, считая с В. на З.

[25] Ангел, свивающий небо из композиции Страшного Суда.

[26] См. выше примеч. 4.

[Еще ниже обрывки „рая“ (деталь из композиции Страшного Суда) с вратами и частью „лона Авраама“].

[На С. стене притвора, отделяющей его от собственно храмового помещения, писаны различные части сложной картины, составляющие, с добавлением вышеотмеченных 2 деталей из посводной росписи,] все вместе изображение Страшного Суда. Стена разделена красными узкими полосами на 3 продольные участка. В верхнем участке [средняя доля пострадала при пробитии маленького окна], которое, видимо, вырезано недавно на счет фресок. [Здесь, между двух окон, различаются две неясные нимбованные фигуры, из коих одна сидит,— повидимому, фрагмент центральной Деисусной группы. Справа и слева от нее трибунал сидящих апостолов и за ними сонм сил небесных. В крайней западной доле —] лежащая женская (?) фигура в нимбе. В следующем поясе—между окон [престол уготованный и около] с обоих сторон по одному ангелу и по одной фигуре в нимбах без крыльев. Перед троном [взвешивание 2 ангелами и 3 дьяволами грехов. К З. и В. от окон изображения восставших на суд праведников и грешников]. Третья полоса—между большими окнами—восстающие из гробов с молитвенно протянутыми к [уготованному престолу] руками; в следующем [к В.] простенке ? ангела трубящих. Далее не различается ничего. [Еще далее, за окном,] изображение двуглавого крылатого грифона; на нём сидит фигура в сияющем нимбе. Окно. 4 голых фигуры (с трудом разбираются). Еще ниже, между первыми окнами, в простенке [—сцена отдания тварями поглощённых частей человеческих тел]. Далее в одном квадрате желтые головы (?), расположенные на определённом расстоянии друг от друга. [В самой З. доле третьего регистра находится композиция, гадательно определяемая как насыщение Христом 5 тысяч] [27].

[Внизу] расписанная часть стены заканчивалась широким [орнаментальным] поясом. Ниже (на высоте 1.50 м.) не сохранилось ни штукатурки, ни следов росписи; видны плохо тёсаные чёрные твёрдые камни (камень местный?).

[Как уже отмечалось (см. выше стр. 89), в доле притвора имеется частично пострадавшая апсида, в конхе которой сохранилась фрагментированная композиция поясного богородично-предтеченского

[27] Весь этот абзац скомпанован из частью сокращенного, местами-же пересказанного текста.

Деисуса [28], написанного, повидимому, позднее других изображений [29] того-же помещения (ср. выше стр. 94—95)].

† **Д. А. Кипшидзе.**

1917 г.

Литература о Вардзии.

О Вардзии существует довольно обильная, хотя в научном отношении не совсем надежная, литература, которая сводится, в общем, либо к старым работам *Вахушта, Дюбуа, Броссе* и *Загурского,* использованным и цитируемым *Д. Бакрадзе* (Кавказ в древних памятниках христианства,— „Записки О-ва Люб. Кавк. Археологии“, кн. I, Тфл. 1875, стр. 44—46), либо к многочисленным статьям и заметкам различных авторов, рассеянным в груз. периодической печати,— которые, между прочим, отмечены в изданной Академией Наук, под ред. *И. А. Кипшидзе,* „Грузинской Библиографии“ (I, Пгр. 1916), sub nomine на стр. 129 (за исключением № 880, касающегося Вардзии не Месхийской, а Шорапанской).

Кроме того, имеются: рус. пер. *Вахушта,* с примечаниями *М. Джанашвили* (Тфл. 1904, стр. 165 и прим. 487), а равно статьи: некоего *Богомольца* („Новое Обозрение“ 1891 № 2638), *М. Джанашвили* (журн. „На Кавказе“ [Екатеринодар], 1909 № 6), *Н. Лихачева* („Изв. Кавк. О-ва Люб. ест. и альп. клуба“ [Владикавказ], I) и др.

Но более обстоятельные описания Вардзии налицо в след. изданиях: *Е. Лалаян, Ջաւախք,— „Ազգագր. Հանդէս“*, кн. I [Шуша], 1896, стр. 124, 160—164 (под рубрикой *Վարձիա կամ Վարձունիք*); =*его-же, Վարձիա կամ Վարձունիք,— „Հանդէս Ամսօրեայ“* [Вена], 1895, стр. 23—26, № 1 (обе с приложением общего вида на часть городища); *Х. Ф. Б. Линч,* Армения. Путевые очерки и этюды. Пер. с англ. *Е. Джунковской,* т. I, Тфл. 1910, стр. 106—110 (с общ. видом на часть городища); *Ал. Фронели* (псевд. Ал. Кипшидзе), დიდებული მესხეთი, Гори 1914, стр. 67—111 (под рубрикой „Вардзиа“);=фельетоны того-же автора в газ. „Івериа“ 1904 г. №№ 134, 141, 145, 150 и 159.

Ред.

---

[28] Особенно пострадал Предтеча: „от стоявшего налево от Христа Иоанна остается лишь верхняя половина головы“.

[29] Она охарактеризована как „роспись нового характера“. Судя по малочёткому снимку, эта стенопись, повидимому, высокого мастерства.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

К изучению армянских крестьянских жилищ *.

(Карабахский карадам).

За сравнительно короткий срок—столетие или чуть более того—даже в самых отдаленных уголках нашего края совершилось коренное видоизменение бытовых особенностей, сохранявшихся с изумительной устойчивостью в течение не одного десятка веков. Этот процесс, с каждым поколением расширяясь и углубляясь в быстром темпе своего развития, коснулся не только внешних, чисто материальных сторон быта, но и, не в меньшей мере, всего психического уклада населения. Будучи вполне естественным и по своему существу бесспорно прогрессивным явлением, он повелительно выдвинул перед наукою неотложность спешного зафиксирования тех, не успевших еще исчезнуть, пережитков старины, которые могут облегчить нам понимание основного направления и отклонений в поступательном ходе прошлой культурной жизни местных народов. Между прочим, сохранившийся этнографический материал помог-бы разобраться и в проблемах местного искусства, в частности в вопросе о происхождении тех своеобразных черт армянской церковной архитектуры, которые отмечены новейшими исследователями строительного искусства, хотя-бы в одной из последних работ венского профессора Иосифа Стриговского: „Die Baukunst der Armenier und Europa“ (1918 г.). Как-бы ни были основательны доводы, приводимые в подтверждение мысли о заимствовании многих элементов армянских церковных построек извне, из прилегающих стран, тем не менее едва-ли возможно отрицать тот факт, что на армянской почве эти заимствования не только получили новое сочетание, но и приобрели значительные наслоения, придавшие им оригинальный характер. Эти, чисто локальные, особенности, несомненно, были подсказаны местными строительными навыками, зародившимися и окрепшими под непосредственным воздействием определенных геогра-

* Из доклада, читанного на Собрании ученых членов КИАИ 29/I, 1925 г.

фических условий. Вопросы о форме купола, о технике его возведения, об основных чертах храмового плана, о конструкции т. н. „жаматун“-ов и „гавит’“-ов—храмовых пристроек и пр., повидимому, получат удовлетворительное объяснение лишь в связи с изучением форм и элементов армянской народной архитектуры, как они выявлялись на т. н. „простонародных“, крестьянских постройках.

К сожалению, далеко еще не собран и не систематизирован весь материал, необходимый для выяснения основных черт этой отрасли армянской архитектуры. Правда, в изданиях Е. Лалаяна при этнографическом описании той или иной провинции упоминается и о крестьянских домах этих местностей, однако у него дело не идет дальше общего, очень беглого и нередко смутного, перечисления некоторых частей здания, без снабжения какими-либо планами и чертежами [1]. Попытку дать сравнительный обзор планов армянского крестьянского жилья сделал еще в 1892 г. П’арсадан (ныне архиепископ Месроп) Тер-Мовсесян в работе: „Das armenische Bauernhaus. Ein Beitrag zur Culturgeschichte der Armenier“ (Wien) [2]. Мысль об этом исследовании автору подали изыскания Meringer’a и Henning’a о немецком крестьянском доме в связи с выяснением сходства этого дома с первоначальным индо-европейским домом, причем его поразило то обстоятельство, что „армянский крестьянин“ и теперь все еще строит свой дом по образцу индо-европейского прототипа, „особенно его греческой разновидности“. Автор писал свою работу в Вене по личным воспоминаниям детства и отрочества, проведенных в пределах б. Елисаветпольской губ. (преимущественно в Зангезуре и Карабахе), и по данным, собранным со слов армян-эммигрантов, переселившихся в столицу б. австрийской империи из разных частей Армении, главным образом, турецкой. Неудивительно, что описания и планы его не касаются самых существенных частей здания (напр. конструкции потолка) и потому дают очень мало исходных положений для дальнейших выводов. А между тем, детальные материалы могли-бы нас обогатить данными не только для выяснения местных архитектурных традиций, но и для установления древних культурных связей, для

---

[1] Кроме основного плана сисаканского (в Зангезуре) дома.

[2] См. армянский перевод этой работы: *П’арсадан Тер-Мовсесян, Հայ գիւղական տունը,* пер. с немецкого [„*Ազգային Մատենադարան*“ XIII], Вена 1894. Кстати, немецкая редакция впервые была напечатана в „Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien“ XXII Band, 1892, стр. 125—172, а армянская (в переводе с немецкой)—в „*Հանդէս Ամսօրեայ*“ за 1893 год.

раскрытия тех этнических элементов, которые вошли в состав отдельных провинциальных групп, охватываемых теперь общим понятием „армянской“ народности, и т. д.

Собирание этих материалов в настоящее время затруднено несколькими обстоятельствами. Прежде всего, в виду почти полного исчезновения армянского населения в пределах Турции, мы лишены уже возможности изучать на месте народную архитектуру западных и южных областей „Армянского Нагорья“: ее возможно восстановить лишь со слов беженцев и на основании построек, возведенных и возводимых ими на местах нового поселения, на территории Советской Армении, конечно, постольку, поскольку они сами здесь не подчинились влиянию местных форм. С другой стороны, и в северной и северо-восточной Армении сохранилось очень мало древних крестьянских построек, так как со времени установления русского владычества почти все деревни подверглись сплошной перестройке и, под влиянием новой городской архитектуры, старые здания заменены новыми; все население вышло из своеобразных подземных жилищ, так картинно описанных еще Ксенофонтом в 400 г. до Р. Х., и устраивается в высоких домах, с окнами в боковых стенах, с покатыми крышами, крытыми железом или черепицей. Это можно сказать и относительно Нагорного Карабаха, где, при объезде с экспедицией ЗНА при ЗакЦИК'е летом 1924 г., мне удалось лишь в очень немногих деревнях, и то обычно расположенных вдали от больших проезжих дорог, обнаружить крестьянские постройки древнейшей конструкции, ранее, до установления русского владычества, доминировавшей в крае. Некоторые из них и возведены до этого времени. Только местами таковые постройки служат и до сих пор еще жильем; большею-же частью они превращены в амбары, в склады для хранения домашнего хлама, в помещения для скота, в особенности телят, или-же просто-на-просто заброшены. Все они почти не ремонтируются и после каждого ливня или весеннего таяния снегов постепенно разваливаются. Население уже повсеместно отвыкло от того образа жизни, к которому были приспособлены старые дома, и потому едва-ли можно сомневаться, что если не взяться теперь-же за описание уцелевших немногих памятников народной архитектуры, то через несколько лет сделать это уже будет немыслимо.

В настоящей статье я намереваюсь предложить описание карабахского армянского крестьянского дома, на месте называемого татарским именем „карадам“, что означает *черный дом*, хотя он не имеет

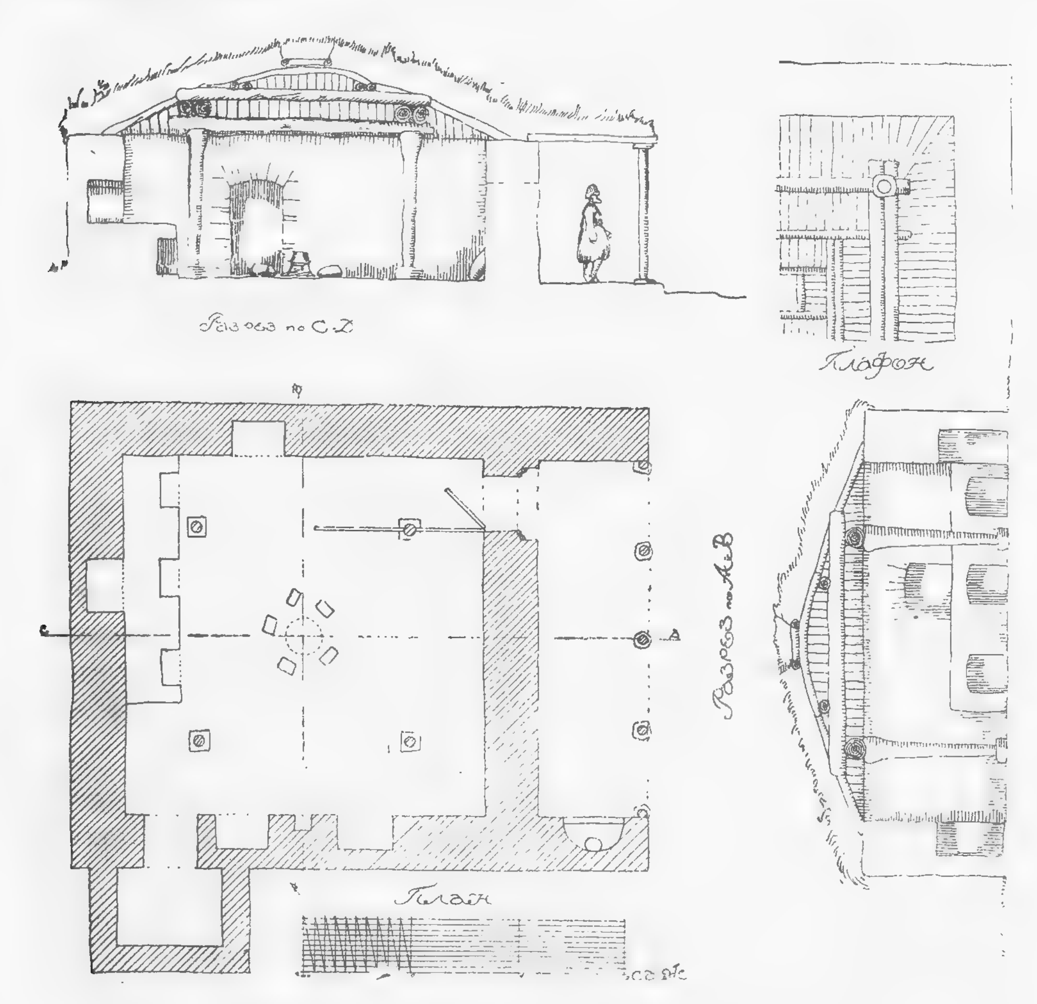
решительно никакой связи с татаро-монгольскими жилыми помещениями. Правда, и в некоторых татарских селениях можно встретить карадамы, напр. в окрестностях Гадрута, иногда очень обширные, прочно и аккуратно возведенные; однако, они везде построены армянами-мастерами в бывших зимовьях, где население от кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства сравнительно недавно стало переходить или перешло к культуре садовой или зерновой.

*
* *

Карадам обыкновенно стоит на склоне горы, так что три его стены почти целиком уходят в землю и только передняя с дверью и навесом, обращенным чаще всего на юг, стоит выше двора. Поэтому, нередко, лишь по возвышающемуся над поверхностью земли широкому усеченному конусу возможно бывает догадаться о наличии здесь постройки. Во многих местах крыша одного карадама служит двором для другого. Землянки эти со своими дворами стоят достаточно обособленно друг от друга и как-то держатся изолированно со своим внутренним миром. Даже в случае выделения кого-либо из взрослых сыновей в особую семью практиковалось возведение для него карадама не в непосредственной близи или стена к стене со старым, а всегда в некотором отдалении, повидимому, с полным хозяйственным обособлением. Этому должна была способствовать крайняя скученность старых построек, вследствие чего приходилось выбирать место для новых зданий на окраине деревни. Есть, однако, основание думать, что в древности, как это и теперь замечается даже в самых глухих районах Нагорного Карабаха, здесь не любили селиться вместе обширными, разросшимися семействами, охватывающими несколько поколений, и очень рано взрослые женатые сыновья или братья откалывались от основного очага в самостоятельную хозяйственную единицу и обзаводились своим отдельным домом. По крайней мере, все опросы относительно последних 3—4 поколений указывают на установившийся издавна обычай такого раннего выделения взрослых сыновей и братьев. При этом очень характерным является тот факт, что при переходе в новое помещение обособившаяся семья не имела обыкновения (как это делалось в других провинциях) брать с собою огонь из родительского очага для разведения первого огня у себя.

Карадам в основании всегда выдерживает строго квадратную форму, стороны которой обычно не превышают 12 арш. Стены возводи-

лись толщиною в $1^1/_2$ арш, причем лишь передняя выкладывалась более или менее тщательно, из обтесаных снаружи камней на извести, а остальные три, сидящие в земле, складывались из рваного камня довольно-таки небрежно, иногда прямо примыкая к скале. Внутри они покрывались штукатуркой из глины или гажей. Боковые стены, выдвигаясь вперед аршина на три, образуют здесь справа и слева окаймление навеса.

Карабахский „карадам". План. Разрезы. Плафон.

Внутри помещения в стенах оставляются ниши („патрhан"— պատրհան), начинающиеся чаще всего от пола или на высоте $1^1/_2$ арш. от него. Ниши эти служат открытыми шкафами для помещения посуды, платья, постели. Иногда для последней цели к некоторым карадамам пристраивается в земле маленькое четырехугольное темное

помещение, сообщающееся с главным через невысокую дверь, завешиваемую иногда цветною занавесью. Этот чулан носит характерное название „к'ыhол“ (քըհոլ), т. е. *пещеры,* выдолбленной прямо в скале и не обложенной стенами.

Самой характерной частью карадама является перекрытие основного квадрата. Потолок поддерживается четырьмя дубовыми столбами-колоннами — „сюн“ (սիւն), установленными на каменных четырехугольных постаментах по углам па расстоянии $1^1/_2$—$1^3/_4$—2 арш. от каждой стены. Они представляют довольно тщательно оструганные стволы деревьев в 8—9 вершк. в диаметре, водруженные в углублениях постаментов корневищем вверх, причем корневищу придается форма приплюснутой с двух боков воронки с ложбиной „пыро“ (պըռօ), наверху, для установки балок. Эти капители „сынаклох“ (սընակլօխ) *голова колонны* в большинстве случаев, но не всегда, грубо орнаментированы геометрическими линиями: нигде мне не попадались растительные орнаменты.

Во всех виденных мною карадамах, без исключения, бревна, образующие потолок, чередуются в одном и том-же порядке, освященном веками и никем не нарушаемом.

На верхних ложбинах—„пыро“, установленных приплюснутыми сторонами капителей параллельно к задней и передней стенам, кладется параллельно к боковым стенами по одному бревну „керан“ (կերան), на которых, опять от колонны к колонне, справа налево, укладывается уже по паре бревен „ч'охтак“ (ճոխտակ) *парные.* Таким образом, получается квадратная рама, параллельная к квадрату стен. На этих парных балках, отступя во внутрь около $1^1/_2$ арш. от нижних одиночных балок, перекидывается по одной балке „кераназпер“ (կերանախպեր) *брат керана,* а на них уже, опять на том-же расстоянии уже от „ч'охтаков“, кладется справа налево по паре бревен „лелак'“ (լելաք). Лелак'и вместе с керанахперами составляют второй квадрат, параллельный первому. Лелак'и служат подпоркой для двух деревянных дуг „кырап'ат“ (կըռափատ) или „hюрт'укыр“ (հիւրթուկըռ) *локти hюрт'а,* соединенные двумя перемычками „чарчыра“ (չարչռա): чарчыры вместе с кырап'атами образуют уже третий параллельный квадрат со сторонами около 1 аршина; это—рамка окна „hюрт'“ (հիւրթ) в потолке. Для того, чтобы кто либо из детей или случайно проходящих по крыше не провалился в это отверстие, середины сторон 3-го квадрата соединены тонкими, но крепкими брусьями из де-

рева (впоследствии они заменены железными), называемыми „хычап'ат" (*խըչափատ*) *крест-брусья.*

Весь этот скелет потолка плотно покрывается тесными рядами довольно толстых тесов, топором отколотых досок, — „тылакоч'и" (*տըլակոճեր*), которые затем постилаются камышом или соломой и засыпаются толстым слоем глины. Крыша снаружи получает форму очень широко-сидящего на квадрате усеченного конуса.

Под ч'ухтаками (двойными балками), от колонны к колонне, на высоте человеческого роста, протянуто по шесту, концы которого всажены в углубления, продолбленные в колоннах. Архитектурное значение этих шестов, называемых татарским словом „салб" (*սալբ*) или „сылбаг'ач'" (*սըլբաղաճ*), местные жители не могли определить (они не отмечены в разрезе АВ). Указывалось лишь их хозяйственное назначение — для вешания ковров, платья, веревок, хозяйственных предметов...

В помещение ведет лишь одна низкая дверь, оставляемая в передней стене, обыкновенно совершенно вплотную к правому углу. Через нее приходится входить несколько согнувшись. Снаружи дверной просвет отделан тщательнее других частей здания. Края идут с откосами, снабженными нередко ложными колоннами; верх перехвачен сводом, под которым вся перемычка заложена цельным камнем, украшенным надписью с упоминанием имени хозяина или строителя, а чаще всего орнаментированным. Так, в Гадруте на одном таком камне изображены две птицы (голуби?), клюющие цветок, который помещен посредине.

Сама дверь, всегда одностворчатая и толстая, открывается во внутрь, в сторону перегородки, идущей от края двери мимо [правой] передней колонны до середины комнаты. Эта перегородка „дрбызи" (*դըրբըզի*) — не выше человеческого роста — защищает от внешнего холодного воздуха и от первых взоров входящего в отделение, находящееся у внутренней стороны передней стены, где обыкновенно и отдыхают домашние: здесь в некоторых карадамах помещаются широкие и длинные нары — „тахта" (*թախթ*), покрытая ковром; чаще-же всего прямо пол покрывается цыновкой и ковром.

В середине карадама, под самым отверстием в потолке, устроено едва заметное углубление для разведения костра, окруженное несколькими тесаными камнями для сидения и др. надобностей. В Нагорном Карабахе нигде не встречается „к'юрси" (*քիւրսի*), неглубокий

„т'ондир“ (թոնդիր), - т. е. цилиндрическое углубление в земле, обложенное обожженой глиной, для печения хлеба и варки пищи, — который покрывается низким столиком и поверх большим одеялом и под которым вся семья спит зимою в тех районах „Армянского Нагорья“, где мало лесу. Склоны Карабахских гор были покрыты густым лесом, и население не нуждалось в дровах. Зимой день и ночь поддерживался в доме обильный огонь, вся семья и гости располагались тут-же возле костра. Иногда дым становился до того густым, что приходилось или выходить из помещения или ложиться на землю, пока он не выходил через открытую дверь или отверстие в крыше. Неудивительно, что вся глиняная штукатурка стен и потолок чернели от блестящей, маслянистой сажи. Отсюда и название „карадам“, т. е. *черный дом*.

Напротив двери, под задней стеной, выложена из камня стойка — „дюк'ан“ (դուքան), вышиной в $1^1/_4$ арш., занимающая около $^2/_3$ длины стены. На ней укладываются посуда, мешки с мукой [3] или солью, горшки с медом и вообще предметы, которые могут пострадать при поливке земляного пола. Спереди над стойкой оставлены 2 — 3 маленькие ниши, служащие для помещения разной мелочи и домашних припасов, а также заготовляемых на зиму солений, маринадов, сушений и т. п.

Карадам служит, собственно, зимним помещением. С ранней весны и до поздней осени вся семья живет более на открытых балконах — „сыhар“ (սըհար). Сыhар обрамлен передней стеной и выступами боковых стен карадама, а спереди открыт: тут 5 — 7 столбов „сют'юн“ (սիւթիւն) отделяют его от двора и поддерживают спереди крышу, составляющую продолжение крыши карадама и засыпанную также толстым слоем глины. Тут всегда в боковой стене, не прилегающей ко входной двери, в полунише устраивается камин—очаг [4] для изготовления летом пищи. Нередко вся половина, примыкающая к этому камину, вдоль столбов отгораживалась на высоте в $1^1/_2$ арш. досчатою или плетенною из прутьев перегородкой, чтоб избегнуть любопытных глаз соседей и проходящих. Здесь, на этом балконе и во дворе, часто

[3] Для зерна в одном из свободных углов карадама стоит большой высокий деревянный сундук на ножках—„амбар“ (ամբար).

[4] Нигде, ни в одном из посещенных мною карадамов, я внутри здания не встречал т'ондиря для выпечки хлеба; по свидетельству стариков, он всегда устраивается отдельно, под особым навесом, вне карадама.

служащем крышей для нижележащего карадама, сосредоточивалась вся семейная жизнь карабахского армянина в летнюю пору.

Общим правилом в Нагорном Карабахе является устройство совершенно обособленного от карадама помещения для домашнего скота, а также птицы, чего не находим в безлесных районах Армении, где зимою люди пользуются теплогой дыхания животных и селятся под одним кровом с ними. Это—„гёмы“ (*գեօմ*), значительно удлиненные, узкие и низкие постройки из камня, грубо крытые и засыпанные глиною; свет в них проникает только через дверь и еще через маленькое отверстие в стене, оставляемое для выкидывания навоза „ахпц'акор“ (*ախպցակոր*). В местностях, где почва достаточна суха (напр. в районе Арак'ела, около Гадрута, сел. Дзамцор), гёмы устраиваются в искусственных пещерах, иногда глубоко уходящих в скалу „к'ыһол“ (*քըհոլ*),—почти совсем лишенные вентиляции.

До установления русского владычества карадам был единственным типом крестьянского жилья. Впрочем, и „меликские“ дворцы—„амарат'ы“ (*ամարաթ*)—мало чем отличались от них. По всей вероятности, переход от деревянного потолка к каменному в этих постройках феодалов совершился сравнительно поздно; по крайней мере, в области Варанды и Дизака очень древних амарат'ов мы не встречаем. Тут, напр., в родовом имении Мелик-Шахназарянов в сел. Аветаранoц (или Чанахчи) самые древние „дворцы“ относятся к XVII в.: они принадлежат мелику Баги. Сохранились только два карадама и ясно видны следы еще трех из общего числа, по преданию, тридцати, тянувшихся в ряд в направлении с юга на север. В северном конце этого ряда стоит еще группа из трех карадамов мелика Сеира, жившего позже мелика Баги. Этот ряд покоев задней (западной) стеной вкопался в крутой скат скалы, а передней (восточной) выходит на обширный двор, устланный тесаными плитами; по крыше свободно можно гулять, спустившись с дороги, тянущейся выше по склону той-же скалы. Фасад выведен из серого, гладко обтесаного камня. Все сохранившиеся меликские карадамы повторяют правильную форму квадрата и сообщаются друг с другом низкими дверьми. Каждый карадам имеет такую-же низкую выходную дверь во двор [5]. Внутри, в стенах,—обычные ниши, из которых одна широкой трубой выходит в крышу: видимо, огонь разводился здесь как-бы в камине, а не посреди

[5] Камень от двери главного карадама мелика Баги снят и вделан в стену нового школьного здания и заштукатурен.

комнаты; потолок представляет крестовый свод, поднимающийся на квадрате стен и заканчивающийся наверху отверстием (hюрт'): никаких колонн ни в Аветараноце, ни в др. местах (напр. в сел. Нынги) в каменных карадамах нет. Свод выведен из неправильных, сравнительно небольших рваных камней, спаенных крепким известковым раствором. Снаружи крыша была покрыта желобчатою черепицей, остатки которой теперь ясно видны лишь у самого оконного отверстия.

Был-ли и меликский карадам снабжен со двора навесом, трудно судить: прямых следов не сохранилось. Если он и существовал, то, по всей вероятности, возведен был из дерева и притом не перед всеми карадамами. Только в одной местности, у самого подножья Карабахского Нагорья, в с. Шахбулаг'е, в том месте, где из-под скалы выбивает обильный родник, целая речка, и начинает затем течь по равнине, мне пришлось встретить красивый каменный карадам с каменной-же галлереей впереди: галлерея тут образуется двумя колоннами, соединенными между собой и с выступами боковых стен маленькими арками.

Карадамы в Нагорном Карабахе давно уже перестали строиться: мужчины, уходящие на заработки в Баку, Ленкорань, Грозный и в Закаспийскую область, возвращаются с новыми привычками, которым уже не отвечают дымные, зимою плохо отопляемые, темные и сырые подземные жилища предков. Обилие стекла, жести и др. строительных материалов давало возможность уже оставлять оконные просветы не в крышах, а в стенах, тем более, что умение выкладывать каменные печи или возможность ставить железные печи разрешало проблему отопления, не прибегая к открытому очагу посреди комнаты или в широких нишах-каминах. Дома нового городского типа выросли победоносно во всех селениях, вытеснив карадамы. При всем разнообразии в планах этих новых построек, кое-какие особенности карадама все-же в них повторяются. Это, обыкновенно, двухэтажные здания флигельного типа с двухэтажным-же балконом с одной стороны. Нижний этаж и теперь обыкновенно сидит задней стеной в земле склона горы, боковые стены в обоих этажах и теперь обыкновенно выдвигаются вперед, образуя края балконов, причем и теперь как в том, так и в другом этажах в них оставляются ниши—очаги для приготовления пищи. Нижний этаж отводится под склад домашних запасов, в крайне редких случаях для помещения лошади или коровы. Обычно и теперь помещение для скота устраивается от-

дельно. Верхний этаж предназначается для жилья и приема гостей и до последнего времени представлял одну обширную комнату, без нар (тахт) и др. мебели; постели на ночь раскладывались на коврах на полу, а днем собирались в углу, по старому обычаю, в четырехугольные башенки. Однако, и теперь летом все предпочитают спасаться от зноя в нижнем этаже, тем более, что балкон в верхнем этаже часто остекляется и потому днем до крайности наколяется (считается особым шиком иметь стеклянную галлерею; впрочем, тут сказывается все еще не исчезающая старая привычка скрываться от любопытных взоров соседей и проходящих): внизу и прохладнее, и приятнее спать прямо на земле, на разостланных коврах, по-старинному.

Окна в настоящее время проделываются в боковых стенах, обыкновенно в сторону балкона. Население очень боязливо переходит к этому новшеству: окна везде снабжаются железными решетками, нередко с очень оригинальными узорами. Этот страх перед боковыми окнами характерно отмечается в пристройках меликов Шахназарян. После установления русского владычества, как известно, меликские мальчики получали воспитание на казенный счет в кадетских корпусах и других военных училищах и затем поступали в офицеры. Уже полковниками или генералами они возвращались на покой, в свое родовое имение, в Аветараноц, и здесь, конечно, не могли жить в карадамах и возводили для себя новые помещения. Такие, очень ранние „генеральские“ покои сохранились у амарат'ов мелика Сеира. Тут по одной комнате прямо пристроено спереди к первому и третьему карадаму (из ряда в три карадама); они перекрыты продольным сводом во всю длину комнаты; большая часть земляного пола на шесть вершков приподнята: здесь работал и спал „генерал“. Окна оставлены в боковых стенах очень высоко и смотрят во двор своими узенькими отверстиями, широко раздвигающимися во внутрь: снаружи окна имеют $1^1/_4$ арш. вышины и едва 6—7 вершк. ширины, а внутри более сажени вышины и $1^1/_2$ арш. ширины [6].

От конусообразных крыш карадамов в Н. Карабахе новые постройки перешли не к плоским, глинобитным крышам (как на Эриванской, Ширакской или Эрзерумской сухих равнинах), а к крышам покатым, крытым жестью и кое-где только черепицею: сравнительное обилие атмосферных осадков имело в этом случае решающее значение.

---

[6] Отопление этих „генеральских“ покоев производилось при помощи изящного камина в персидском стиле.

Заканчивая описание карабахского карадама и его пережитков в новых постройках, я воздерживаюсь пока от сравнения его с крестьянскими домами других частей „Армянского Нагорья“, где, по имеющимся данным, не встречается *свободно* стоящих внутренних колонн и потолочное перекрытие производится постоянно съуживающимися квадратами, идущими не параллельно к квадрату стен, а пересекая углы друг друга, иногда давая в результате восьмиугольники: здесь колонны устанавливаются по паре у самых стен, на ровном расстоянии от углов, служа подпоркой для пересекающих углы бревен. Для подобных сопоставлений необходимо иметь под рукою подробные и провеоенные материалы по крестьянской архитектуре областей Эрзерума, Эрзинджана, Харп’ут’а, Муша, Хныса, Вана, Эривани, Лори, Казаха и др. местностей. Однако, изучение уже одного карабахского карадама дает полное основание ставить в непосредственную связь с его планом план жаматунов, хотя-бы тех из них, тип которых повторяется в монастырях Г’ошаванк’а (церковь Иоанна), Кечариса-Дарачичага, Санаина и др. [7]. Пристройки эти возникли очень поздно, в XI в., на армянской почве и, служа в большинстве случаев родовыми усыпальницами и не имея ничего общего с храмовыми пристройками соседних христианских стран, придерживаются традиций не церковных зданий, а скорее частных жилищ. Ближайшее определение этой связи плана карадама с жаматуном, как и выяснение вопроса о технике возведения купола ставут возможными лишь после сводки всего материала, касающегося конструкции крестьянских домов в других районах Армении.

Ст Лисициан.

Эривань, 1925 г.

---

[7] См. *Т’. Т’ораманян, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ,*— „*Ազգագրական Հանդէս*“, кв. XXI (1912), стр. 5—33; *I. Strzygowski,* Baukunst der Armenier und Europa, Wien 1918, S. 236, 820 и. a.

О необходимости сравнительного изучения крестьянских жилищ Армении и Грузии.

Вопрос о необходимости и важности изучения „армянских [старых] крестьянских жилищ“, лучшие образцы которых представлены, между прочим, в карабахском „карадаме“ и описанию которых посвящена статья С. Д. Лисициана,—в высшей степени интересный и, к тому-же, своевременно выдвинутый.

Однако, изучение крестьянских жилищ в пределах т. н. „Армянского Нагорья“, на территории расселения армян раньше и теперь, вне связи этих жилищ с аналогичными постройками в соседней Грузии, являлось-бы крайне ограниченным в деле должного доследования наличных материалов.

В виду этого, нам-бы и хотелось обратить внимание будущих исследователей на эту сторону вопроса, наметив необходимость изучения армянских крестьянских жилищ в связи с т. н. „дарбазами“ в Грузии, которые особенно были распространены в Тифлисе до XIX века, вызывая восторг иностранцев-путешественников (*Л. Меликсет-Беков,* Старый Тифлис по описаниям А. Негри и М. Медичи,—Ars 1918 № 2—3, стр. 107), и перевелись только лишь недавно, в начале XX века, т. е. почти на наших глазах, и которые ныне во множестве представлены в ближайших окрестностях Тифлиса и вообще в В. Грузии.

Особенно интересен „дарбаз“ в сел. Диг'ом-и, которому посвящена небольшая публикация (Крестьянский дарбаз в Дигоми, обмерил и исполнил архитектор *Н. П. Северов* [с предисловием на груз. яз. проф. *Г. Чубинашвили*], изд. Академии Художеств Грузии, Тфл. 1922; часть рисунков и чертежей перепечатана в тифл. журнале „Пламя“ 1924 г. № 5, стр. 14—15, где приведен и русский перевод указанного предисловия Чубинашвили). Кроме того, „дарбазы“ имеются во Мцхете (в двух экземплярах, из коих один, принадлежащий Мревлишвили, пожертвован Тифл. Гос. университету и, по-

сле переноса в Тифлис, имеет быть установлен при ун-тете), в Ц'илкан-и (в нескольких экземплярах, которые осмотрены экспедицией КИАИ летом 1924 г., о чем и сделан соответствующий доклад в Собрании ученых членов последнего 5/VIII того-же года), а равно выше их—по Арагве и вообще в Душетском уезде. Прекрасные экземпляры „дарбазов" наличны и в старой части гор. Ахалциха (рабате), а также в некоторых селениях Ахалцихского уезда. Наконец, в известной мере, повидимому, уникален был „дарбаз" бывшего дворца кн. Мачабел-и в сел. Т'амарашен-и под гор. Цхинвалом, столицей Юго-Ос[ет']ии, остатки каковего „дарбаза". в виде нескольких деревянных столбов с замечательною, весьма богатою и разнообразною, резьбою, попавшие на лесопильный завод в Цхинвале „на распилку", по настоянию нашему (в бытность нашу там в июле 1925 г.), изъяты из завода и переданы в фонд местного музея.

Само собой разумеется, кроме только что перечисленных „дарбазов", в пределах В. Грузии имеется много еще других, за точную регистрацию которых мы и рекомендовали-бы взяться заинтересованным лицам, прежде чем ставить и разрешать вопросы общего архитектурного значения.

Л. М.-Б.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE

ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Грамота царицы Тамары Великой на имя Гелат от 1193 г. *

Печатаемая ниже жалованная грамота царицы Тамары на имя Гелатского монастыря, по существу уже известная в литературе, представляет один из интересных памятников грузинской дипломатики, случайно спасенный в Пятигорске в 1923 г., после гибели вывезенного во время мировой войны, в порядке эвакуации, архива кутаисского губернского управления земледелия и государственных имуществ [1]. О ней упоминал Д. Пурцеладзе (Грузинские церковные гуджари (грамоты), Тфл. 1881, стр. 131, с ошибочной датой 1186 г.); текст напечатан у Ф. Жордания (ქრონიკები, II, Тфл. 1897, стр. 72—75, с так-же неправильной датой 1189 г.).

Следует, впрочем, оговорить, что в Центрархиве Грузии, куда были доставлены, вместе с остатками реэвакуированных с Кавказа архивных фондов, также и уцелевшие древне-грузинские акты, в настоящее время имеется лишь часть (приблизительно первая половина) текста названной грамоты. Вторая половина грамоты безнадежно утеряна. Но у меня на-руках имеется проверенный в 1909 г., во время

* Представлено на Собрании ученых членов КИАИ 4/V, 1925 г.

[1] Названный архив, где помещались акты монастырей З. Грузии, был вывезен в начале 1915 г. в Георгиевск. В сентябре 1922 г. архив этот погиб вместе с значительной частью древне-грузинских монастырских актов; всего погибло около 200 таких документов, в числе них все пергаментные, кроме печатающейся здесь грамоты царицы Тамары. Остальное количество монастырских актов З. Грузии (около 400) было доставлено тогда-же из Георгиевска в Пятигорск стараниями тогдашнего зав. терским архбюро В. Апухтина и в 1923 г. мной, как уполномоченным по реэвакуации архивных фондов Грузии из С. Кавказа, привезены в Тифлис.

Следует, вместе с тем, отметить, что таковые-же монастырские акты В. Грузии, в количестве около 1600, вывезенные в начале 1915 г. в порядке эвакуации, вместе с архивом тифл. губ. управл. землед. и госуд. имуществ, погибли полностью (за исключением 5 штук, случайно спасенных) в феврале 1920 г. во время гражданской войны (о судьбе эвакуированных из Грузии во время мировой войны архивных фондов вкратце см. отчет *С. Какабадзе*,—„საისტორიო მოამბე“, 1924 г., кн. I, стр. 272—281).

работ над соответствующими актами в архиве названного кут. губ. упр. зёмлед. и госуд. имуществ, список полного текста означенной грамоты, что отчасти позволяет восполнить пробел.

Грамота представляет из себя дарственную запись ц. Тамары Великой, данную на имя Гелатского монастыря, причем датировка грамоты может вызвать некоторые разногласия. По принятой в XI—XIII в.в. в грузинских царских канцеляриях практике, грамота датирована годом царствования Тамары [2]. У Ф. Жордания индиктион царствования в дефектном, с трудом восстанавливаемом месте грамоты читается *пятый*, но при внимательном просмотре оригинала грамоты почти безошибочно можно утверждать, что здесь следует читать *десятый*. Известно, что Георгий III, отец ц. Тамары, скончался в апреле 1184 г. Следовательно, печатаемая ниже грамота ц. Тамары должна быть отнесена к 1193 г. IV—1194 г. IV.

Грамота, представляющаяся весьма интересной в палеографическом отношении своей не легко читаемой вязью гражданского письма, является, по построению и по стилю, типичной для грузинской царской канцелярии XII—XIII в.в., насколько это можно судить по дошедшим до нас, к сожалению, лишь единичным документам аналогичного характера. Титулатура царя, построение текста самой дарственной записи, равно как заключительная часть данной грамоты являются характерными и для др. документов царских канцелярий XII—XIII в.в. и, отчасти, даже последующей эпохи.

К переводу текста следует сделать некоторые оговорки. В груз. тексте Тамара титулуется „меп'е да делоп'ал-и“ (მეფე და დედოფალი). „Меп'е“ (მეფე), собственно, значит *правящий царь*, а также, в виду отсутствия в груз. яз. родовых различий, *правящая царица*. Этим и объясняется, что как Тамара, так и дочь ее Русудана (правившая груз. царством в 1223—1245 г.г.) титуловались, подобно всем др. груз. царям, „меп'е“ (მეფე). Ошибочно было-бы, поэтому, в данном случае „меп'е“ (მეფე) переводить словом *царь*, как это

[2] Подобная практика датировки царских грамот существовала в Грузии до начала XIII-го века. Грамота царя Давида, сына Русуданы, 1291—1292 г., а также царя Давида Димитриевича 1296 г. III—1297 г. III, датированы годом (индиктионом) их царствования (საისტ. მოამბე, 1925 г. I, 237—239; 1924 г. II, 141—143). Так-же датируется грамота царя Георгия в первой половине XIV-го века, предположительно 1338 г. (საქართვ. სიძვ. II, 8—9), но грамоты грузинских-же царей 1339 г. (предположительно царя Давида Георгиевича) и царя Андроника 1348 г. (საქართვ. სიძვ. II, 9—12) имеют уже дату по грузинскому хроникону.

обычно принято было в литературе. Но, вместе с тем, в грамоте Тамара, как женщина, титулуется также и „дедоп'ал-и“ (დედოფალი) *царица*. В переводе эти два слова переданы — *царствующая* (т. е. правящая) *царица*. В титулатуре-же слово „ширваншах“ *шах Ширвана* оставлено без перевода. Данный титул, указывающий на установление в XII веке суверенитета Грузии над Ширваном, как известно, удерживался груз. царями в качестве мертвой формулы и в последующую эпоху (а западно-грузинскими Багратидами — вплоть до XVI в. вкл.), когда Грузия не имела над Ширваном никакой уже власти и даже влияния; „*шахиншах*“ (собств. „шаhанша“)-же есть простое воспроизведение перс. شاهنشاه — *царь царей*. В заключительной части грамоты оставлены без перевода термины „от'хмисдур-и“ и „абрамад-и“. Термин „от'хмисдур-и“, упоминаемый также в грамоте ц. Георгия Лаши, сына ц. Тамары, данной в 1212 г. (в 6-й год царствования) на имя Гелатского-же монастыря [3], еще не расшифрован как с точки зрения этимологии слова, так и реального его содержания. Также неизвестно значение термина „абрамад-и“, хотя царевич Вахушт идентифицирует его с должностью „сахлт'хуцеса“ (управителя делами царского или феодального дома) последующих времен [4]. *Аджамет'ский абрамад* грамоты, очевидно, — местное административное лицо с небольшими функциями. Таким-же административным лицом следует подразумевать „от'хмисдур и“, вслед за которым в грамоте названы *нацвалы* и аджамет'ские *абрамады*. „Нацвал“ (соб. *заместитель*) в последующую эпоху (напр. в XVII — XVIII в.в.) называлась в Грузии должность с полицейскими функциями (в роде завед. полицейской частью в городах).

Грамота в 1909 г., когда я ее видел в архиве кут. губ. управл. землед. и госуд. имуществ, состояла из 4-х разрозненных пергаментных частей уже в сильно потрепанном состоянии, мерой, в общем, 339 × 29 см. В настоящее время имеется налицо первая часть почти

---

[3] *Ф. Жордания*, ქრონიკები, II, 50, где грамота датирована 1078 годом и отнесена к Георгию II-му. На самом-же деле, грамота должна была быть дана при ц. Георгии Лаше в 6-й год его царствования, т. е., - принимая во внимание, что дата смерти ц. Тамары, по последним данным, устанавливается 18/I, 1207 г, — в 1212 году. Основанием к такому перемещению датировки означенной грамоты является упоминание в грамоте царского секретаря Микеля Катарацаис-дзе, бывшего секретарем именно при Георгии Лаше (см. грамоту Георгия Лаши на имя Шиомг'вимского мон., *С. Какабадзе*, შიომღვიმის სამი სიგელი, Тфл. 1912, стр. 11—12).

[4] საქართველოს გეოგრაფია, изд. *М. Джанашвили*, Тфл. 1904, стр. 10.

целиком (160×29 см.), вторая — лишь частично (49×29 см.). третья и четвертая части утеряны.

Обращает на себя внимание в скрепе, принадлежавшей, повидимому, Давиду, второму мужу ц. Тамары, титулование его *эрист'авом и царем* (стр. 119). Данный отрывок теперь утерян. У **Жордания** также читалось *эрист'ав* (ე̃ვი), но не было слова *царь* (მეფე); в 1909 г., когда я видел грамоту, в названном месте можно было вычитать, после лакуны в две буквы, - · ფე, что позволяло восстановить чтение მეფე. Соединение титулов эрист'ава (правителя области) и царя, если-бы даже второй применялся в смысле *супруг* (а не *правящий*) *царь*, все-таки представляется, при отсутствии других материалов, непонятным.

Приводится текст грамоты.

ქ: სახელითა: ღ̃თა: მე: თა-
მარ ბაგრატუნიან[მან: ნ]ებითა:
ღ̃თა: აფხაზთა: ქართ|ველთა:
რანთა: კახთა: და სომეხთა: მე-
ფემან: და დედოფ[ალ]|მან: შარ-
ვანშა: და შაჰანშა: და ყოვ-
ლისა: აღმოსავლეთისა: და და-
სა|ვლეთისა: თჳთ: მფლობელ-
მან: ვინებე: რათამცა: წარსამარ-
თებ[ელად]| მეფობის: ჩემისად:
და: კუ̃[ლ განსამკჳდრებლ]ად:
5 მომავალისა: ჩე|მისა: სინათლისა:
იესოის: ქ̃ეს: წ̃ე:[წარდ]გომისა:
ჟამსა:|სალხინებელად: სულ[ისა]
ჩემგან: მცირი: ქველის: სა|ქმე:
ჩენილიყო: ღ̃ვ: გჳრგჳნოსან-
თა: მეფეთა: პაპათა: ჩემთაგა|ნ
სრულ ქნილსა: ყ ვლითურთ:
შემკობილსა: საყოფელსა: დედა-
სა| ღ̃სსა: სამკჳდრებელსა: დიდ-
სა: მონასტერსა: გელათს შინა:
10 რ̃ლი აღე̃შენა| სალოცველად სუ-
ლისა მათისად: და წარსამართე-
ბელად:შ̃დ: მათსა: მომავალთა:

Именем бога я, Тамара Багратуниан, волею бога царствующая царица абхазов, грузин, ранов, кахов и армян, ширваншах и шахиншах, самодержица всего востока и запада, соблаговолила, чтобы, — для преуспеяния моего царствования, для укрепления моей будущности в день представления перед светом Иисуса Христа, а (также) для облегчения моей души, — было-бы засвидетельствовано малое благотворение. В великом монастыре Гелат, местопребывании богоматери, боговенчанными царями, моими предками, вполне законченном и во всех отношениях украшенном, построенном для молитвословия за их души и для преуспеяния восседающих после них на их престоле царей, ни одно монастырское дело не оставалось недостающим и

ტახტსა: მათსა ზედა მსხდომთა მეფეთა და: არ იყო დაკლებული: და გაუგებელი: მის მონას|ტრისა: საქმე: ამისგან კიდე: რ̃ლი: აღშენებისავე: მის მონასტრისასა ზედა' თორმეტი მწირი იყო დაწესებული: სპონდიოსა გარეთ| და არ იყო საზრდელ მათდა: თუინიერ: რომელ: თუ ვინ: გარეთმან: გარდაიკადოს: აღაპი: მაშინ შეუშუნიან: ტრაპეზს: და სხუებრ: არ ჰქუნდა ტრაპეზისაგან: და ყ̃ვლითურთ: უღონონი: გარეთ: უცხოისა: საზრდელისა მიმლოდენი: იჭირვოდეს: ესე ეწყინა: მეფო|ბასა ჩუენსა: რითგან განწესებულად ჩნდეს: სახუცისა: კელთშემხედ'ვარობაი: ამისთუის შევსწირე: და მოვაკსენე: ღედასა: ღ̃სსა: და მონ: შინა: დაუსრულებელად: განჩენილსა ტრაპეზსა: არგუი|თს: ჭორვილაი: კავაის ძისა ტოლყოლი: ჰქუნდეს| ტრაპეზსა: მიუკ̃ნ: და დასხდებუდიან: ყ̃დვე: დაუცადებლად:|იგი: მწირნი: თორმეტნივე: ტრაპეზს: ვითა: მას მონასტერსა შინა| მყოფნი: ძმანი: დასხდებიან: ეგრევე: იგი: თორმეტი: მწი|რი დასხდებოდეს: და ჰქუნდეს ტრაპეზით: პური: და ულოცვიდენ| მეფობას: ჩემსა სოფელსა: ამას შინა: წარმართებისათუის: და სი|გრძოისათუის დღეთასა: და მერმესა: მას საუკუნესა: შესანდობელად| ჩემდა: ჰქუნდეს არგუითს: ჭორვილაი: კავაისძის ტოლყოლი:| წ̃დასა ღ̃სმშობელ-

без (должного) распорядка, кроме одного, (а именно) при постройке того монастыря было установлено (пребывание) двенадцати послушников вне трапезной (соб.: места возлияния) и не было для них пропитания кроме (тех случаев), когда кто посторонний справлял агапий. Тогда (только их) пускали в трапезную, а иначе (они ничего) не имели из трапезной и, таким образом, совершенно беспомощные, (в) ожидании пропитания от чужих, (они) страдали. Это было неприятно нашему величеству (соб.: царствованию), почему должно было казаться установленным, чтобы кандидаты в священники смотрели в глаза (соб.: в руки) другим. Поэтому я пожертвовала и преподнесла богоматери (гелатской) и там на вечные времена установленной трапезной в Аргвет'е Ч'орвил-и, имение Каваисдзе. Пусть (это имение) будет навеки у трапезной и да будут без всяких дожиданий сидеть те двенадцать послушников в трапезной. Как (другие), находящиеся в том монастыре братья восседают, так и те двенадцать послушников пусть сядут (там), пусть будут иметь хлеб из трапезной и будут молиться за наше величество (соб.: царствование), для преуспеяния и продления (наших) дней на

სა ხახულისასა: და მუნ მინა განჩენი|ლსა: ტრაპეზსა: მთითა: ბა რითა: ტყითა: ველითა: წყლითა წისქუი|ლითა: და ყ̃ლითა: სამართლიანითა: ზღვრითა: და მიმდგომითა| მისითა: საკმრითა: და უკმრითა: მკჳდრად: თავისუფლად: და შეუვალად.| ყ̃ლისა: შესავლისა: და გამოსავლისაგან: ვითა: თუით: სხუანი| საქუნელნი: მის მონასტრისანი: აზადნი და შეუვალნი არიან: და არავინ გბ̃ბია: მშლელი: და მქცეველი: ბ̃ბლისა. ამის ჩუენისაი: არცა მეუნებლე:| მავნებელი: და დამაკლებელი მისი: და თუ ვინმე იკადროს: ამას ჩემსა| გაგებ̃ულსა: შეცვალებად: გინა თუ კელმწიფემან: ანუ რამან|ცა გუარმან კაცმან: რისაცა მიზეზისა: შემოლებითა: გამცაურისხ|დების: მამაი: ძე და სოლი: წ̃დაი: შემცაედების: ძრწოლაი კაენისი: შიშთვილი: იუდაისი: დანთქმაი: დათან და აბირონისი: და| კრულმცა არს: სიტყუითა: ღ̃საითა: მკუდარი და ცოცხალი გაუ|კსნელად: და ნუმცარაი წარემართების: მისთუის საუმჯობესოდ ქნილი: აწ ვინცა: ჰნახოთ ბ̃ბაი: და სიგელი ესე ჩემი:|შე̃დითი შ̃დ: მომავალთა მეფეთა: ე̃ე̃ვთა: ე̃ვთა: აზნაურთა: ოთხმისდურთა: ნაცვალთა: აჯამეთი|ს აბრამადთა: ტყისმცველთ: უხ̃თა: გოგნისასა ციხი[სა| ც]იხისთავთა: კელისუფალთა; გზირთა: და ყ̃ვლთა. საქმი[ს|მოქმედ]თა: ჩუენთა: დიდთა მცი-

этом свете и для упокоения моей души на том свете. Пусть будет иметь святая хахульская богоматерь и установленная там трапезная в Аргвет’е имение Ч’орвил-и Каваисдзе-ва с горой и равниной, лесом, полями, водой, мельницей и со всеми (своими) справедливыми границами и причитающимися ему (землями), годными и негодными, нерушимым (соб.: наследственным), невхожим и свободным от поборов (соб.: вхождения туда) и взыскания доходов, подобно тому, как и другие имения сего монастыря состоят свободными и невхожими. И никому не позволяем быть нарушителем и изменяющим данное наше приказание, равно как непризнающим (его), вредящим (ему) и уменьшающим его. А если кто позволит себе изменить сие, установленное мною, будь он государь или какого-бы ни было ранга человек, по какой-бы то ни было причине, пусть на него разгневается (бог) отец, (бог) сын и святой дух, пусть его охватит страх Каина, удавление Иуды, поглощение Дафана и Авирона, пусть он будет проклят мертвым и живым без прощения (грехов) и пусть не найдет для него преуспеяния наилучше (им) сделанное. Кто отныне увидит сие мое приказание

Факсимиле части грамоты: строки 34—40 (см. стр. 116).

რეთა. დაამტკიცეთ: და ნოვინ [უშალოკთ] ბ˜ბასა: ამას: ჩუენსა: ნოცრასლავინ დააკლებთ: ნო დიდსა: [ნუ მცირ]ესა: თუინიერ შეწევნისა და თანადგომისა: და თქუენ წ˜და: [მეუფე]ნო: კზნო: და წ˜დანო მღდელთ მოძღუ[არ]ნო უჯუარობი[თა დაუმტკიცეთ: დაი]წერა: ბ˜ბაი: და სიგუ[ლი ესე] ჩემი ინ[დიკტიონსა მეფ]ობისა ჩემისასა მეა[თესა კელი]თა საწოლისა და საჭურჭლისა ჩუენისა შწიგნობრი.ა [არ]სენ სამძივარისა[ითა]

и сигель, последующие в будущем цари, эрист'авы эрист'авов, эрист'авы, азнауры, от'хмисдуры, нацвалы, аджамет'ские абрамады, лесничие, коменданты крепости Гогн-и, служилые люди, рассыльные и все наши деловые люди, великие и малые, утвердите (сие) и никто не нарушайте сего нашего приказа, не уменьшайте (от сего приказа), ни большого ни малого, кроме как (окажите) помощь и содействие. И вы, святые владыки католикосы и святые архипастыри, утвердите (сие) без креста. Написано это приказание и сигель в индиктион царствования на-

шего десятый, рукой спального и казначейского нашего секретаря Арсения Самдзивар-и.

За основным текстом шла приписка рукой того-же секретаря Арсения Самдзивар-и, которая помещалась на новом листе пергамента, пришитом к начальным трем листам. Приписка эта в настоящее время уже утеряна.

[გამო]სავლისაგ[ან] და სამონასტროსაგან: კიდე: და არავ[ის] რაი: საქმე: უც: მათთანა: და არცა: ვისი: კელი: შევიდო[დეს] არაის: გუარის: კაცისაი: არა: [ჩუენი] არარა: ჩუენთა: სასეფო: სხუისთვისა:

[Освобождено] от поборов и монастырских повинностей и никому нет дела до него и ничья власть не входит туда, кто-бы он ни был, ни наша (власть), ни наших служителей.

Затем шла утвердительная запись царицы Тамары, исполненная прекрасной, весьма трудно читаемой вязью. От этой записи теперь имеется лишь конец со слов შეცვალენ შენ...

ქ: ესე: ჩემთა სადიდებ- - - -ნ სასოებით და გულსმოდგინედ ჩემისა საქმისა გაჩე[ნილი] ჩემითა კელითა ცოდვი[ლითა დამიმტკ]იცებია ვინც და რამანცა გუარმან კაცმან ღირს - - - - - შეცვალენ შენ ყოულად წ̃დაო: ღ̃თის მშობელო - - - და ჩემთა ცოდვათა და ბრალთა - - - - იგი დღესა განკი[თხ]ვისასა და სიტყუაი იგი მას ზედამცა აღესრულების სისხლი მაგისი ჩუენზედა და შვილთა ჩემთა ზედა - - -

Сие, для моего прославления (установленное), с благоговением и усердием (данное) решение моего дела своей грешной рукой утверждаю. Кто и какого происхождения человек (сие изменит), смени его (с праведного пути) ты, пресвятая богородица, и за мои грехи и вину в день суда (пусть он ответит) и пусть по отношению к нему сбудутся слова: „кровь его на нас и на детях наших“.

На новом листе пергамента, пришитом к предыдущему листу, помещалась нижеследующая запись, повидимому, принадлежавшая царю Давиду, второму супругу царицы Тамары.

[ქ. სახელ]ითა ღ̃თისათა და [მეოხებითა ყ̃დ წმიდისა ხახულისა ღვთისმშობლისათა მას ჟამსა

Именем бога и посредничеством пресвятой хахульской богоматери, в то время, когда я

ოდე[ა] [ს]კიპტრა შარავან მეფობისათა [მ]ფლობ ვიქმენ, ამისთუის ვითნე კ------ძღუნვილი სამადლოთა და ტაძარსა შენ წ[მიდასა] დიდებასა განსაკურ---და ----დროსა განვაჩინენ გლახაკნი----და მოწაფეთა შენთა----ჩემთუის ოხათა მირთუმელობდენ შენდა მოწყალებისა მნებისა და მდუილ----ნათელ მყუისა ძისა მი---ოხითა შენდა გექმნეთ---სა გარნა გუნებადცა მუ----ჩემგან განგებისასა შერისხვითა მოეკადენ----ნესტორ და ორიგინესი.

сделался держателем скипетра и царской короны, пожелал сделать благодарственное подношение храму твоему... установил относительно бедных... и твоих учеников....

ქ. ამას თამარის ბრძანებასა მე ნებითა ღ̃თ[ა] ე̃ვი დავით [მე]ფე ვამოწმებ და ვამტკიცებ.

Сие приказание Тамары волею божьею я, эрист'ав Давид, царь, свидетельствую и утверждаю.

Другим почерком (знаки препинания не сохраняются, текст теперь утерян):

ქ. ესე ვითა ღთივ გუირგუინოსანსა მეფეთა მეფესა და დედუფალთა დედუფალსა თამარს დიდისა მონასტრისა მათისა შენ გელათს მეფობისა მათისა წარსამართებელად და სულიერად საკხოვნებისა თუის ჭორვილაი შეუწირავს მუნ შინა მყოფთა მწირთა საზრდელად და სიგელი ესე დაუწერია და საუფლოითა კელითა მათითა დაუმტკიცებია, მტკიცე ყავნ ღ̃ნ ბ̃ბა მათი, მეცა გლახაკი ქ̃ს მ̃რ ქ̃ზი თ̃ე მოწამე და დამამტკიცებელი ვარ.

Сие как богом венчанная царица цариц [5] Тамара тебе, Гелату, великому их (царицы) монастырю для преуспеяния своего царствования и духовного своего спасения пожертвовала Ч'орвил-и для прокормления находящихся там (в монастыре) послушников, написала сию грамоту и царской своей рукой скрепила—да утвердит бог ее приказание—и я, убогий во Христе, католикос Феодор являюсь свидетелем и утверждающим

[5] Груз. მეფეთა მეფე და დედოფალთა დედოფალი следовало-бы перевести: „царь царей и царица цариц“.

ვინ და რამანცა გუარმან კაცმან რაისაც ჟამსა, რაისაც მიზეზის მოღებითა კელ ყოს შლად და ქცევად ამას ბ῀ასა და გაგებულსა, კრულმცა არს პ῀ლად დაუსაბამოისა ღ῀თისა პირითა ათორმეტ-თა მოციქულთა ჯუარითა შვიდთა კრებათა მადლითა ხუთთა პატრიაქთა ჯუარითა კათოლიკე ეკლესიისადგენ 'შენ ღვთივ აღმართებულის სუეტისა ცხოველის მადლითა ყოველთა პატრიარქთა ჯუარითა და მღდელთმოძღუართათა და ჩემ გლახაკისაცა ჯუარითა. ვინ მტკიცედა ყოს აკურთხენ ღ῀ნ და წ῀ნ დედაქალაქმან.

(сию грамоту). Кто какого-бы рода он ни был, в какое-бы ни было время, по какой-бы ни было причине начнет уничтожать сие приказание и установленное (в этой грамоте), да будет проклят прежде всего устами безначального бога, крестом двенадцати апостолов, благодатью семи соборов, крестом пяти патриархов кафолической церкви, благодатью твоей, богом воздвигнутый животворящий столп, крестом всех патриархов и архипастырей, а также крестом и меня, убогого. Кто утвердит, да благословит его бог и святой престольный город (Мцхет).

Последняя приписка, другим почерком, читалась так:

ქ. ესე ვით სიკეთესა და სისრულესა ყ῀ლისა შარავენდობისა და მეფობისა და შუენიერებისა და სიმტკიცესა ქრისტიანობისასა და ყ῀ლისა დედოფლობისასა--- ჩ῀ნ ჩ῀ნთუის კორც შესხმულისა ქ῀ტს ღ῀ისა ბ῀ბით--- რომელი ერთსა მცირეთაგანსა იგი მე მყავთ ამისთვის ათორმეტთა--- ამით სიგელ·--

Сие как (утверждено) добротой, (а также) воплощением всего (блеска) царской короны, царствования и красоты, оплотом христианства и всякого царицы-царствования.... волею (соб.: приказом) ради нас воплощенного бога Христа....

С. Какабадзе.

Тифлис, 1925.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

О раскопках в Карсе и новооткрытой армянской надписи IX века *.

2/XI, 1917 г. на имя ныне несуществующего Армянского Историко-Археологического О-ва в Тифлисе из Карса прислана была телеграмма следующего содержания: „Во время рытия канавы нашли надгробную плиту [с] надписью. Дочь Аминерсе (sic. *С. Т.-А.*), супруга Абасса армянского. Работы временно приостановлены. Просим срочно командировать специалиста. Союз армянской молодежи".

Телеграмма эта, не дошедшая по назначению, попала в ныне так-же не существующее Армянское Этнографическое О-во в Тифлисе-же, которое, в лице своего председателя Б. Н. Аргутинского-Долгорукова, обратилось ко мне с просьбой принять на себя заботу об охране и обследовании указываемого в телеграмме памятника.

Состоя в то время на службе, по должности старшего хранителя историко-археологического отдела, в Кавказском Музее (который в 1918 г. переименован в Музей Грузии), о содержании полученной из Карса телеграммы я немедленно доложил и. ц. директора названного Музея Ю. Н. Воронову, который и предложил мне срочно выехать в Карс и произвести на месте необходимые исследования.

Приехав в Карс, я в первую очередь занялся осмотром новооткрытого надгробного камня, который уже был перевезен в новый армянский собор, а равно того места, где этот камень был найден.

Производство земляных работ, приведших к отмеченной выше находке, предпринято было карсским городским самоуправлением, которое решило провести, через весь старый город, т. н. Гельбашинскую канаву, каковая канава должна была, в целях оздоровления Карса, служить как для стока дождевой воды с Ю. склонов крепостной ска-

* Представлено на Собрании ученых членов КИАИ 4/V, 1925 г.

лы, так и для осушки соседних болот. В средней своей части канава эта проходила мимо ограды древнего Абасова храма (церкви апостолов), где как-раз, на глубине около 2-х саж., и был найден надгробный камень.

С целью исследования этой части канавы, я немедленно-же, при помощи предоставленных в мое распоряжение сапер, приступил к пробным раскопкам, каковые, однако, на 3-й день пришлось прекратить в виду наступивших сильных морозов. К тому-же, тогда-же началось революционное брожение на кавказском фронте, вследствие чего в Карсе мало кто думал об археологических раскопках.

И все это, к великому моему огорчению, заставило меня прекратить начатые раскопки, а обнаруженный склеп совершенно засыпать. Тем самым пришлось подвести итоги всей, хотя и кратковременной, работе, которая выразилась в следующем.

На дне канавы обнаружена была устланная каменными плитами площадка, в средней части которой имелась каменная лестница (*см. прилагаемый план*). Параллельно к лестнице, под С. стеной канавы, обнаружен был большой камень, под основанием которого видны были другие, подобной-же величины, камни; причем на месте находки надгробного камня с надписью обнаружен грот с человеческими костьями. Все это дало мне основание полагать, что данные сооружения остатки не иной какой-либо постройки, как только древнего погребального склепа.

Во время производства раскопок со мною находились местные любители старины, главным образом мастеровые-жестяники, и несколько студентов—членов союза армянской молодежи в Карсе. От последних-то я и узнал, что надгробный камень был найден около этого склепа, хотя они не помнили—в каком положении; причем тогда-же там была найдена, между прочим, и одна византийская монета.

Как-бы то ни было, после ознакомления с обстоятельствами, при каких надгробный камень был найден и затем перенесен в новый армянский собор, для меня стало вполне ясно, что он, надгробный камень, открыт не на своем первоначальном месте, но там, куда его свалили, по всей вероятности, русские после взятия Карса (значит, после 1878 г.), когда возник вопрос о превращении Абасова храма (церкви апостолов) в военный собор. По крайней мере, по словам очевидца, Е. Г. Вейденбаума, район Абасова храма при русских был очищен от всех, примыкавших к нему, построек и пристроек, и

тогда-же были снесены все надгробные сооружения и часовни, следы которых заметны и поныне, в результате чего образовалась большая площадь вокруг храма; причем с того-же времени среди местного населения распространился слух, будто русские открыли могилу строителя храма — царя Абаса. Мало того. Что площадь вокруг Абасова храма была расчищена только лишь недавно и, во всяком случае, не ранее взятия Карса русскими, это доказывается свидетельством венецианского мхитариста Нерсеса Саргисяна, бывшего в Карсе в 50-х годах прошлого столетия: последний при описании Абасова храма указывает на местонахождение близ него древней часовни, которой мы теперь не находим [1].

[[1] С. В-чем, к сожалению, упущена из виду специальная публикация о Карсе тамошнего жителя Карапета Оһанджанянца, подвизавшегося под псевдонимом *Крпэ* (Կրպէ): *Կարս քաղաք*, Москва 1894,—где на стр. 29 приводятся довольно подробные справки по вопросу о расчистке площади вокруг Абасова храма (церкви апостолов): „Около церкви апостолов, к Ю.-В.,—писал в 1894 г. Крпэ,—находилась другая, куполообразная постройка или часовня, под которой, как рассказывали по преданию, покоились останки сына армянского царя Смбата, царя Ашота I; и в самом деле, в 1889 г., при прокладке фундамента жилого дома нынешних сторожей,

По возвращении в Тифлис, весь материал по археологическому обследованию в Карсе я передал в Кавказский Музей (ныне Музей Грузии). Это — нижепоименованные 9 предметов, занесенные в инвентарь 1917 г. под № 60—17:

1. Эстампаж с надгробного камня с лапидарною армянскою надписью;

2—3. Два негатива, 13×18, — снимки с этого-же камня;

4—7. Четыре негатива, той-же величины, той части канавы, где был найден надгробный камень;

8. План местности;

9. Фотографический снимок надгробного камня с надписью.

Найденный в Карсе надгробный камень сделан из местного туфа. По форме, он двускатного типа. Размеры его: в длину 1,40 и в вышину 0,50 м. С левого конца часть отломана, благодаря чему в надписи по несколько букв в начале строк не хватает, и их приходится восстановлять по смыслу. Надпись — в 3 строки инициальным письмом, размер которого в первых двух строках одинаков (длиною $7\frac{1}{2}$—9 см., шириною $2\frac{1}{2}-4\frac{1}{4}$ см.), в третьей-же мельче ($5\times 2\frac{1}{2}$ см.), хотя на камне оставалось достаточно свободного места для заполнения его текстом. Кстати, надпись эта не представляет из себя ничего интересного в палеографическом отношении; хотя, впрочем, интересна своею орфографиею с *է* вм. *ե* в слове *Ատրնէրսէհ* и с *է* вм. *ի* в *կէսաւ[րեա]*. К тому-же, она не закончена и дефектная, почему и вызывает ряд недоумений и вопросов, вплоть до вопроса о подлинности.

Вот копия этой надписи:

1. *ԱԳՐԱՏՈՒՆԻԴՈՒՍՏՐԱՏՐՆԷՐՍԷՀԻ*
2. *ԱՆԻԵՒԱՄՈՒՍԻՆԱԲԱՍԱՀԱՅՈՑ*
3. *ՏԻՈՐԳՆԱՑԻԿԷՍԱՒ*

почти на том [самом] месте вскрылись в значительном количестве человеческие кости и черепа“; причем там-же, в примечании, Крпэ допускает „возможным предположение, что часовня эта была усыпальницей царской фамилии в Карсе“: и далее продолжает: „Мне лично довелось быть свидетелем при вскрытии Абасовой могилы, которая, однако, была как-то вскрыта еще—в 1884 г. и... Эта постройка когда-то, при турках, была саманником и даже местом для нечистот, которая в конце концов сравнена была с землею (слилась с церковною площадью) и в 1891 г. вовсе исчезла“. *Ред.*].

В дешифрованном виде и переводе[2]:

. . . [Բ]ագրատունի, դուստր Ատրնէրսեհի [իշխ]անի և ամուսին Աբասա հայոց [սպարապե]տի, որ գնաց ի կէսաւ{րեա}:

. . . [Б]агратуни, дочь [кня]зя Атрнэрсэһа и супруга Абаса, [спарапе]та армянского, которая отошла полдн{евною}.

Однако, о ком идет речь в этой надписи и к какому времени она относится?

К сожалению, имени той особы, надгробье которой этот камень представляет, в надписи не сохранилось, ибо как-раз в том самом месте, где это имя мы ожидали-бы найти, камень отломан. Поэтому придется остановиться на остальных, встречаемых в той-же надписи, именах, именно: на „Абасе спарапете армянском“ и князе „Атрнэрсэһе“ (вернее, „Атрнерсеһе“).

Под именем „Абаса спарапета армянского“ у древне-армянских историков известно только одно лицо, именно брат первого Багратид-

---

[[2] В виду того, что надгробье в соответствующем месте отломано под углом, больше к верхнему краю и затем, чем ниже, тем постепенно менее и менее, контекст дефектной части надписи отнюдь не может быть восстановлен по тому принципу, какого придерживается С. В-ич. Предоставленный в распоряжение Редакции Известий КИАИ, отмеченный выше под № 9, фотографический снимок с надгробного камня с надписью позволяет выставить положение—что если начало 3-й строки С. В. восстановляет семью буквами ՍՊԱՐԱՊԵ, то, в таком случае, начало 2-й строки никак не может быть восстановлено тремя только буквами ԻՇԽ и даже семью, скажем, как-бы наравне с 3-ьею строкою, но сравнительно большим числом букв, а начало 1-ой строки—еще более того. Все это дает нам основание полагать, что начало 2-й строки следовало-бы восстановить не просто через ԻՇԽ, а через ԻՇԽԱՆԱՑ ԻՇԽ; другими словами говоря, 1—2 строки должны дать смысл не *Ատրնէրսեհի [իշխ]անի [кня]зя Атрнэрсэһа,* а *Ատրնէրսեհի [իշխանաց իշխ]անի [князей-кня]зя Атрнэрсэһа,* что, кстати говоря, вполне соответствовало-бы груз. ადარნასე ერისთავთ-ერისთავისა *эрист'ава эрист'авов Адарнасэ;* тем более, если правильно отожествление упоминаемого в карсской надписи Атрнэрсэһа, resp. Атрнерсеһа, с Адарнасэ, царем Грузии (888 – 923), который до своего воцарения действительно был „эрист'авом эрист'авов“ (ერისთავთ ერისთავი), т. е., по армянской титулатуре, „князем князей“ *(իշխանաց իշխան)*, но отнюдь не просто „эрист'авом“ или „князем“ *(իշխան)*. Засим, в 3-й строке следовало-бы читать не *գնաց ի կէսաւ[րեա]*, как предлагает С. В-ич, а *գնացի կէսաւ-[րեա] отошла полдневною* (где *отошла*—аорист ед. ч. не в III-м лице, от арм. *գնաց*, а в I-м лице, от арм. *գնացի*), что, в свою очередь, имело-бы значение при восстановлении начального контекста надписи, где, очевидно, и находилось *имя рек*, применительно к III-му или-же I-му лицу. Выражаясь конкретно, от того или иного чтения наличного в 3-й строке глагола (*գնաց ի*, или *գնացի*) зависит тот или иной способ восстановления начала надписи; при аористе III-го лица (как у С. В-ча) примерно—*աստ հանգչի (имя рек)... որ գնաց ի կէսաւ[րեա] здесь покоится такая-то,... которая отошла полдн[евною];* при аористе-же I-го лица (как мы полагаем) примерно —*աստ հանգչիմ (имя рек)... որ գնացի կէսաւ[րեա] здесь покоюсь я, такая-то, ... которая отошла полдн[евною]. Ред.*].

ского армянского князя Ашота. По крайней мере, Иоанн Драсханакертский (X в.), рассказывая подробно о воцарении сына Смбата Исповедника, Ашота, прозванного Абл-Абасом, прибавляет, что этот Ашот *„великое спарапетство армянское передал брату своему Абасу*, который был муж храбрый и плечистый, юный и красивый ростом, здоровый и удачный в боях“. Абас спарапет за все время правления Ашота помогал брату своему, и когда в 888 г. ванандские (карсские) князья восстали против своего повелителя—Ашота, Абас отправился для усмирения их, причем из боязни нового выступления князей, решил укрепиться в Карсе, где и воздвиг укрепление, а равно дворец для своего пребывания. С этого времени Карс сделался резиденцией Абаса, а после его смерти стал столицей местных, карсских, царей. Вот почему трудно допустить, чтобы упоминаемый в новооткрытой в Карсе надписи „Абас спарапет армянский“ был-бы иным лицом, нежели братом царя Ашота. И в самом деле, ни один из остальных, известных в истории, Абасов никогда не был спарапетом: после смерти „Абаса спарапета“ высокое звание спарапета Смбат I предоставил брату своему Шапуһу, так что сын Смбата I, Абас, строитель собора в Карсе, никогда спарапетом не был, и женат был он на дочери не Атрнерсеһа, а грузинского эрист'ава Гургена; причем последний приходился племянником Адарнасэ грузинского, будучи женат на сестре Абаса спарапета.

Таким образом, упоминаемым в новооткрытой надписи „Абáсом спарапетом армянским“ может быть только Абас, первый владетель Карса, брат первого армянского царя из династии Багратидов—Ашота I-го.

Теперь посмотрим, кто-же такой упоминаемый в той-же надписи князь „Атрнэрсэһ“, вернее „Атрнерсеһ“.

В ту эпоху, когда жил „Абас спарапет армянский“, в истории Армении, Грузии и Албании известно пятеро Атрнерсеһ или Адарнасэ: 1) Хаченский князь, 2) Албанский царь, 3) Адарнасэ эрист'ав, сын Гургена († 898), 4) Адарнасэ эрист'ав, сын Баграта († 874) и, наконец, 5) Адарнасэ, царь Грузии (888—923).

Если принять во внимание то обстоятельство, что жена Абаса, спарапета армянского, именуется в надписи „Багратуни“ не по мужу, а по родовому своему происхождению, то станет ясно, что она, жена Абаса, не могла быть дочерью ни Хаченского владетеля, ни Албанского царя, ибо последние не были Багратидами. Жена Абаса не мог-

ла быть дочерью и Адарнасэ, сына Гургена, ибо тогда она приходилась-бы ему внучкой, а Адарнасэ, сын Баграта,—по данным грузинской хроники Сумбата,—не оставил сына; хотя, впрочем, возможно допустить, что он мог-бы иметь дочь, на которой быть-может и был женат „Абас спарапет армянский“.

Имея в виду те интимно-дружественные отношения, которые существовали между армянским и грузинским Багратидскими домами в особенности в эпоху Адарнасэ, царя Грузии, мне-бы казалось более вероятным, что „Абас спарапет армянский“ был женат именно на дочери этого Адарнасэ, царя Грузии.

Армянские историки передают, что Ашот I, царь Армении, которому в то время подчинялась В. Грузия, покровительствовал эрист'аву Атрнерсеһу, а этот последний был преданным союзником Ашота I и сына его, Смбата I. Даже то обстоятельство, что Адарнасэ, направлявшийся после смерти царя Ашота, через Карс, к Смбату I, захвачен был Абасом спарапетом и лишен свободы и был освобожден лишь по представлении заложником сына Давида и двух крепостей, не может служить препятствием к тому, чтобы признать „Абаса спарапета армянского“ женатым на дочери этого Адарнасэ, во-первых, потому, что Абас спарапет, повидимому, рано лишившийся жены, мог прервать свойственные отношения с тестем и, во-вторых, к конфликту с тестем могло толкать Абаса стечение таких обстоятельств, которые подчас заставляют государственных и военных деятелей забывать не только чувства дружбы и добрососедства, но и самые тесные взаимоотношения в каких угодно степенях родства и свойства.

Кстати, мне даже приходит в голову мысль о том, не близость-ли Адарнасэ, царя Грузии, к армянскому Багратидскому дому, закрепленная узами родства и свойства, побудила его соорудить Банский храм по образцу именно собора „Бдящих сил“ (Зварт'ноц) близ Эчмиадзина.

Так или иначе, выясняется, что упоминаемая в интересующей нас надписи в Карсе некая Багратуни, дочь князя Атрнерсеһа и супруга Абаса, спарапета армянского, была дочерью одного из Адарнасэ грузинских: или эрист'ава Адарнасэ, сына Баграта куропалата, или-же царя Адарнасэ; вероятнее-же всего—второго, однако с тою оговоркой, что она состояла замужем и скончалась „полдневною“ т. е. не расцветшею, в бытность ее отца еще эрист'авом или князем, во всяком случае, до восприятия последним царской короны.

*
* *

Все сказанное с достаточною очевидностью указывает на важное значение новонайденной армянской надписи в Карсе [3], которая способна приоткрыть интересную страницу в истории взаимоотношений армянских и грузинских Багратидских домов [4], долго державших в своих руках судьбы соответствующих народов.

С. В. Тер-Аветисян.

Тифлис, 1925 г.

[[3] Значение данной надписи чрезвычайно велико благодаря тому, что она найдена в Карсе—метрополии арм. области (а некогда и царства) Вананд, которая не особенно изобилует древними армянскими надписями. На это обстоятельство, пожалуй, следовало-бы обратить серьезное вниманио, в особенности после работ *Н. Саргисяна* (*Տեղագրութիւն ի Փոքր և ի Մեծ Հայս*, Венеция 1864, стр. 104), *Н. Эмина* (Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего, Москва 1881, стр. 5—6), *Л. Алишана* (*Այրարատ*, Венеция 1890, стр. 84 85 [в главе *Վանանդ*]), *Крпэ* (*Կարս քաղաք*, Москва 1894, стр. 13—27), *К. Костанянца* (*Վիմական տարեգիր* [BAG II], Спб. 19.3, стр. 35, 78, 251) и др., которые не идут вообще далее воспроизведения всё одних и тех-же двух—трех древне-армянских надписей Карса и ни одной из всей области Вананд. *Ред.*].

[[4] Насколько, публикуемая выше впервые, новооткрытая надпись в Карсе представляет определенную ценность для истории армянских и грузинских Багратидов, в особенности для всё еще спорной и трудно восстанавливаемой общей генеалогии таковых, можно судить не только по специально посвященным этим Багратидам старым исследованиям *Броссе, Грена, Даг'башяна, Т'оп'чяна,* или трактатам о них, наличным в публикациях более общего характера, как напр. *Алишана, Маркварта, Джавахишвили* и др., но и по новейшим, специальным по тому-же вопросу, работам, как напр. того-же *Маркварта* (*Բագրատունեաց ծագումը. Ա. Հայ Բագրատունեաց ճիւղագրութիւնը. Բ. Վրական Բագրատունեաց ծագումը* [„Ազգային Մատենադարան" Գ], Вена 1915, стр. 1—:50), или даже по только что вышедшей в свет статье *Тамары Ломоури* (სუმბატ დავითის ძისა და გიორგი მერჩულის ცნობები მე-IX—X სს. ქართველ ბაგრატიონიანთა შესახებ,—„არილი", Тфл. 1925, стр. 47—56). *Ред.*].

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Резная дверь 1134 г. из окрестностей гор. Муша *.

Предлагаемый очерк является предварительным сообщением, касающимся незначительной части материалов, которые мною собраны в годы мировой войны при производстве, по поручению Академии Наук, работ по охране памятников старины и искусства на кавказском фронте [1]. Эти работы, производившиеся в первые три года войны, выполнялись под общим руководством акад. Н. Я. Марра, согласно составленной им программе [2]. В надежде на то, что Академия Наук наконец обнародует дневники моих поездок с сопроводительным иллюстративным аппаратом (фотографические снимки, чертежи, рисунки), здесь остановлюсь преимущественно лишь на одном, до сих пор мало известном, уникальном памятнике средневекового армянского резбарства, ныне украшающем Эриванский Государственный Музей, а до войны принадлежавшем монастырю апостолов (Арак'елоц) близ гор. Муша в области Тарон.

Но прежде чем дать описание отмеченного памятника искусства, считаю необходимым сообщить некоторые сведения чисто информационного характера.

Как известно, летом 1915 г. перебито было почти всё армянское население Таронской и смежных областей, причем тогда-же ча-

* Представлено на Собрании ученых членов КИАИ 4/V, 1925 г.

[1] Кроме составления описаний и снятия фотографий, планов и чертежей, мною, в целях охраны, приступлено было и к собиранию рукописей и особо ценных портативных памятников искусства и материальной культуры. Работая в этом направлении, мне удалось собрать в Ванском районе и перевести затем в Эчмиадзин около 1500 армянских рукописей, которые ныне приобщены к основному фонду Эчмиадзинской библиотеки. Другие памятники, и в том числе плиты с халдской клинописью, доставлены были в б. Кавказский музей (ныне Музей Грузии) и сданы туда на временное хранение.

[2] Программа эта напечатана в „Известиях Р. Академии Наук" 1915 г., стр. 1893—1894.

стью взорваны, частью разорены все сколько-нибудь видные очаги древне-армянской культуры указанного района, в том числе и монастырь апостолов [3]. Приблизительно через год после этого я, между прочим, посетил и указываемый монастырь, который оказался в самом печальном положении: здания нарочито были повреждены, а портативных произведений искусства и древности на месте не оказалось. В Муше уже от армян-беженцев удалось получить известие, что ценности мон. апостолов немцами спасены от гибели и отправлены куда-то. Несмотря на столь неопределенное указание, я решил предпринять розыски, в результате которых удалось обнаружить в Битлисе резные монастырские двери, коим посвящена настоящая заметка, и один из двух томов замечательного пергаментного изборника [4].

Двери эти, описание коих дано было впервые венецианским мхитаристом Нерсесом Саргисяном [5], не только точно локализованы, но и снабжены надписью, которая заключает в себе указание на год возникновения памятника вместе с именами лиц, принимавших участие в деле его созидания.

Надпись на древне-армянском языке, заглавными буквами, вырезана на обоих створках дверей, представляя из себя в целом всего одну строку:

Թ. Հ. ՇՁԳ ԵՍ ՏՐ ԹՈ¦ՐՈՍ ԵՒ ԳՐԻԳՈՐ ԵՒ ՂՈՒԿԱՍ ԳԾ

„В л[ето] а[рмянской эры] 583 (=1134 от Р. Х.) я, отец Т'орос, и Григорий и Лука [на]черт[или]...“

---

[3] Традиция относит его к IV в. от Р. Х. Монастырь этот некогда являлся одним из центров „спрофильского“ течения в истории армянской культуры.

[4] Как оказалось, немцы доставили некоторые памятники в Битлисское Отделение Оттоманского Банка. Двери из Битлиса мною, лично за свой счет, доставлены в Тифлис, в б. Кавказский Музей (ныне Музей Грузии), откуда они года три тому назад перевезены в Эривань. Рукопись-же ранее взята была русским полковником Бреше, возвратившим, по моему требованию, лишь один том [насколько нам известно, том этот доставлен был в Тифлис в 1917 г. полковником генерального штаба Н. А. де-Роберти, который *от своего имени* принес его в дар Армянскому Этнографическому О-ву, за что тогда-же почтен был избранием в почетные члены сего О-ва. *Ред.*]. Другой (второй)-же том изборника спустя 6 лет после того случайно был обнаружен Гарегином Левоняном и мною в Тифлисе, у частного лица, у которого и был отобран и отослан в Эриванский Государственный Музей.

[5] *Н. Саргисян*, *Տեղագրութիւն ի Փոքր և ի* [*Մեծ Հայս*, 1864, стр. 232; ср. *К. Костанянц*, *Վիմական տարեգիր* [BAG II], Спб. 1913, стр. 29.

Сама дверь, как то видно на прилагаемом воспроизведении (см. табл. III), состоит из резной троечастной колоды, обрамляющей две дверные створки. И колода, и створки, сделанные из черного дуба, все покрыты тонкой высоко художественной резьбой. Элементы декора памятника далеко не однородного состава.—В то время как основная схема отделки дверных створок состоит из коврового узора геометрических форм, с заполнением отдельных полей завитками и арабесками, обрамляющие наличники (представляющие из себя лицевые доли отдельных брусьев колоды) украшены в верхней, горизонтальной, части группой фигур, а в боковых—лентами богатого орнамента. Главные полосы этого последнего состоят из волнообразно изогнутых стеблей с усиками и завитками, заканчивающимися сильно стилизованными деталями растительного орнамента, и вплетенных, так-же стилизованных, фигур животных, птиц и фантастических существ (напр. изображение крылатого зверя с женской головой, имеющей своеобразный характерный трехзубый венец, а также „сирина“ и др.). Общий подбор этих „зверей“, имеющий в своем составе единорога, буйвола, слона и др., заставляет припомнить аналогичные создания соседних Армении и даже более отдаленных стран Ближнего Востока.

Не останавливаюсь на прочих деталях памятника, воспроизводимого здесь впервые, так как целью настоящей заметки я ставлю не полную публикацию, а лишь введение этого первоклассного произведения армянских мастеров первой половины XII века в круг аналогичных, ранее уже ставших достоянием науки, созданий „византийского“, восточно-христианского и исламского исскуств.

В заключение, остается мне еще указать, что, независимо от фотографического снимка, в Тифлисе имеются точные форма и копия как колоды, так равно и створок, которые, будучи в свое время, согласно моему заказу, исполнены пленными западно-европейскими мастерами-формовщиками, входят в состав коллекций б. Кавказского Музея (ныне Музея Грузии).

Пользуясь случаем, укажу на целый ряд армянских резных дверей, относящихся к различным эпохам и носящих следы разнородных культурных взаимоотношений и влияний, напр.: 1) две Кафских или Феодосийских с надписями XIV в. (*Х. И. Кучук-Иоаннесов,*

Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму,—„Древности Восточные", Тр. Вост. Ком. И. Моск. Арх. О-ва, т. II, вып. 3, Москва 1903; № 17 на стр. 70—1330 г. и № 8 на стр. 69—1371 г.; см. также рис. 15 на табл. после стр. 69), 2) Севанская, некогда украшавшая храм во имя апостолов, а ныне перенесённая в Эриванский Гос. Музей (*А. А. Ивановский,* По Закавказью, МАК, вып. VI, Москва 1911, рис. 18 на стр. 31; *Е. А. Лалаянц,* Севанский монастырь в Новобаязетском уезде Эриванской губернии, Эривань 1912, стр. 26—описание двери, стр. 33—перевод надписи, датированной 1557 годом), 3) Мушская из монастыря во имя св. Предтечи, мастеров Саака и Киракоса (приведена [со ссылкой на „Die Inschrift veröfentlicht Byzantion, 1908"] как сравнительный материал, вместе с Севанской дверью [со ссылкой на „Сисакан" Алишана, 83—84], при описании грузинской Мг'вимской двери—*I. Strzygowski,* Die Baukunst der Armenier und Europa, I Band, Wien 1918, S.S. 351—352), 4) Эчмиадзинская (*Л. Алишан, Այրարատ,* Венеция 1890, стр. 219, рисун. 87), 5) Тат'евская и ряд других, как на местах, так и в разных собраниях и музеях (напр. в Тифлисе в Музее Грузии, б. Кавказском).

С. В. Тер-Аветисян.

Тифлис, 1925 г.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего)*.

(По документам Центрархива С. С. Р. Грузии).

Академик Самуил-Готлиб-Георг Гмелин—младший (род. в Тюбингене в 1745 году, сконч. в Дагестане, в сел. Ахметкент. 27/VII 1774 года), автор сочинения о трех царствах природы, на обратном пути из „физической экспедиции" к берегам Каспийского моря, 5/II 1774 года был захвачен кайтагским владельцем („усмей-ханом") Амир-Амзою. Этот поступок Амир-Амзы был актом мести по адресу русского правительства за то, что жители сел. Андреевского, входившего уже к этому времени в состав русских владений, в свое время участвовали в разорении кайтагских владений персидским шахом Надиром и переманили оттуда к себе 200 семейств терекемейцев и 80 семейств евреев. Захват академика встревожил русские власти. Завязалась по этому поводу оживленная переписка у местных властей, главным образом у астраханской губернской канцелярии и кизлярского коменданта, как между собою, так и с Петербургом, а также с отдельными горскими владельцами, через которых пытались воздействовать на усмея кайтагского.

Все эти канцелярские хлопоты не увенчались успехом. Не дождавшись освобождения, Гмелин от тревог, волнений и дурного питания скончался в плену 27/VII того-же года. Захваченные вместе с ним двое участников экспедиции, студент Иван Михайлов и рисовальщик Федор Баур [1], после смерти академика, сейчас-же были освобождены усмеем и получили от него разрешение вывести тело умершего.

* Представлено на Собрании ученых членов КИАИ 4/V, 1925 г.

[1] Экспедиция, не считая самого Гмелина, состояла из 6 лиц: 4-х студентов—Габлица, Михайлова, Мошкова и Соколова, одного рисовальщика—Баура, и одного аптекаря, и сопровождалась конвоем из 20 уральских казаков.

Они намеревались перевести тело в Кизляр (в 4-х днях пути), но это оказалось невозможным в виду жаркого летнего времени. Отказавшись от своей первоначальной мысли, они предали его земле близ сел. Каякент 28/VII [2]. В следующем году русское правительство снарядило под начальством ген.-майора де-Медема в кайтагские владения карательную экспедицию и заставило усмей-хана Амир-Амзу просить *прощения*.

Об этом прискорбном событии сообщают многие из современников и ближайших преемников Гмелина на поприще востоко- и кавказоведения—I. Reineggs, Броневский и Бутков [3]. В 1861 г. акад. Б. Дорн во время своего пребывания на Кавказе, вместе со своими спутниками Петуховым и Гиппиус, разыскал могилу Гмелина и поставил на ней скромный памятник—деревянный крест с вырезанною на нем надписью: „Академик Гмелин † 27 июня 1774 года“ [4]. Позднее, однако, сведения об обстоятельствах смерти Гмелина делаются глуше, и событие это как-будто забывается. В 1902 г. к этому событию вернулся известный кавказовед, ныне покойный Е. Г. Вейденбаум, воспользовавшийся, повидимому, как увидим ниже, для своей работы, между прочим, и теми документами, о которых идет речь в настоящей заметке [5]. В изданиях справочного характера сведения о Гмелине и его смерти становятся чем ближе к нашим дням, тем реже и, что хуже всего, фантастичнее. Так, несмотря

---

[2] По прибытии своем 1/VIII в Кизляр, Соколов и Баур отправили оттуда 3/VIII в Академическую Комиссию подробный рапорт о последних днях и смерти Гмелина (напечатан О. Бодянским в „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1867 г., кн. III, отд. V, стр. 11—16; в сопроводительном примечании—некоторые сведения о самой экспедиции и ее отдельных участниках).

[3] „Der Dorf Kiaja-Kent und die noch übriggebliebenen Mauern einer alten Bergfestung Humry enthalten das Grab des, an asiatische Reisen nicht gewöhnten, nur jugendlich aufbrossenden, sonst aber unschuldig guten Gmelin's, der durch Utzuums barbarischen Frevel ein Opfer des Kaukasus würde, und seinen Tod aus Verdruss, durch unablössiges Brandweintrinken, ohne Noth beschleunichte“—*J. Reineggs,* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus I, 106. См. также *Броневскій,* Новѣйшія извѣстія о Кавказѣ, М. 1823, II, 311; *Бутковъ,* Матерьялы для новой исторіи Кавказа, Спб. 1869, I, 25, и II, 12.

[4] Акад. *Б. Дорнъ,* Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря [из VIII кн. Труд. Восточ. Отд. И. Русск. Арх. Об-ва], Спб. 1861, стр. 32—22.

[5] *Е. Г. Вейденбаумъ,* Академикъ Самуилъ Готлибъ Гмелинъ. Его плѣнъ и смерть въ Дагестанѣ въ 1774 г.—„Баку“ 1902 г., № 55. Эта статья нам известна только по названию (см. *Л. М. Меликсетъ-Бековъ,* Е. Г. Вейденбаумъ, какъ кавказовѣдъ.—Изв. Кавк. Музея, т. XII, и отдельно—Тфл. 1912, стр. 15). Газеты „Баку“ за 1902 г. в Тифлисе, к глубокому сожалению, нам найти не удалось.

на то, что в „Энциклопедическом Словаре“ изд. Брокгауза и Эфрона в свое время была помещена вполне удовлетворительная, в общем, справка, в „Новом Энциклопедическом Словаре“ того-же издательства, взамен этого, мы находим сведения, совершенно не соответствующие действительности [6]. В каком состоянии в настоящее время могила Гмелина и какова ее судьба,—нам неизвестно.

Все сведения о смерти Гмелина, какие сообщают Reineggs, Броневский, Бутков и др., вообще, очень кратки. Подробный рассказ о последних днях погибшего академика мы находим лишь в упомянутом выше „рапорте“ Михайлова и Баура, документе, который повидимому, еще до его напечатания, лег в основу сообщений и всех названных авторов [7]. Этот рапорт, составленный очевидцами смерти Гмелина, остававшимися при нем до последнего его издыхания, имеет в данном случае огромную историческую ценность. Но он не освещает это событие с другой стороны. Захват в плен такого видного лица всполошил русскую пограничную администрацию. Завязалась по этому поводу оживленная переписка между астраханскою губернскою канцелярией, где тогда сосредоточивалось управление русскими владениями на С. Кавказе, и комендантом г. Кизляра (ближайшего к владениям кайтагского хана русского пункта), между местными властями и Петербургом. Принимались меры к освобождению злосчастного академика, и в этих целях старались воздействовать на кайтагского владельца через его соседей. Все эти вопросы до сих пор оставались почти совершенно не освещенными.

В настоящее время в Центрархиве С. С. Р. Грузии, среди поступивших в это хранилище дел и бумаг б. Кавказской Археографической Комиссии, имеется подлинное „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ профессора Гмелина горскимъ владѣльцемъ Уцміемъ“. Не сообщая каких-либо новых данных о самой смерти Гмелина, это „Дело“ содержит целый ряд очень интересных документов указанного порядка. Большую

[6] „Выѣхавъ изъ Дербента, онъ былъ ограбленъ и задержанъ хайтацкимъ ханомъ Усмеемъ (sic!), въ разсчетѣ получить за него выкупъ. Отъ всевозможныхъ лишеній Г. заболѣлъ и умеръ въ 1774 г. въ деревнѣ Ахметкентѣ, гдѣ находился въ заточеніи“ („Энц. Слов.“ изд. *Брокг.* и *Эфр.*, вып. XVI [1893], стр. 931), „*...вернулся въ Астрахань. Отъ всевозможныхъ лишеній заболѣлъ и умеръ*“ (?!) („Нов. Энц. Слов.“ того-же изд., т. XII [1900], стр. 805). В других крупных энциклопедических словарях (изд. тов. *Гранат* и к-о, „Русская Энциклопедія“) сведений о Самуиле Г. Гмелине вовсе нет.

[7] Издатель „рапорта“ Бодянский, к сожалению, не сообщает, откуда им извлечен этот документ.

часть этих документов в свое время, как есть на это несомненные данные, предполагал опубликовать покойный Е. Г. Вейденбаум. Нам удалось ознакомиться с этим делом сравнительно недавно; к тому-же, последние месяцы приходилось отдавать все свое время другим своим основным научным работам. Приходится отказаться от интересной задачи научной обработки сих документов. Предоставим это другим, ограничимся более скромным: продолжим начатое Вейденбаумом —дадим описание этого „Дела", с перечнем заключающихся в нем документов, и обнародуем наиболее интересные из них. К празднику РАН на страницах „Известий" КИАИ почтим память одного из подвижников науки и тем самым внесем свою скромную лепту в летопись академического кавказоведения.

* * *

„Дело", о котором идет речь, в настоящее время в том виде, как оно хранится в делах и бумагах б. Кавказ. Археогр. Комиссии, переплетено в картонный переплет—повидимому, уже после его поступления в комиссию. На корешке переплета—заголовок: „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ профессора Гмелина". На лицевой доске переплета, в нижнем левом углу, наклеена этикетка: 1/л. На первом титульном, так-же, очевидно, времени поступления „Дела" в Комиссию, листе рукою конца XIX века заголовок: „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ Профессора Гмелина горскимъ владѣльцемъ Уцміемъ"; ниже—тем-же почерком подпись: „оставить до полученія изъ Петербурга Путешествія Самуила Гмелина"; в верхнем правом углу шифр: 400. Этому титульному листу предшествует чистый, в верху которого собственноручная надпись, какую обыкновенно ставит владелец книги: „Е. Вейденбаум". „Дело", поступившее первоначально в Комиссию, перешло, таким образом, очевидно, впоследствии в личную собственность Е. Г. Вейденбаума.

После титульного листа следует обложка, в которой „Дело" хранилось в канцеляриях и архивах до его поступления в Комиссию. На этой обложке почерком второй половины XVIII в. заголовок с поправками, сделанными, видимо, несколько позднее, быть-может в начале XIX века: „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ (гдна) профессора Гмелина Горскимъ владелцомъ Уцміемъ (въ баранту). 1774-го года" [8]. На той-же обложке—три регистратурных №№, из которых два первых

[8] Поправки даем разрядкой, зачеркнутое ставим в скобки.

зачеркнуты, и оставлен только третий: 142, 86 и 71. Тут тем-же почерком, каким сделаны поправки в заголовке, пометка: 98 листов.

Все „Дело“ — в полной сохранности, но только в нем в настоящее время не 98, а 95 листов, из которых 3, 13, 24—33 вкл., 44, 49, 51, 56, 62, 63, 73, 74, 85, 92—95 вкл.—пустые; остальные заняты документами или относящимися к ним пометками. Вырванных листов нет; дело заканчивается пустым 95-м.

Прежде чем перейти к описанию заключающихся в „Деле“ документов, отметим еще, что в настоящее время в него вложена пачка листов писчей бумаги, исписанных характерным мелким почерком Вейденбаума и свидетельствующих о том, что покойный кавказовед подготовлял это „Дело“ к печати. Листы эти заключают в себе: 1) краткое (на одну страницу писчего листа) введение к будущему изданию, помеченное 2-м ноября 1883 г.; 2) выписки о Гмелине из сочинений Дорна, Буткова, Броневского и I. Reinegg's'а; 3) копия с напечатанного Бодянским в „Чтениях“ донесения Михайлова и Баура; 4) копии с некоторых документов, заключающихся в „Деле“, главным образом, рапортов в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера; 5) несколько листов отдельных выписок, заметок и т. п.

Мы даем ниже характеристику главных групп заключающихся в „Деле“ документов, а в заключение приводим целиком некоторые из документов, в свое время подготовленных к печати Е. Г. Вейденбаумом[9]. Выбор документов для печати был сделан Вейденбаумом мастерски: это именно те части настоящего „Дела“, которые вводят исследователя in medias res. Копии, снятые им с этих документов, не всегда точны. Нами они все исправлены по подлинникам. Орфографии документов мы вынуждены придерживаться лишь постольку, поскольку это допускают технические условия. Впрочем, в языковом отношении эти документы большого интереса и не представляют.

*
* *

Настоящее „Дело“, говоря языком старых присутственных мест, было „заведено“ в канцелярии астраханского губернского правления, бывшего в то время высшей местной инстанцией для русских владений на Кавказе; „исходящие“ этой канцелярии хранятся в „Деле“ в от-

[9] В описании документы, напечатанные целиком, обозначаются звездочкою.

пусках или черновиках; „входящие“ (не считая некоторых приложений к ним)—в оригиналах. Не считая отдельных, не имеющих существенного значения, документов, „Дело“ охватывает время с 11/II, 1774 г. (рапорт терского ротмистра Горина коменданту Штендеру) по 17/V того-же года (присяга андреевского и костековского владельцев о содействии освобождению Гмелина) [10].

„Дело“ возникло по рапортам в канцелярию нежинского мещанина, тестя Гмелина, Николая Рентеля, от 23/II, и кизлярского коменданта, полковника Ивана Штендера, от 12/II (получены в канцелярии 25 и 24/II), о захвате Гмелина кайтагским владельцем, ханом Уцмием Амир-Амзою. Астраханская губернская канцелярия имела по этому поводу суждение; решено было избрать путь мирного воздействия, обратиться к кайтагскому владельцу с письмом, послать ему подарки, а также просить о воздействии на него его соседей. Приняв это решение, канцелярия дала соответствующие указания в Кизляр, переслала через Кизляр письма местным владельцам и донесла о случившемся в Петербург. С этого момента активная роль канцелярии, в сущности говоря, закончилась: она в дальнейшем не столько инструктирует Кизляр, сколько получает от последнего информацию и служит передаточной инстанцией между ним и высшими учреждениями. Центр активной деятельности переносится в Кизляр, где ведутся переговоры с местными владельцами. Отсюда, не считая различных мелких документов, обычно перемежающихся в каждом архивном деле с основными, документы настоящего „Дела“—их всего 60—получают следующую группировку.

I. Документы, обрисовывающие линию, взятую астраханской губернской канцелярией в вопросе о захвате Гмелина: ее протокол от 24/II (лл. „Дела“ 4—5 об.); ее указы кизлярскому коменданту от 4/III (л. 6) и 24/VI (л. 80); ее сообщение к командующему военными силами в Кизляре, ген. поручику И. Ф. де-Медему, от 7/III (л. 15); ее письма от 4/III: к дербентскому и кубинскому Фетх-Али-хану (л. 16), тарковскому шевкалу Муртаз-Али (л. 17), женгутейскому владельцу Тисис-Бамату (л. 19), владельцу Гуйнагу (л. 20) и самому хану Уцмию (л. 18), и ее рапорты: в Академию Наук от 21/III (л. 21; ошибочно датировано 12/II), астраханскому губернатору, ген.-майору П. Н. Кречетникову, от 12/III (л. 22), 30/IV (л. 55) bis—30/IV

[10] Почти все документы в „Деле“ относятся к 1774 г., а потому в дальнейшем *этот* год, при датировке, не выставляется.

(л. 61) и 4/VI (л. 75) и в Государственную Коллегию Иностранных Дел от 25/VI (л. 84).

II. Рапорты кизлярского коменданта полковника И. Штендера: в астраханскую губернскую канцелярию от *12/II (л. 2), 1/III (л. 40), *IV без числа (л. 52), *16/IV (л. 57) и *19/V (л. 65) и в *Государственную Коллегию Иностранных Дел от 1/III (л. 45). К этой группе, по существу, могут быть присоединены два особняком стоящие документа: рапорт *в астраханскую канцелярию от 12/II Рентеля (л. 1) и письмо Штендера к хану Уцмию от 13/IV (л. 59). Это —наиболее существенная группа документов.

III. „Доезды" т. е. рапорты, поданные кизлярскому коменданту теми лицами, которых он посылал для переговоров с местными владельцами: терского войска—*ротмистра Горина, от 11/II (лл. 47—48 об.), *мурзы Канбулата Шейдякова, от 27/II (лл. 42—43), *майора Киреева, от III, без числа (л. 54), дворянина Андрея Филатова, от 29/IV (л. 67), и *два—ротмистра Павла Батырева, от 8/V (лл. 68—69) и 15/V (л. 71). Эта группа документов является весьма существенным дополнением к предыдущей.

IV. Письма к кизлярскому коменданту местных владельцев: кайтагского владельца, хана Уцмия Амир-Амзы,—*s. d. (л. 41), от II (л. 43 об.), от III (л. 58) и s. d. (л. 67); тарковского шевкала Муртаз-Али—*s. d. (л. 41) от III (л. 58 об.) и s. d. (л. 67 об.); *андреевского владельца Темира-Хамдина (л. 70) и *костековского владельца, капитана Хамзы Алишева (л. 70).

К этой группе, по существу, может-быть присоединена **Присяга* названных андреевского и костековского владельцев, от 17/V, в том, что, чрез посредство женгутейского владельца Тисис-Бамата и казанышевского Али-Султана, они будут добиваться освобождения Гмелина.

Эта присяга является, в сущности говоря, заключительным моментом в истории вопроса об освобождении Гмелина, поскольку этот вопрос освещается настоящим „Делом". Источником, освещающим дальнейшее развитие этого вопроса, так и не получившего желательного результата, остается несколько раз упоминавшееся нами „Донесение" Михайлова и Баура.

Документов, освещающих непосредственно и по существу политику петербургских учреждений, Коллегии Иностранных Дел и Академии Наук, в „Деле" нет. Что касается единственного, находящего-

ся в „Деле“, предложения в астраханскую губернскую канцелярию астраханского губернатора Кречетникова от 2/IV (л. 50), то оно большого значения не имеет.

М. А. Полиевктов.

Тифлис, 1925 г.

I.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию нежинского мещанина Николая Рентеля. 23/II 1774 г. (л. 1).

Сего февраля 22 числа получил я письменное известие от находящегося в кизлярских баталионах секунд-майора Храблева, что отсюда отправленной по всевысочайшему Е. И. В. соизволению по Каспицкому морю физической экспедиции г-н профессор, а мой зять, Гмелин взят в горы на баранту владелцом Уцмием. что подтвердил мне и приехавшей ныне из Кизляра корпуса г-на генерал-майора и ковалера Демедема присланной от него капитан Лукс. Уверив о чем, астраханской губернской канцелярии и доношу.

II.

Рапорт в ту-же канцелярию кизлярского коменданта, полк. Ив. Штендера. 12/II 1774 г. (л. 2).

Возвращавшейся из Персии физической экспедиции г-н профессор и доктор Гмелин, экспедиции ево с двумя студентами и с частию из команды казаками, при одном есауле, и шесть человек армян, трое астраханских, один здешней кизлярской житель, а двое тефлисские, по выезде из Дербента задержаны хайдацким владелцом Уцмием Амир-Амзою за почитаемую им на подданных российских андреевцах претензию, еще при раззорении хайдацкаго владения бывшим персидским Надыршахом, о перешедших и теперь живущих в андреевской деревне терекеменцах двустах и жидов осьмидесяти дворов. О сем случаи и послал я за андреевскими владелцами нарочного с тем, дабы они скорее сюда приехали. С коеми и по соглашению с г-ном генерал-порутчиком и ковалером Иваном Федоровичем Демедемом, в выручении ево г-на профессора со всеми надлежащих мер употребить и сей астраханской губернской канцелярии о предприемлемости с подробностию донести за сим не премину.

III.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру терского войска мурзы Канбулата Шиндякова. 27/II 1774 г. (л. 42).

Посылан я был от вашего высокоб-дия с писмами к хайдацкому владелцу Уцмию об отпуске задержаннаго им г-на проф-ра и д-ра Гмелина с командою. Туда, в проезд чрез Тарки и Буйнаки, получал от владелцов проводников без задержания с ласковостию. По приезде к Уцмию нашел ево в терекемейской деревне Берекей, вашего высокоб-дия писмо ему подал. Он, приняв, не читав ево, приказал отвесть в другую подвластную ему деревню Джиму на квартиру, а притом сказал, чтоб я явился к нему поутру на другой день. Я ему явился, а он ответствовал мне, что г-н проф-р не выпустится, пока живущие в Андреевской деревни бывшие ево подвласные жиды и терекемейцы обратно ему не отдадутся, ибо де ваше высокоб-дие имеете андреевских владелцов в своей власти, то приказав им, взяв с собою старшин, приехать на средину пути между Андреевскою деревнею и Уцмиевскаго владения, куда и Уцмий быть обещался ж, и там-бы им между собою по их обычаям разобраться, почитая себе за крайнее неудоволь твие, что андреевские владелцы его подвластными ползуются. Что-же де те владелцы будут на него в чем претендовать, равное удоволствие сделать обещается; причем вызывался в случи-де неудовольствия, российских какой-бы нации не были подданных людей, едущих в Персию и ни оттуда сюда пропускать не будет, а во всякой раз задерживать станет у себя, о чем написал вашему высокоб-дию писмо, отдал мне и с проводниками отпустил. Профессор находится теперь во одной деревне с ним Уцмием со всеми с ним захваченными людми, к коему я допущен для свидания был. Все задержанные днем ходят волно по деревни, а ночью к тому дому, в коем живут, приставляется караул.

До приезда моего еще к Уцмию, отправившихся отсюда для торгу в Дербент с товаром здешних жителей, тезиков Аличея Мамет Сеинова, Сейхана и Арсланбека Аджихановых и Кумачая захватил хайдацкой Усмий в баранту и имеющеися при них товары, семя канцелярнаго три пуда, краски брусковой двенадцать пуд, отобрав, запечатал своею и тезика Аличея печатми. Держа их три дня, потом объявил, чтоб от него ехали, а товар их оставил у себя: когда-же выпустит российских захваченных людей, то их товар в то время отдаст;

а ежели российские не выпустят, и их товар останется. И велел Усмии их проводить сыну своему Алибеку; а как в тот день выехать было не можно за наступлением ночи, почему Алибек уцмиев сын объявил тезикам, чтобы оне ночь переночевав, поехали поутру, с чем и остались в доме канака тех тизиков Усейн Алия, да и товар за печатью в доме ево ж находился. Но в ту ночь, тюки развязав, болшую часть из товара тезики с своим канаком отправили в Дербент. А по разсвете, как должно было им самим ехать, Усмий в то время прислал своего человека для осмотру товара, которой, увидя украденной, донес Уцмию. А Уцмий приказал тезиков за то бить палками. Потом повелел было Аличею выколоть один глаз, но толко по прошению ево узденя от того освобожден и содержится за то в железах. Принуждает их Уцмий, дабы отправленной воровски в Дербент товар неотменно возвротили. Но и в Дербенте сей привезенной товар отнял Фет-Али-хан и не отдает.

Будучи там от своих знакомцов слышал я, что первой Уцмию подвласной деревни, называемой Берекей, коя людми протчих силнее, старшины и народ, собрався, выговаривали Уцмию, что он чрез свои дурные поступки поссорился с дербенским Фет-Али-ханом, тарковским шемхалом, а потом и с Россиею. И естли де желает все то и разбойничать оставит, никово не будет обижать, так они ево своим владелцом почитать станут, а в противном случаи не хотят, почему из той деревни ево и с женами выслали вон.

IV.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру ротмистра терского войска Гарина. 11/II, 1774 г. (л. 47).

По повелению ва-го высок-дия посылан я был вообще терскаго войска с мурзами Батырь мурзою Акмурзиным и Джанбулатом Шейдяковым с командою яицкими казаками при есауле двадцатью и с терскаго пятью, да при мурзах было шесть узденей, для препровождения следующаго из Персии г-на професора и д-ра Гмелина. Отсюда отправясь, первее прибыли в Тарки, писмы в-го высокоб-ия подал шемхалу Муртазалию: он принял ласково и дал проводников. С ними доехали хайдацкаго Уцмия Амир Амзы до деревни, Терекеме называемой, но Уцмия тут не было, а находился в хуторах своих, почему я с мурзами и десетью казаками ездили к нему и также писмо

подал. Он весма принел ласково, дал до Дербента проводников, обещался и во обратной проезд безопаснее проводить. В Дербент по прибытии явились с писмом ваш-го выс-дия тамошнему наипу Мирзабеку. Он по прочтении приказал отвесть квартиры и сказал, когда с г-ном проф-ром изготовимся ехать, тогда б явились. Но на другой день после полден наип прислал к проф-ру, сказывая, якобы получил ханское письмо, и хан велел професору из Дербента выжжать. А он, будучи неготов, не по один раз от себя своего человека да и нас посылал к наипу с прозбою, чтобы дал время изготовится. Но он отказал и непременно велел ехать, сказал с тем, естли доброволно не выедем, а между тем хан пришлет повеление иттить ему с войском в Кубу, то не оставит нас в Дербенте, а с силою выгонит вон, и без всякаго провождение принуждены будем ехать. А теперь де сам проводит, да и к Уцмию писал, котораго сын Алибек на дороге с людми дожидается. Почему на третей день нашего приезда в полдни с професором из Дербента выехали и за пропровождением наипа доехали до урочища, называемаго Кефери, кое причитается в дачах Дербента. Тут встретился Уцмиев пошлинной сборщик Ферали с одним человеком и сказал, будто сам Уцмий и с сыном нас дожидались и не дождався, поехали к морю на охоту. Однако наип професора и нас проводить поручив ему, сам возвратился в Дербент. При чем приметили мы наип с Уцмиевым человеком все разговоривал, скрываясь от нас; а как нарочно из нас кто ближе к нему подъедит, то разговор переменяет, из чего начели мы принимать сумнение. И таким образом, растався с наипом, на дороге, не доезжая Уцмиевой деревни Берекей, как тракт лежит чрез нее, професор наперед меня с мурзами послал к Уцмию, дав ему в подарок несколко аршин сукна, и чтоб от него испросить проводников. Мы как приехали к Уцмию, он, не допустя нас к себе в покой, во окошко разговоривал и подарок принял и притом сказал, чтобы професор для свидание заехал к нему. Мы, пересказав сие, вообще уже с професором по приезде в оную деревню, были у Уцмия в доме, а команда ожидала на дороге, где, по многом от Уцмия приветствия, отпустил он професора и сам, чтоб ехали. Как только стали на лошадей садится, прибежал к нам Уцмиев человек и сказал, чтобы г-н професор нетолко ехать обождал, пока напишет Уцмий к в-му вы-дию писмо, котораго мы дожидались другаго дня до полден, ибо ночь переночевали, недоежжая сей деревни в другой, и по многой посылке от него

писма неполучали, а ответствовал Уцмий, чтоб в ево деревни переначевать, и выпускать не приказал. Где видя ево дурныя мысли, г-н професор во удовольствие подарить ему обещал часы, кои Уцмий не принял и приказал нас разставить по разным квартирам. Однако во осторожность остановились мы на одной. И как к квартире поехали. Уцмиевы люди весь професорской экипаж взяли на двор Уцмиев, с коего времени ни мы не были уже к Уцмию блиско допускаемы: а у квартиры при самом покое поставил с ружьями двенадцеть человек татар и не приказал никого выпускать, розтавя везде и по дорогам в болших партиях своих людей. Переначевав ночь, мне с мурзами и с казацкою камандою, недопуская к себе вблиз, приказал из деревни ехать, объявя, что професора не отпустит и будет содержать в баранте за ушедших, при раззорение Уцмиевскаго владения персидским Тамас-ханом, как еще он тогда и шахом не был, в Андреевскую деревню терекемейских татар и жидов двести семей, кои де принадлежат ему. Хотя сколь мы об отпуске проф-ра не просили, но все не преуспело. На последок не хотели мы отстать от професора, то Уцмий приказал с мурзами и казаками [удержав толко при професоре яицкаго есаула с четырью казаками, да трех из бывших с професором гребенских казаков, ево экспедиции дву студентов и професорского служителя, а еще вообще с нами ехавших армян, трех астраханских, одного кизлярского и дву тефлисских прикащиков здешних армян], насилно выгнать, причем приказал Уцмий и писмо на имя в-го высок-дия, кое при сем подносим. Таким образом будучи выгнанными, оставя его проф-сора с вышезначущими людьми, прибыли в Тарки, объявили о сем Шехалу. А он сказал, что Уцмий с ним не в согласии, и ничего ему сделать не может. Из команды-ж яицких казаков один Василей Кулаков, при выезде из Дербента, бежал и остался там, кой был природою из персиан.

V.

Перевод писем к кизлярскому коменданту Штендеру от: 1. кайтагского владельца уцмий-хана Амира-Амзы (л. 41), *и 2. тарковского шамхала Муртаз-Али* (л. 41). *S. d.*

1. Чрез сие писмо вашего выс-бл-ию уведомя, изъясняюсь что ежели между нами и вами продолжается доброжелателное союзство, то находятся наших двести дворов терекеменцов и с восемдесят дворов жидов в подвластной вашей Андреевской деревне, почему я людей

российских и удержал единственно ради подвластных наших людей. И ежели вы тех наших подчиненных изволите выслать, то и мы вашего посланца отпустим. А как я до сего времени имел терпение, но толко ползы от того ничего не получил, чем же я виновен, что подвластных моих удерживаете. Но толко естли между нами и Андреевской деревнею есть какие споры, про то мы сами ведаем и обойтись можем, а о сем деле с Андреевскою деревнею нимало нужды не имею. А как оная состоит под повелением вашим и во всем вам покорна и из повеления вашего не выйдет, почему тех наших подчиненных требуем от вас. А до сего времени проезжающим вашим делая из единаго доброжелательства пропуски, но толко никакой ползы не получил. Итак, ежели желание наше исполните, то и впредь то ж самое оказывать не оставлю; а ежели не пожелаете исполнить, то власть вашего высоко-б-дия, о своем деле я сам могу знать.

2. С дружеским вашим писмом мурзы Батыр и Канбулат Шендяковы и ротмистр Горин с командою прибыли, как следовало, до Дербента, которых по доброжелателской моей должности до надлежащаго места доставил благополучно. А как во время возвращения оттуда хайдацкой владелец Уцмий им причинил такое неистовство, о чем и вашему высокоб-дию известно будет. А сей Уцмий всегда со мною и с братом моим кубинским Фетх-Али-ханом продолжает несогласие, хотя он собою далняго дела учинить и не может, но толко такие неистовства причинять не оставляет. И вашему высокоб-дию известно, что сей Уцмий такой человек натуралистой, невзирающей ни на кого и не состоящей под властию нашею. А как наивсегда сколко мог я усердностью услуги делать вам, и впредь помощию божиею то ж самое оказывать непремину.

VI.

Рапорт в Коллегию Инностранных Дел кизлярского комендагта Штендера. 1/III 1774 г. (л. 45).

Бывшей в Персии Имп. Академ. Наук и Волнаго Экономич. Об-ва член, медицыни и фелософии доктор и одной физической экспедицы главной предводитель, г-н проф. Гмелин из Баки чрез нарочнаго присланным сюда генваря 23 числа с. г. сообщением дал знать, что по порученной ему экспедиции должность требует, окончав по восточному берегу Каспицкаго моря путешествие, сухим путем чрез Персию в Рос-

сию возвратится, и требовал о присылке к нему, для препровождения до здешняго места, в Дербент канвоя. Но как никаких известей ко опасному ему проезду ни было, в сем случаи испросил я от г-на генерал-порутчика и ков-ра Ивана Федоровича Демедема при есауле двадцать яицкаго войска казаков, присовокупя к ним и из здешняго терскаго войска при ротмистре Горине, и еще откомандировал к лутчему препровожению дву мурз Батыря Акмурзина и Канбулата Шендякова. Всех их отправил в Дербент, кои прибыли туда благополучно, но из Дербента тамошним наипом Мирзабеком професор, а с ним и команда высланы усилно. Напоследок по прибытии в деревню хайдацкаго Уцмия професор с частию команды и шесть человек купцов, тут-же ехавшие, задержаны как Гос. Кол-ия изволит усмотреть ис подносящихся при сем копей с доезда ротмистра Горина и с писма Уцмиева. А причину задержания почитает Уцмий за состоящих теперь у андреевцов терекеменских татар и жидов, перешедших еще при разорении хайдацкаго владения персидским Надыршахом, требуя их к себе. Я тогда ж, дав о сем знать г-ну генерал-порутчику, послал нарочнаго призвать сюда андреевских владелцов, а между тем и Уцмию писал, что ему захватывать за постороннее дело не следовало, а надлежит разбиратся в том с андреевцами, просил о выпуске професора, дав знать при том, естли не выпустит, не оставлю донесть выс-шему всеросс-му двору, где оное сочтется за неудовольствие и оставлено так не будет. О чем и г-н генерал-порутчик от себя к нему писал, однако и по тому Уцмий не освободил никого, как усмотритца из влагаемой здесь-же копии с доездом Мурзы Канбулата Шендякова и ответнаго Уцмиева писма, а еще между тем захватил здешних жителей четерех человек тезиков с товаром и намерен всех проезжающих захватывать.

По моему призыву андреевские владелцы Темир Хамзин с сыном Казием Аджи Муртузали Чепаном и костьковской капитан Хамза Алишев, как сюда прибыли, я им сделанное Уцмием объявил. Напротив того отозвались все они, что терекемейцы и жиды перешли к ним сами и теперь возвратится не желают, да и им отдать не можно, хотя все себе примут смерть, толко непочему не отдадут. Однако, по увещеванию, сняли на себя, чтоб им того професора со всею командою выручить, ибо казанышевской владелец Тишис Бамат родственик Темиру Хамзину, а ему Уцмий, а еще женгутейской владелец Али Солтан весма знакомы и одну все трое между себя имеют присягу,

с коими Темир хотел ехать сам к Уцмию и всеми мерами постаратся о выпуске от него задержанных. А когда и за тем не освободит, то довесть до того, чтобы подкрепляющие Уцмия владелцы от него отстали, а по бессилию принудить, с чем все они, кроме Темирова толко сына, отправились. Но как последнее Уцмиева писмо получено послее отъезда их, то я андреевских владелцов и уведомил, что он желает с ними вступить в разбирателство. Что ж по тому произойдет, донесть Госуд-ной Коллегии Иностранных Дел не премину. Естлиж и по всему тому его проф-ра с командою не выпустит, то что учинить прошу меня высокою резолюцпею не оставить. А чтоб и еще более в его руки попадать не могли никто из российско-подданных купцов и служащих, сухим путем в Персию пропускаем не будет, в чем от меня с копиею с сего и Госуд-ной Военной Коллегии донесено.

VII.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского комендanта Штендера. Апрель; без числа (л. 52).

При указе Е. И. В-ва из оной астраханской губернской канцелярии от 7-го нынешняго месяца присланы ко мне, по случаю задержаннаго хайдацким Уцмием Амир Амзою следующаго из Персии г-на професора Гмелина с командою, ко Уцмию запечатанное в конверте писмо и в подарок ему алаго сукна восимь аршин, столко-ж золотаго штофа, да трем ево узденям по четыре аршина сукна, и еще писма кубинскому и дербенскому Фетх-Али-хану, тарковскому шемхалу Муртазалию, ево брату буйнакскому владелцу Бамату. И предписано мне, по ближайшему к Уцмию пребыванию, о высвобождении ево професора, по разсмотрению, всеусильнейшие употребить прозбы, и склонить к тому свойственников ево Уцмия и дружелюбцов, а о произшествии губернской канцелярии давать знать; те-ж писма и подарки отправить без промедления. Я, исполняя губернской канцелярии повеление, хотя и не оставил все то с нарочным надежным человеком к Уцмию и к прочим доставить, но, как астраханская губернская канцелярия из отправленнаго от меня в Государственную Коллегию Иностранных Дел рапорта, копиею оной губернской канцелярии от 2 марта досланнаго, предвидела, что Уцмий задержал ево професора с протчими в баранту за почитаемую в претензию на подданных Е. И. В. андреевских и костековском владелцах, требуя к себе

у них находящихся терекемейских татар и жидов, кои перешли не от одного Уцмиевскаго владения, а из разных мест по своей воле в давних летах, напротив того подданные владелцы, не признавая принадлежащими их ко отдаче, и ни почему отдавать не хотят. Однако по увещеванию моему согласились старатца ево професора с командою выручить и употребить в том способы чрез своего родственика, а Уцмия болшаго приятеля, и во общественной присяге находящегося казанышевскаго владелца Тишис Бамата; с тем, быв здесь, отправясь, посылали к нему, которой обещался старатца. Однако я и еще посылал нарочнаго к лутчему увещеванию к ним майора Киреева, которой по возврате каков подал доезд с него астраханской губернской канцелярии, подношу копию. А при том имею честь донесть, что я разсылкою как подарков, так и писем удержался до усмотрения обстоятельств, на чем положат андреевские владелцы с Тисизом, дабы разсылкою неиспортить их предприятие ибо андреевские владелцы за частые посылки напоминавеней несколко негодуют, поставляя себя в том задержании не притчиною. И совсем было отказывались, но я, всеми ласкательствами уговаривая, их ввожу, чтобы они к сему делу более приступили. По каковым обстоятельствам и г-н генерал-порутчик и ковалер Иван Феодорович Демедем изволил, апробовав удержание разсылкою писем и подарков, предписать мне не посылать до повеления его. Почему я и употреблял все меры к скорейшему исполнению в выручении професора, смотря по известным и астраханской губернской канцелярии о здешнем крае нынешним обстоятельствам. А о произшествии и впредь доносить не премину.

VIII.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру майора терского войска Киреева. Март; без числа (л. 54).

Во исполнение вашего высокобл-дия повеления, ездил я в Андреевскую деревню для соглашения тамошних владелцов на скорейшее выручение задержаннаго хайдацким Уцмием Амир-Амзою следующаго из Персии г-на проф-ра Гмелина с командою. Прибыв в Андрееву деревню, писмо вашего высокобл-дия в собрании владелцу Темиру Хамзину, как старшему, подал, при чем были Хамза Алишев, Алисолтан Канбулатов и андреевские старики; владелцов-же Андемира Баматова и Аджи Муртазали Чепанова в то время в деревне не бы-

ло, а находились в аулах. Темир, по прочтении писма, сперва хотя и говорил, что со здешней стороны видно де хотят их к выручению принуждать силою, в чем они ни мало невинны, а как де здесь будучи, обещались в том старатся, то и не оставят. Напоследок соглась, послал от себя Темир нарочнаго узденя к казанышевскому владелцу Тисис Бамату, дабы он к нему приехал; обещался с ним посоветывав, с тем положить, чтоб он, как с Уцмием находится в дружеском обществе, а им родственик, то и согласил Уцмия професора со всеми отпустить; а когда не отпустит от ево общества б отказался ибо де они принуждены будут и с своими, кои есть, неприятелями премириться и тем Уцмия на выпуск, сколь будет их возможности, принуждать. Я, подкрепя его Темира разными увещаниями к точному исполнению в скорейшем выручении, взяв и ответное писмо, возвратился. И надеюсь нынешней день от Тисис Бамата посланной возвратился, или и сам он в Андрееву деревню приехал. А Темир обнадежил, что будет происходить, давать вашему высокобл-дию знать...

IX.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера. 16/IV 1774 г. (л. 57).

Хайдацкий Уцмий Амир-Амза чрез студента свиты задержаннаго им г-на професора каково прислал ко мне писмо, а другое тарковской шемхал, с них с переводов астраханской губернской канцелярии подношу копию, из коих губернская канцелярия усмотрит, Уцмий требует скорейшаго исполнения его желания, а без того и выпустить не хочет. Шемхал пишет, чтобы Уцмию требуемых им за выпуск професора тридцети тысячь рублев не давать; и естли де андреевцы и аксаевцы будут с ним согласны, то обещается привесть оное дело ко окончанию. Но как Уцмий ничего мне о денгах не пишет, а казанышевской владелец Тишис Бамат, видясь с андреевскими владелцами, по их, особливо по прошению старшаго Темира Хамзина, поехал к Уцмию и обещался в выручении професора старатца, о чем губернская канцелярия из отправленной пред сим от меня при рапорте копии с доезда дворенина Филатова предвидела, почему шемхалу и ответствовал я, что Уцмий от меня денег не требует и никогда ему за господина професора, ниже за терекеменцов, не отдатутца, прося при том употребить и с своей стороны ему в выручении старание,

обнадеживая высочайшею милостью. Студент же объявил мне, что Уцмий професору выговаривал, естли терекеменцов и жидов, им требуемых, нелзя отдать, то он их продает государыне за тридцать тысячь рублев, коих по получении и професора выпустит. На оное со ответнаго Уцмию моего писма подношу при сем копию, которое отправил я от себя с нарочным ротмистром.

Между тем из задержанных Уцмием вообще с г-ном професором один армянин, астраханской мещанин Петрос Восканов, по выпущению, прибыл сюда и объявил, что Тишис Бамат находитца у Уцмия; хотя он Уцмия о выпуске професора и просил, которой ответствовал, якобы ожидает отсюда присылки тридцети тысячь; обещал и ему из них уделить, с чем Тесиз по отъезде его остался у Уцмия. В сем случаи посланному и на словах приказал я Уцмию, по пристойности, без огорчения выговорить, дабы сию надежду неимел, и денег он не получит, а просить единственно об освобождении професора со всеми.

X.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера. 19/V 1774 г. (л. 65).

От 17 апреля * сего года астраханской губернской канцелярии имел я честь донесть, с копиями с писем от хайдакскаго Уцмия Амир Амзы и от меня к нему с ответнаго, о задержанном им г-не професоре Гмелине, и что казанышевской владелец Тисис Бамат отправился к нему Уцмию со обещанием старатца в выручении професора. Однако и по тому ничего полезнаго не произошло, как усмотритца из присланных от Уцмия, тарковскаго шемхала и здешних подданных владелцов писем, а равно и с трех доездов от посыланных от меня нарочных. Хотя я Уцмию ответное на ево писмо и отправил было с нарочным от себя, однако, по опасности проезда, буйнакской владелец, не допустя посланнаго до Уцмия, возвратил сюда. Напоследок же, по соглашению с г-ном генерал-порутчиком и ковалером Ив. Фед. Демедемом, призваны были сюда андреевской владелец Темир Хамзин и костековской Хамза Алишев, с коих какова взята присяга о лутчем их старании в выручении ево професора, с нее астраханской губернской канцелярии подношу при сем копию. При чем и они отсюда отправились, а чтоб они точно к женгутейскому владелцу поехали и

* Sic. от 16 апреля?

настоящим образом старались, посылается нарочно господин секунд-майор князь Черкасской. А г-н генерал-порутчик предписал мне на разведание тамошних обстоятелств и к посылке и получению таковых известей шпионов на подарки оным и на приласкание, дабы охотнее в том упражнятца могли, выдать ему Черкасскому денег сто пятдесят рублев, как де без того ничего точнаго, по известности уже сего народа к лакомству, получить неможно, которое ему из здешних доходов серебреною манетою на щет Государственной Коллегии Иностранных Дел чрезвычайных расходов и выданы.

XI.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру ротмистра терского войска Павла Батырева. 8/V 1774 г. (л. 68).

В-м высок-дием посылан я был в Аксаевскую и Андреевскую деревню к тамошним владелцам с писмами. По отбытии отсюда, прибыв в Костек, при свидании владелец и капитан Хамза Алишев о задержанном г-не проф-ре сказал, что был он Хамза, андреевской владелец Темир Хамзин, казанышевской Тисис Бамат и женгутейской Али-солтан во одном собрании в деревне Качкалык, где Тисис требовал от Темира и от Хамзы в помощь людей против тарковскаго шемхала, а естли на оное согласятся, и професор будет освобожден. Однако они, по несогласию на то, разъехались. О протчих же кумыках сказал, по нынешним обстоятелствам, и что эхо носится, будто совокупными силами от крымцов с кабардинцами Моздок атакован. Надежды на них мало, чтобы к здешней стороне были доброжелателны. А более велел об обстоятелствах сих спросить андреевскаго Темира Хамзина, с чем я от него отправясь, прибыл к Темиру. Письмо ваше вручил; он его прочетши, объявил о том-же бывшем съезде, при коем де будучи, Тисис Бамат требовал от него и от Хамзы уверения, чтоб в случаи востребования дано было от них ему и Уцмию, кой желает зделать вообще нападение на шемхала, потребное число войска, по чему, естли уверит, то професор нимало медля воспустится. Но они на сие не согласясь, разъехались, ибо де он ему и прежде помогал, где убит ево сын, а теперь по нынешним обстоятелствам, как слышно, крымцы, кабардинцы, чеченцы и другие им союзные горцы, согласясь, намеряются нападать на здешние места, а как-бы им от них не быть разореными, и надобно людем, по опасности сей, находится

в домех; сверх-же и без воли России онаго учинить не может, почему более и предает на разсмотрение в-го выс-дия. От него вышед, был у своего знакомца, которой мне сказывал, назад тому с две недели приезжал в Андреевскую деревню чеченской бекей Аджи, привозя с собой от кабардинских владелцов писмо, присланное на имя ево, с подзывом во общее противу России злодейство, объявляя несколким людям, сказывал притом, кабардинцами де Моздок атакован, и все чеченцы, ожидая болшего прибытия их войск, состоят к нападению в готовности, будут ли и они на то согласны. Однако андреевцы отказались, с чем он и возвратился. Он же сказывал, Темир послал от себя нарочнаго для призыва из живущих в горах согласных с андреевцами народов, называемых салатовцов, лутчих людей, для какого совета, неизвестно. Послее, к лутчему сего испытанию, был я у Темира, о сем кратко объявя, его спрашивал, на что он ответствовал, бекей де Аджи был у него Темира и сказывал будто приехал для своего дела; а от людей своих слышел Темир то ж, что и знакомец мой мне пересказывал. Однако Темир уверял, андреевцы на такое предложение не согласятся. Что ж следует салатовцов, они призываются для некотораго между аксайцами и с Айдемиром Баматовым в спорах разобрания, которые в каждой раз к сим разбирателствам призываются; а о вредных обстоятелствах, естли б оказались, обещался всегда доносить в-му в-дию; дав мне два письма, от себя отпустил. О бывшем же разговоре у Темира с Тесизом и посторонним образом слышел, что он точно происходил, как Темир сказывал. Потом, прибыв в Аксаевскую деревню, писмо ваше первее вручил владелцу Элдархану Салтамамутову. Он, по прочтению, выговорил, пред сим всеми аксайскими владелцами призываны были, по писмам в-го в-дия, показуемые горячевцом, здесь содержащимся, Мисирбием участные в воровстве лошадей из под Калиновой станицы горячевцы. Но они в том запираются, а потому требуют его Мисирбия к себе в присылку для изобличения показуемых им воров, обязуясь, естли изобличит их, то лошадей без отговорок ими взятых отдать, зачем бы и прислать с ним горячевцом отсюда нарочнаго. А когда будет невероятно, обещаются прислать вместо ево другаго, на что и требует от вас уведомления. Причем, написав писмо, послал со мною своего узденя ко всем владелцам, которые все то же, что и Элдар, сказали и к тому писму печати свои приложили. Ево я получа в свои руки, был еще у Элдархана, спрашивал о кабардинских обращениях.

Он призвал владелца Адиля узденя Джавая Анзаурова, которой прибыл из Кабарды назад тому с три дни, а сей сказывал, что кабардинцы с молодыми владелческими детми, пред сим собрався человек сот до пяти, поехали прямо к Моздоку для отгона скота или что удастся, а он по отъезде их третей день будучи начлегом на дороге, слышел пушечные выстрелы в Моздоке и что происходило, не знает; толко де кабардинцы ожидают прибытия крымских войск с артиллериею, зачем и далнаго нападения чинить не осмеливаются, да и чеченцы в том-же намерении состоят. Кабардинцы все теперь, по опасности от России, внутри гор хлеба сеют.

Будучи в дороге, имел ночлег в аксаевском Казановом ауле. В ту самую ночь, приехав, один из близь к Терку кочующих аулов татарин, объявляя всем, чтобы кочевали далее в лес, ибо де казаки приехав, в их хутора, скот отбивая, стреляют, а почему, незнает. Однако я их удержал, уговоря как они невинны, им ничего не сделается, с чем они и остались. Об опасной заразителной болезни, чтобы где была, известия нет, а везде обстоит благополучно.

XII.

Письма к кизлярскому коменданту Штендеру от андреевского владельца Темира Хамзина и костековского—капитана Хамзы Алишева. Май; без числа (л. 70).

1. Чрез сие в-му высокородию объявляю, что о задержанном вашем человеке Уцмием с Тишис Баматом я неоднократно говорил, которой обще с женгутейским владелцом Али Солтаном напоследок мне ответствовал, что они професора могут выручать от Уцмия, естли я буду им с своею силою помогать против их неприятеля тарковскаго шемхала, и в том требуют от меня обязательство. И по такому ево ответу от него я отстал и ответствовал ему, что я прежде сего по ево сродству с шемхалом сделался злодеем и воевал, где убили моего сына, отогнали лошадиной табун, также побили несколко наших людей и захватили товар; тогда я старался для ево братства, а не кем чрез захват баранту принуждаем не был. А ныне чрез баранту принуждает к себе на помочь, чего мне сделать совсем невозможно; и с шемхалом возобновить злодейство не в состоянии, потому что чрез то проезжающим подвластным нашим сделаетца не малая остановка. С таким ответом от Тишиз Бамата и отстал.

2. Ваше высокородие чрез сие уведомляю, что Типсис Бамат, женгутейской Али Салтан с нами вместе разговаривали. Оне объявляют, что естли как андреевцы и костековцы к ним с силою будут помоществовать, тогда они могут професора выбросить от Уцмия. На что мы ответствовали им, когда они наперед выручат ево, а потом мы против неприятеля их им вспомоществовать будем. Ежели они российских людей не выручат, то вовсе с ними братство иметь не будем. Которые, обнадеживая нас в том, и поехали. Теперь мы ожидаем от них на то ответа.

XIII.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру ротмистра терского войска Павла Батырева. 15/V 1774 г. (л. 71).

От в-его высокоб-дия посылан я был в писмами к андреевскому и костековскому владелцам. Отсюда отправясь, прибыв в Андреевскую деревню, пришел к владелцу Темиру Хамзину, застал тут владелцов костековскаго Хамзу Алишева, аксаевских Элдархана Салтамамутова, Алхаса Капланова, Бамат Расланбекова, горских чиркеевских и салатовских, а еще, им подвластных горских народов старшин и кадыев, коих было человек до ста, которых собрание было и советывали для прекращения происходившаго ими воровства. При чем положили с воров взыскивать штрафы, за неспособное по дороговизне хлеба и противное их закону признали высиживание вина, тут же оное запретили и разломали у всех кубы. Во время сего собрания приехали два андреевских и один аксаевской подвластные татара, бывшие в войске аварскаго хана, сказывали, что аварскаго хана собранное войско, по неудовольствию от него отошед, пристали к кубинскому и дербенскому Фетх-Али-хану, а он, со всеми пришед к Шемахе, атаковав, ею овладел. А аварской принел покорность, Фетх-Али-хана призвав в свою полатку; сделали между собою согласие, чтоб быть в братецком дружелюбии. Но как толко от него Фетх-Али-хан вышел, велел из войска людем, обрезав у полатки вериовки, тут хана убить, что учинено, и он убит. Фетх-Али-хан остался в Шемахе. Сие выслушав, все, как уже свое дело окончили, разъехались по своим местам, а я владелцам Темиру и Хамзе писмы подал, по коим они ответствовали. Хамза обещался по приезде в свой дом, убрався, сюда вскоре прибыть, для чего я с ним и казака отправил. А Темир, хотя де он не-

сколко и нездоров, однако, но как теперь обстоятелствы настоят вредные для здешней стороны, дабы не было и нашего сумнения, ехать не отзывается. Я ж, саглашая на сие ево, что по верности к России доброжелатства он призывается, поощрил, почему сюда он и приехал. Аксаевской Элдархан мне сказывал, их де аулной татарин, возвратившейся с Кубани, бывшей там для своей нужды, ему обявил, что крымские войски, которых весма многа при Калге солтане, находятся по реке Барсуклы, в урочище Абазагой; будто к нему прислано из Табана и двенатцеть пушек. Отгуда ж находящейся хан пишет к Калге, что он не в повеленное ему место следует, а надлежит итьти в Крым и выгнать российские войски, и чтобы находящейся тут с Калгаю турецкой хан возвратился. Элдар мне велел еще донесть: теперь третей тому день, владелец Адиль с своими узденями поехал в Кабарду, для чего, незнает, представляя при том, что он к России не верен. Андреевской владелец Муртузали Аджи сказывал, по бытности ево в Чечнях, видел собравшихся партиею чеченцов, человеках стах в шести, сказывая, что едут в Малую Кабарду на злодейство однако примечателно де в российские границы; и слышел подлинно, было хотели напасть на Макенской фортпост, где спросившаго их, что куда едут, товлинскаго владелца Хаспулата Алибекова, в чаянии, яко России даст о них знать, били, разбив ему голову, отнели ружье и лошадь.

XIV.

Присяга андреевского и костековского владельцев Темира Хамзина и Хамзы Алишева. 17/V 1774 г. (л. 72).

Мы, нижеподписавшиеся андреевской и костековской владелцы, Темир Хамзин и Хамза Алишев, в присутствии г-на генерал-порутчика и ковалера Демедема, кизлярскаго коменданта и ковалера ж Штендера, пример-майора Фромголта и секунд-майора ж князя Черкасскаго, пред всемогущим Богом и пред кураном кленемся в том, что мы должны задерженного хайдацким владелцом Уцми Амир Амзою следующаго из Персии росискаго человека и с имеющеюся при нем камандою, чрез посредство женгутейскаго и казанышевскаго владелцов Тисис Бамата, к которому мы имеем сами в дом немедленно следовать, и Али Салтана, как мы с ними в одной присяге находимся, выручить, и в Кизляр без всякой опасности доставить. А естли они на

сие не согласятся, то мы тае обязателную между собою с ними присягу нарушаем и никогда оною себя не обязывать, и с ними не сообщатся, а отстать должны, а сообщится к их неприятелем имеем, и будем противу их действовать оружием. А естли мы сие пренебрежем, то подвергаем себя амафиме, и да свержет нас Бог во ад к диаволу, а сверх того подвергаем и высочайшему Е. И. В. всероссийской государыни себя гневу и всеконечному разорению. Во уверение чего целуем куран и прилагаем печати.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Предварительное сообщение о Мцхетской „Антиохии" *.

(Извлечение из материалов экспедиции 1922 года и последующих поездок).

Вводная заметка. Памятник, которому посвящена настоящая работа, не является совершенной новинкой—он уже давно зарегистрирован в кавказоведной литературе, но именно только зарегистрирован. Среди дошедших надземных сооружений Мцхета незначительная по размерам, не имеющая надписей и богатого декора, полузаброшенная „Антиохия" до сих пор совершенно не была описана; касавшиеся памятника авторы отмечали его существование, отводя ему, в общем, только лишь несколько беглых строк, как напр. Бросее [1], Бакрадзе [2], Натроев [3] и др. [4]. Судя по ходу описания соответствующего места путешествия, Муравьев также уделяет „Антиохии" несколько слов, но приводит ее под другим наименованием [5].

Изучение этого интересного произведения древне-грузинского зодчества, столь легко доступного для обследования и совершенно незаслуженно находившегося до сих пор в тени, было выдвинуто в последние годы и включено в ряд очередных работ КИАИ по исследованию и фиксации памятников Мцхетского района; тем более, что она,

* Читан на Собрании ученых членов КИАИ 24/VIII, 1925 г.

[1] *M. Brosset,* Voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. 2-e livraison, SPB. 1850. I Rapp., p. 22.

[2] *Дм. Бакрадзе,* Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства,—„Зап. О-ва Люб. Кавк. Археологіи", кн. I, Тфл. 1875, стр. 129 (см. „Самтаврскій храмъ").

[3] *А. Натроевъ,* Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели, Тфл. 1901, стр. 23.

[4] Напр. в примечани к переводу Географии Грузии Вахушта (Зап. КОРГО, кн. XXIV, в. 4, стр. 69, прим. 272), *М. Джанашвили* отмечает, среди других „развалин" Мцхета, и „Антиохию".

[5] [*А. Муравьевъ*], Грузія и Арменія, ч. I. С.П.Б. 1848, стр. 266 (под именем „церкви Ѳаворской").

в связи с сооружением плотины строющейся гидро-электрической станции, находится под угрозой оказаться в сфере воздействия поднятых вод Арагвы. Ниже приводятся краткие информационные сведения о результатах, достигнутых в указанном направлении.

О работах экспедиции 1922 г. [6]. В марте 1922 г. КИАИ была сорганизована экспедиция в район Мцхета. Поездка продолжалась с 11-го по 19-е число, причем некоторые участники, вследствие ограниченности средств, могли пробыть на работах только часть указанного времени и, по выполнении взятых на себя определенных специальных заданий, незамедлительно вернулись в Тифлис. В *состав экспедиции* входили: 1) автор настоящего сообщения, бывший инициатором этого предприятия КИАИ; 2) член-корреспондент РАН Г. Ф. Церетели, приглашенный для занятий по греческой эпиграфике; 3) художник-академик Е. Е. Лансере (ныне член-сотрудник КИАИ), принявший на себя выполнение рисунков и акварелей; 4) состоявший тогда ассистентом Археологического Отдела Музея Грузии, студ. Ш. Я. Амиранашвили, имевший, главным образом, задание по описанию росписи т. н. „столпа“ в Мцхетском соборе; 5) к командированным И-том вышепоименованным лицам присоединились, за свой счет, две бывш. слушательницы Закавказского У-та, члены-сотрудницы Кавк. Отд. Моск. Арх. О-ва Н. Н. Блэйк и Н. Н. Васильева, пожелавшие поработать над местными памятниками древности.

Краткий *дневник* поездки: 11/III—переезд во Мцхет на арбе по Военно-Грузинской дороге (вследствие затруднений с получением жел.-дор. билетов) и начало работ, которые велись беспрерывно в самом Мцхете 12, 13 и 14-го всеми участниками экспедиции; 15/III—экскурсия в Шио-Мгвимский монастырь, осуществленная всем составом экспедиции, кроме Е. Е. Лансере, продолжавшего зарисовку намеченных памятников во Мцхете; 16/III—Г. Ф. Церетели, Ш. Я. Амиранашвили, Н. Н. Блэйк и Н. Н. Васильева заканчивали свои работы во Мцхете и совершили экскурсию в церковь св. Креста; я и Е. Е. Лансере продолжали начатые описания и зарисовки; 17/III—часть участников экспедиции утром отбыла в Тифлис;

[6] Заслушано, как часть доклада „Предварительное сообщение о научной экспедиции в район Мцхета в марте 1922 г. с приложением материалов к обследованию Армазского монастырища“, читанного 22/V, 1922 г. на соединенном заседании Кавк. Отд. Моск. Археолог. О-ва (прот. № 131) и этнограф. секции Кавк. Отд. Русск. Географ. О-ва.

во Мцхете остались я и Е. Е. Лансере—утром работали в Самт'аврском монастыре, а с полудня и до вечера провели экскурсию в Армаз-и; 18/III—заканчивались работы во Мцхете; 19/III—возвращение в Тифлис.

В результате проведенных тогда работ экспедиция собрала научные материалы, из коих отмечаются следующие важнейшие: 1) проф. Г. Ф. Церетели прочитал и списал греческие надписи на фресках Мцхетского собора „Свэти-цховел-и"; дополнительно к записям было снято и несколько кальковых прорисей для палеографической характеристики этих эпиграфических памятников; в Шио-Мг'вимской пустыни им были обследованы начертания греческих букв на фрагментах замечательной алтарной резной преграды в Предтеченской церкви; 2) мною составлены описания—А) фрагментов единой своеобразной росписи главного Самт'аврского храма, Б) различных обрывков стенописей уцелевших в „Свети-цховел-и", В) вновь по первоисточнику проверено и дополнено описание Армазского монастырища (первоначально мною обследованного 15/Х 1920 г. по личному приглашению Л. М. Меликсет-Бекова в связи с новой, в то время, проработкой им монографии „Армазы") и взяты промеры для схематического плана комплекса церковных сооружений обители, и Г) начато обследование Мцхетской „Антиохии"; 3) Ш. Я. Амиранашвили работал, главным образом, над изучением и описанием росписи т. н. „столпа" в соборе, а также был занят обследованием древних развалин жилых (т. н. „дворец католикоса") и крепостных построек, находящихся близ „Свети-цховел-и" и чтением и списыванием некоторых грузинских и восточных надписей; 4) Е. Е. Лансере исполнил для кабинета искусств КИАИ—А) эскизную прорись фресковой композиции на Ю. стене кафоликона собора („всякое дыхание да хвалит господа"), Б) небольшую акварельную копию части алтарной росписи Самт'аврского храма, В) подцвеченный акварелью рисунок (и графическую кальку с него—см. рис. 1-й на стр. 163) В. фасада (с ложа Арагвы) Мцхетской „Антиохии", Г) 3 детали резных по камню фрагментов, вошедших в кладку перестраивавшихся частей „Антиохии" (и графические кальки с них—см. рис. 2 и 3-й на стр. 166), Д) акварельные копии (в уменьшенном масштабе; и графическую кальку с них) обрывков орнаментальных лент, уцелевших от росписи в Армазской церкви и Е) З. фасад (с С.-З. угла) этого-же здания; 5) Н. Н. Блэйк и Н. Н. Васильева работали, по преимуществу, над об-

мерами плана Мцхетской „Антиохии"; собранные ими материалы поступили в распоряжение КИАИ.

О дальнейших работах. Как видно из вышеприведенного предварительного отчета о работах экспедиции 1922 г., именно тогда уже был собран ряд материалов, частично непосредственно использованных в настоящем сообщении (рисунки Е. Е. Лансере), частью-же легших в основание дальнейшего изучения памятника. Так, для подготовлявшегося к изданию, но до сих пор за отсутствием средств не обнародованного сборника материалов, добытых экспедицией 1922 г., был вычерчен в карандаше план „Антиохии" по обмерам Н. Н. Блэйк и Н. Н. Васильевой; для пополнения недостававших некоторых промеров последняя еше раз весной того-же года побывала во Мцхете и дополнительно работала в „Антиохии".

Как уже отмечалось во вступительных строках, внимание КИАИ вновь было обращено на „Антиохию" вследствие намечающейся угрозы для целости и сохранности некоторых памятников Мцхетского района при поднятии уровня вод Арагвы (по окончании работ ЗАГЭС'а над возведением плотины), ибо указанная постройка, лежащая на самом берегу реки, должна будет непременно оказаться в опасном положении. Решено было по возможности точно и подробно зафиксировать памятник — снять, дополнительно к имевшемуся уже плану, подробные обмеры для разрезов и С. фасада и зафотографировать другие фасады и отдельные части здания снаружи и внутри. И на этот раз крайняя ограниченность средств на научные предприятия, коими располагал И-т, не позволила быстро и в полной мере осуществить намеченную программу; только текущим летом архит. М. Г. Калашников, в сотрудничестве с помощником В. Б. Фогелем, смог закончить обмеры и сдать чистовые чертежи, в количестве шести, каковые ныне и публикуются на табл. V—IX. Также только нынешним летом начата фот. В. А. Порошиным засъемка „Антиохии"; из числа изготовленных уже фотографий взяты материалы, помещенные на табл. IV. В связи с указанными работами и мною было перед первоисточником просмотрено и значительно дополнено описание „Антиохии", сделанное первоначально, в числе других заметок, во время экспедиции 1922 г.

Краткие общие сведения. В селении Мцхет, раскинувшемся теперь на территории былой столицы В. Грузии, еще стоит мало кому

известный, полузаброшенный и медленно разрушающийся памятник древне-грузинского зодчества, слывущий в устах местного населения под наименованием „Антиохии“ (ანტიოქია). Будучи расположена на крайнем В. мыску, вдающемся в ложе Арагвы близ самого слияния ее с Курой, эта руина находится на отшибе (см. табл. IV, фиг. 2) в одном из самых глухих углов поселения.

Запущенное, оставленное на произвол судьбы строение использовывается мцхетцами то как сарай или саманник, то как хлев. Стены и особенно своды, прикрытые в целом ряде участков еще держащимися полями штукатурки, густо закопчены дымом костров, каковые и по сей день раскладываются при случае. В общем, сравнительно, *сохранность* сооружения в его теперешнем виде довольно удовлетворительна: в целом оно еще прочно, хотя в различных частях более или менее значительно фрагментировано. Особенное опасение вызывает С.-В. угол, висящий, как то видно на прилагаемых иллюстрациях (см. рис. 1; табл. IV, фиг. 2; табл. VI), без подпоры, вследствие обвала угловой доли цоколя. Покрытие обобрано и запущенные своды текут; местами уже намечается размывание.

Мцхетская „Антиохия“ представляет из себя сложный комплекс разновременно возникших, местами перестроенных и чиненных, а местами погибших сооружений. Так, от главной *средней части*, некогда занимавшей центральное положение на небольшом плато в С.-В. участке указанного ранее мыска (см. табл. IV, фиг. 2), в настоящее время уцелели в доступном для обозрения виде (без предварительных раскопок): 1) остатки апсидальной субструкции (см. рис. 1), которые прилепились к скале, обращенной крутым склоном к руслу Арагвы, откуда ясно различимы несколько рядов кладки; апсида была выступающая, не вписанная в общий четырехугольник плана; 2) почти полностью С. стена и примыкающий к ней обрывок З-ой; кладка здесь характерная — из чередующихся рядов голышей и кирпичных прослоек (см. табл. IV, фиг. 4); указанные фрагменты постройки местами сохранились до высоты начала пят короба (изнутри, с юга) и карниза (с С., см. табл. VI и VII); на плане (см. табл. V) эти стены показаны контурной обводкой без отштриховки. Вышеотмеченная средняя часть „Антиохии“, нуждающаяся для своего доследования в раскопках, затрагивается в предлежащей работе лишь мимоходом — в связи с обследованием сооружений, дошедших в лучшей сохранности. Эти последние состоят из двух основных долей: 1) восточной,

являвшейся некогда С. приделом, и 2) западной, пристроенной к нему в притул, и представляющей из себя преддверие, осложненное поздней надстройкой.

Северный придел, расположенный на С.-В. окраине плато (см. табл. IV, фиг. 2), представляет из себя небольшую, однонефную, одноапсидную базиличку (см. табл. V—IX); В. стена прямая; вход один —с З. (доступ через пристройку); окон два—одно по В. фасаду, другое в З. доле С-й стены; окна по своему типу резко отличаются друг от друга. Апсида перекрыта ложковидной конхой с подковообразной триумфальной аркой (см. табл. VII—IX). Свод кафоликона (полуцилиндрический короб) имеет одну вяжущую или подпружную арку довольно мятых форм. Крыша, как то обычно принято в грузинской архитектуре применительно к боковым пристройкам, была односкатная (с наклоном к С.); это ясно видно на В. фасаде, сохранившем свой карниз почти полностью (см. табл. IV, фиг. 2 и рис. 1); за то же говорят и значительные участки подкровельной забутовки, на которой лежала черепица (см. табл. VI и IX, разрез по KL).

Переходя к описанию *фасадов*, необходимо предварительно оговориться: придел, пристроенный в притык Ю. своей стеною к некогда существовавшей средней большей части сооружений, имел их три: В., С. и З.; с Ю. стороны наличен сейчас лишь небольшой заплечик (см. табл. V и IV, фиг. 4); З. фасад в настоящее время заслонен пристройкой. Таким образом, только два остальных вполне доступны обозрению и фиксации.

Цоколь сохранился не полностью, да и дошедшие его части более или менее сильно фрагментированы (см. табл. V и VI—С. фасад; рис. 1 и табл. IV, фиг. 2—В. фасад); гибель С.-В., как уже отмечалось, заставляет опасаться за целость опиравшихся на него участков стен. По дошедшим частям можно установить, что цоколь был выведен в один ряд кладки.

Восточный фасад ассиметричен: односкатность крыши и придвинутость оконного отверстия несколько к югу обуславливают отмеченное положение (см. рис. 1 и табл. IV, фиг. 2). Апсидальное окно, в плане правильно размещенное по продольной оси внутреннего помещения (ср. табл. V и IX, разрез по KL), оказалось по фасаду не посредине, вследствие неодинаковой толщины продольных стен. О характере нынешнего обрамления окна, являющегося, несомненно, позд-

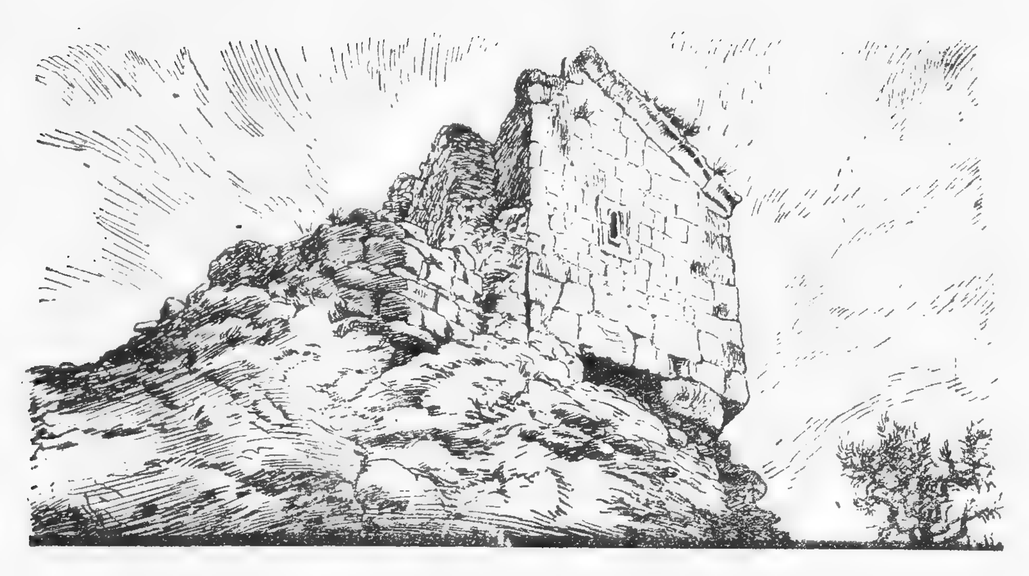

Рис. Е. Е. Лансере.

Мцхетская Антиохия (მცხეთის ანტიოქია). Рис. 1. Вид В. фасада с ложа Арагвы.

нейшей переделкой, говорится ниже—при описании внутренних частей этой детали (см. стр. 164). Здесь лишь отмечу, что оконное отверстие специально обделано зеленоватым камнем, в коем высечен грубоватый и малоискусный наличник бедного профиля. Весь этот фасад так-же, как и остальные, имеет облицовку из тесаного камня; характер отдельных плит, их отделка и способ кладки позволяют высказаться в пользу установки наличия здесь следов перекладок и починок, что особенно заметно в верхних и средних участках стены, С.-В. угол здания выведен не по отвесу—он скашивается кверху (см. табл. IV, фиг. 2).

Северный фасад в облицовке так-же, как В. и др., носит следы переделок и исправлений. Единственное окно, лежащее в 3-й части, лишено каких-бы то ни было украшений.

Западный фасад, в доступной для обозрения доле, выходит во внутреннее помещение преддверия, где и служит В. стеною. Он имеет дверь, перекрытую снаружи (равно как и изнутри) большим каменным блоком. Дверь не имеет никаких украшений.

Внутри базиличка архитектурно расчленяется на две доли— апсиду и четырехугольное в плане помещение; вокруг этого последнего обходит ступенька из тесаного камня, причем в В. участке она значительно шире и снабжена посредине выступом (см. табл. V).

Здесь, примыкая к С. стене (см. табл. V, VIII и IX, разрез по KL), еще на своем месте стоит фрагмент алтарной преграды. В апсиде престол не сохранился, но, вероятно, основанием ему служила большая каменная плита (с гнездовиной), врытая несколько отступя от стены (близ окна).

Все стены внутри, исключая видимой в пролетах Ю-й сдвоенной арки (см. ниже, стр. 165), выложены из тесаного камня, достоинство обработки коего не всюду одинаково. Заметно, несмотря на обрывки штукатурки и общую закопченность, что кладка во многих местах перебитая и путаная, главным образом в З. доле постройки. Коробовый свод, перекрывающий кафоликон, особенно плохо доступен обследованию по тем-же причинам, да еще осложненным частичным размыванием; насколько возможно рассмотреть до расчистки, он не весь выведен из тесаного камня, т. к. в бутовой заливке в верхних замковых участках наблюдаются голыши и рваные камни.

Апсида (см. табл. V, VII, VIII и IX, разрез по KL), как уже отмечалось, перекрыта, западающей несколько над своею пятой в общую толщу стены, ложковидной конхой, выведенной в соответствии с подковообразной формой триумфальной арки. Эта последняя в С. доле опирается на капительку заплечика, а в Ю.—на консольный небольшой камень; арка здесь как-бы вдавливается в стену, вследствие того, что Ю. заплечик использован для упора пяты В. арки Ю-й стены. С. заплечик и капителька его венчающая дошли в посредственной сохранности—здесь камни пооббиты и оплыли. Капителька была, как видно, без резных украшений; профиль намечается в форме двойной подушки с плавно выбранным углублением перехода. Ю. доля апсиды пострадала значительнее: весь низ переложен местами во время старинной починки, местами в новейшее время, когда грубейшим образом была заложена дыра, противолежащая низкой нишке (выведена специальным сводиком), которая находится в смежной стене средней части сооружений. Во время старинного ремонта в виде базы Ю. заплечика был использован резной фрагмент (см. рис. 3 и табл. VII), вмазанный в кладку без подгонки (ср. с положением резных обломков в арочке С. окна; см. стр. 167). Апсида в нижних частях стен имеет две небольшие нишки, из коих Ю. не вполне сохранилась.

Восточное окно снаружи заложено или как-бы прикрыто поздней тонкой плитой с узким небольшим отверстием; древняя-же оконная нишка может быть осмотрена только изнутри строения: сравни-

тельно высокая, при значительной ширине, она имеет почти параллельные боковые простенки; позднейший ремонт, уже по вкусам иного времени, уменьшил величину оконного отверстия и вмазал крутой, покатый книзу подоконник (см. табл. V, VII, VIII и IX, разрез по KL, а также табл. IV, фиг. 1). Здесь-же следует отметить, что стоящий на солее и смотрящий в апсидальное окно видит расположенный как раз напротив, на другом берегу Арагвы, весь Джварис-Сак'-дар-и; этот рассчет зодчего еще яснее был выявлен тогда, когда окно имело первоначальный широкий пролет.

Южная стена придела, примыкающая к вышеотмеченной С. стене средней части сооружений, строена в притул; конструктивный прием, здесь примененный, весьма часто встречается в различных вариантах в аналогично построенных памятниках местного зодчества: к уже существующей стене прислоняется столб или пилястра (или ряд их), служащий опорой арочек, перекинутых также в притул, а над аркатурой кладется уже сплошная стена, являющаяся основанием свода (см. табл. VII). Шов притыка вполне ясно различим по В. фасаду (см. рис. 1 и табл. IV, фиг. 2); внутри-же в пролетах арок налична стена средней части сооружений (табл. V, VII и IX, разрез по KL). Обе эти арки, сложенные из хорошо обработанных и подогнанных тесаных камней,—подковообразной формы; В. пята В-й арки упирается в Ю. апсидальный заплечик, несколько вдаваясь в его простенок; основанием для соседящих пят этих арок служит невысокая четырехугольная в плане пилястра или столб, состоящий из коротких каменных блоков, завершенных кубовой без отделки капителью; сохранность этой последней посредственная (побита и частично деформирована); З. пята З-й арки, аналогично пяте в простенке Ю. апсидального заплечика, лежит на небольшом консольном камне, запущенном в кладку стены. Основание подпружной арки короба лежит над указанным столбом—чуть выше линии расхождения сдвоенных арок, что линейно дает впечатление сгармонированной связности общей вертикали, отвечающей симметричной детали противолежащей стены.

Северная стена (см. табл. VIII) разбита на две доли сдвоенной полуколонкой, высеченной на 3 каменных блоках; из них два нижних имеют на стволах полуколонок симметричные прорезки, сходящиеся по линии соприкосновения стволов таким образом, что уголки. образующиеся от встречи наклонных линий, обращены кверху. Эта отделка полуколонок резко обрывается по шву—верхняя треть

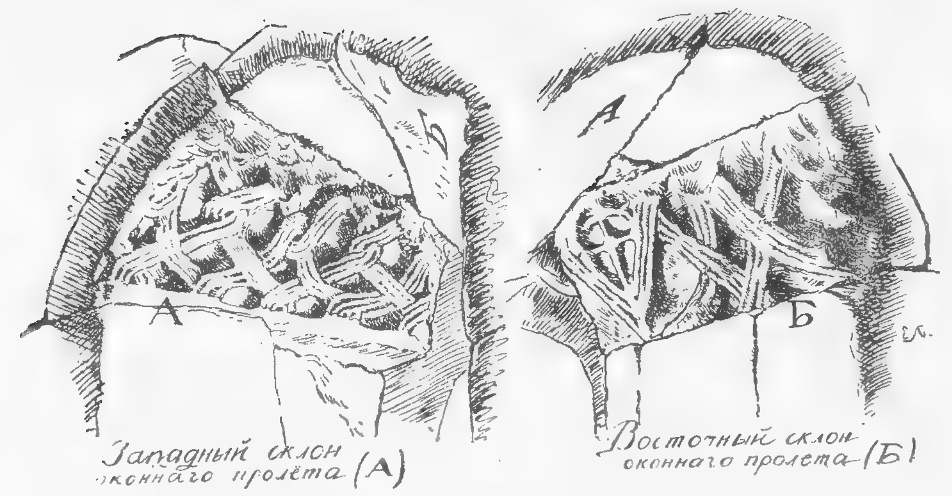

Рис. Е. Е. Лансере.

Рис. 2. Детали С. окна. Резные фрагменты.

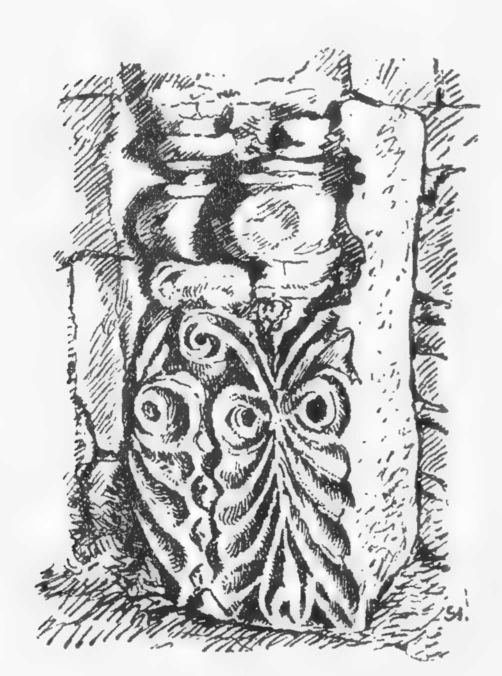

Рис. Е. Е Лансере.

Рис. 3. Низ Ю. апсидального заплечика. Резной фрагмент.

стволов гладкая. Над полуколонками кубовая капитель (простых форм. без резьбы), служащая основанием С. склона коробовой подпружины.

В. половина этой стены глухая, ровно выведенная. З.-же доля, имеющая окно, перебитой кладки, косит расширяясь к западу.

Северное окно придела чрезвычайно характерно и по форме и по использованному частично материалу. По фасаду (см. табл. VI) оно узкое вытянутое; наличник составляют две плиты без украшений. Внутри помещения оконная нишка значительно расширяется: подоконник с уклоном книзу (табл. V и VIII). Пролет перекрыт арочкой, сложенной из 3 каменных плит; две из них являются кое-как подогнанными (частично оббитыми и подтесаными) фрагментами резных архитектурных деталей—орнаментальных полос различных узоров (см. рис. 2); так как плиты изготовлены были первоначально совершенно для иного назначения (повидимому, это обломки карнизов), то при новом теперешнем их использовании строителю пришлось для заполнения замковой доли арочки ввести еще клиновидный небрежно подогнанный камень (ук. рис. 2 и табл. VIII). Отмеченные фрагменты и по составу орнаментальных мотивов (основной—различные виды сложной, многоременной, дробной плетенки) и по манере выполнения (неглубокий двуплановый рельеф мелочной и несколько суховатой работы) должны быть отнесены к эпохе зрелого грузинского средневековья, давно уже отошедшего от живых переживаний до-арабского периода. Наличие в кладке вышеприведенных резных обломков следует сопоставить с ранее указанным применением еще одного скульптурного фрагмента, вмазанного при починке Ю. апсидального заплечика (см. стр. 164).

Западная пристройка (см. табл. V—VIII и IX, разрез по MN, а также табл. IV, фиг. 3 и 4). Сооружение это состоит из двух частей: 1) нижнего помещения, пристроенного в притул к З. фасаду С. придела и служащего ему преддверием (კარიბჭე) и 2) верхней поздней надстройки.

Преддверие в *плане* дает не вполне правильный четырехугольник. Внутри обходит понизу стены невысокая и неширокая ступенька. *Вход* с С. стороны; некогда он занимал почти всю ширину С. фасада, открываясь сдвоенной аркой, разделенной столбом, имеющим крестообразное сечение в плане. В. часть В. арки и ее упор были повреждены, а в настоящее время весь этот В. пролет входа грубо заложен

позднеи стенкой мешанной кладки, с двумя малыми неискусно выведенными оконцами (табл. V—показано перекрещивающейся штриховкой; см. табл. VI и VIII). Упор З. склона З. арки также сильно поврежден, равно как и С.-З. угол здания; эти места стоят без починок. *Западный фасад* в настоящее время глухой, но некогда он имел небольшое узкое окно, позднее заложенное (часть наружной закладки выпала) тесаным камнем (см. табл. V и VI, фиг. 3); извнутри оконце было перекрыто поставленными под углом плитами (см. табл. IX, разрез по MN). *Южный фасад* совершенно глухой; он непосредственно примыкает и Ю.-З. углу придела, являясь продолжением его Ю. заплечика; шов притыка, показывающий выпуклину Ю.-З. угла придела, различим в натуре вполне ясно (см. табл. IV, фиг. 4). Все *стены* снаружи (равно как и внутри) имеют облицовку из тесаного камня; внутри бутовая заливка; местами в ряды кладки наружной облицовки введены кусочки плоской черепицы (?) или кирпича (?), но только в тех местах, где кладку нужно было доточать очень плоским небольшим куском. Облицовочная наружная кладка завершается обходящим поверху выпуклым *пояском*, состоящим из двойного валика, между долями коего проходит плоская полоска с небольшим углубленным в толщу камня ровчачком.

Перекрытие З. пристройки выполнено в виде ломанного короба с осью с В. на З.; подперт свод тремя вяжущими арками, из коих две примыкают к люнетам З. и В. стен, а одна расположена примерно посредине. З. арка, несколько облегченного типа, имеет основания, прямо запущенные в толщу продольных стен (табл. IX, разрез по MN). Две других на Ю. склоне опираются на консольные разнотипные камни, а на С. средняя подпружина переходит линейно в Ю. грань столба, В.-же утратила свое основание (см. табл. VII и VIII).

Надстройка, не сохранившая никаких следов перекрытия, помещена вторым этажем над З. пристройкой. Выведена она грубой, мешанной (кирпич, рваный камень, голыши и отдельные плиты тесаного камня, повидимому, взятые из других построек) кладкой. Внутри углы несколько сглажены, как бы закруглены. По трем лицевым фасадам имеются небольшие узкие оконца, почти все полностью сохранившиеся. Некоторые из них были гораздо шире, но потом (судя по характеру кладки в ближайшее-же время) частично по сторонам заложены настолько, что приобрели вид бойниц; впрочем, кроме широких оконных отверстий, первоначально были устроены и узкие вроде бойниц.

Общие заключительные замечания. Обращаясь к анализу разновременных частей и отдельных наслоений, наличных в „Антиохии“, должно прежде всего выделить основное *древнее ядро*. Таковым, по моему мнению, являются те части С. придела, которые сохранили в большей или меньшей степени (небольшие починки) старинную кладку: это—апсида почти полностью (кроме Ю. угла), арки Ю. стены и В. доля С. стены. На плане (см. табл. V) указанные места показаны сплошной косой отштриховкой. Конечно, как то отмечено при описании фасадов, наружная облицовка здесь значительно переложена. Характерными, позволяющими установить эпоху возникновения памятника, деталями здесь являются: конха с триумфальной аркой, апсидальное окно (без наружной плиты—на плане не заштрихована, см. табл. V), капитель С. заплечика и арки Ю. стены. Совокупность перечисленных черт сооружения относит таковое к древнейшему периоду грузинского зодчества—к эпохе до установления зрелого средневекового стиля.

Капитальный ремонт,—захвативший преимущественно З. долю С. придела (на плане показан рваной отштриховкой) и во время которого, как то можно предполагать на основании сравнительного изучения техники выполнения наружной и внутренней облицовки, была переложена и большая часть кладки фасадов,—датируется использованием резных фрагментов (Ю. апсидальный заплечик и С. окно), типом С. окна и манерой выведения постройки. Он мог быть произведен не ранее конца эпохи зрелого средневековья и притом в период явного упадка строительного искусства, когда даже небольшой, сравнительно, ремонт представлял для зодчего затруднения. Время это—бедное художественными силами: ни наличники окон, ни карнизы не орнаментированы. Памятники подобной строительной деятельности в В. Грузии характерны для смутной и тяжелой переходной эпохи с конца монгольского периода и до времени окончательного утверждения влияния поздне-персидской архитектуры, ярко сказавшегося на большинстве зданий, построенных во времена политического господства Сефевидов и их преемников.

Западная пристройка, возникшая после окончания вышеотмеченного ремонта (строена в притул к З. фасаду С. придела), по характеру кладки и общему типу стройки должна быть отнесена к кругу памятников той-же после-монгольской эпохи, хотя и имеет ряд типичных особенностей, говорящих о несколько отличном течении или-

же о хронологически более или менее заметном отстоянии этих двух архитектурных работ друг от друга.

Совершенно особое место в общем комплексе сооружений „Антиохии“ занимает *надстройка* над преддверием. Она и по способу кладки, и по назначению резко выделяется от других частей всего состава памятника. Как я полагаю, перед нами одно из тех древних, никакого отношения к крепостному зодчеству не имевших, зданий, которые в смутную эпоху лезгинских набегов и постоянных междоусобиц конечной эпохи грузинского царства были использованы для целей самозащиты. Как теперь окончательно выясняется по архивным материалам (описания и чертежи архит. Рипарда в делах Синодальной Конторы), даже большие и высокочтимые храмы, каковы Цилканский и Самт'ависский, были снабжены брустверами, выведенными на их кровлях. Развалины Баны и до сих пор сохранили такие надстройки.

Среди памятников зодчества во Мцхете, „Антиохия“ занимает определенное и заслуживающее внимания место. В древнейшей своей части это единственный, сохранившийся на территории древней столицы, образчик раннего местного строительства, культово связанного с почитанием Джварис-Сак'дар-и (разбивка апсидального окна). Древними переживаниями отдает и самое наименование „Антиохия“, заставляющее вспомнить „сирофильский“ период грузинской культуры. Последующие эпохи наложили ряд наслоений, отражающих каждое свое время. Заброшенный, доступный всестороннему изучению памятник не скрывает своего прошлого; подобной наглядности уже невозможно найти в других мцхетских, гораздо более величественных и знаменитых зданиях, „капитально“ заремонтированных в прошлом и в начале текущего столетия. В ближайшее же время необходимо раскопками и расчисткой окончательно доследовать „Антиохию“, пока поднятые на нужды гидроэлектрической станции воды Арагвы еще не подточили ее.

Дмитрий Гордеев

Тифлис, 1925 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
47	1 снизу	I. de Morgan	J. de Morgan
52	13 сверху	քաղաքի	քաղա|քի
67	20 „	իւրոյ	իրո
69	12 снизу	97, 98, 96	97, 98, 99
70	15 „	XXIV, II etc.	XXXIV, II etc.
74	15 сверху	зодчестве	зодчество
78	12 „	бэз	без
79	9 „	рамбическим	ромбическим
„	1 снизу	населенной	насеченной
80	10 сверху	ни	но
81	11 снизу	груглые	круглые
87	13 сверху	К. Э. Лиозен	Э. К. Лиозен
92	15 „	сешествия	сошествия
96	17—18 снизу	[Владикавказ]	[Тифлис], 1879
„	14 снизу	1896	1895
105	11 сверху	достаточна	достаточно
107	7 „	наколяется	накаляется
108	8 „	ровном	равном
121	10 сверху	так-же	также
122	17—18 снизу	сооружения остатки	сооружения — остатки
„	18—19 „	костьями	костями
129	7 снизу	перевести	перевезти
133	5 „	вывести	вывезти
134	1 сверху	перевести	перевезти
137	1 снизу	обозначаются	обозначаются
140	7 сверху	*нежинсного*	*нежинского*
145	8 снизу	*Инностранных*	*Иностранных*
157	12 „	она	оно
158	1 сверху	строющеейся	строющейся
159	2 снизу	церкви	церкви,
160	18 сверху	самок	самом
163	11 „	стены,	стены;
167	4 „	косит	косит,

Aufnahme Th. Kühne.

Goldsachen und anderes aus dem Funde von Sargweschi (სარგვეში). (Siehe S. 84—85).

1.

2.

Aufnahme Th. Kühne.

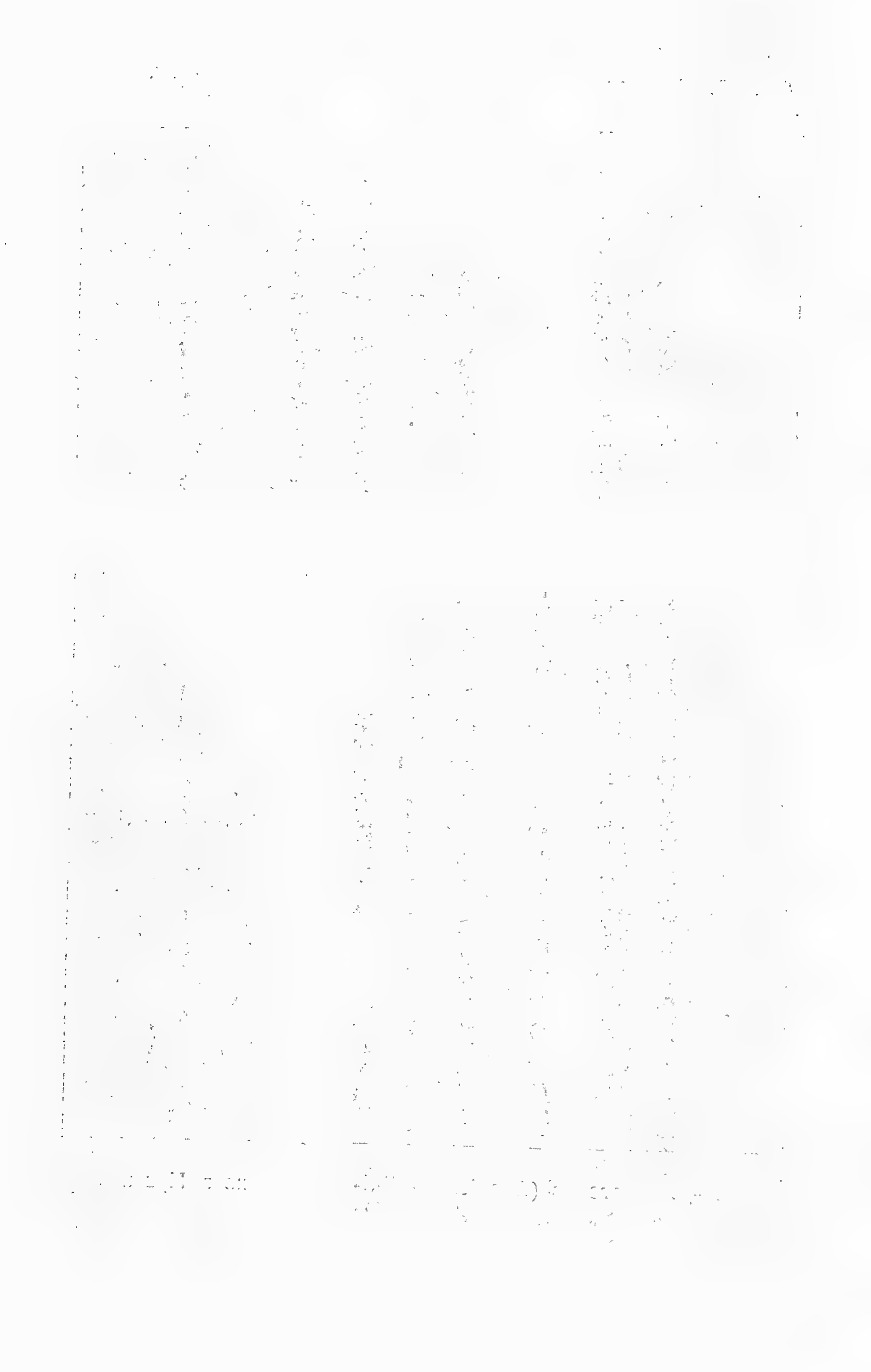
Die Silberschale des Fundes von Sargweschi (სარგვეში). (Siehe S. 84—86).

М-рь апостолов (Арак'елоц—Առաքելոց) близ г. Муша.

Резная дверь 1134 г. (см. стр. 129 и сл.).

1

2

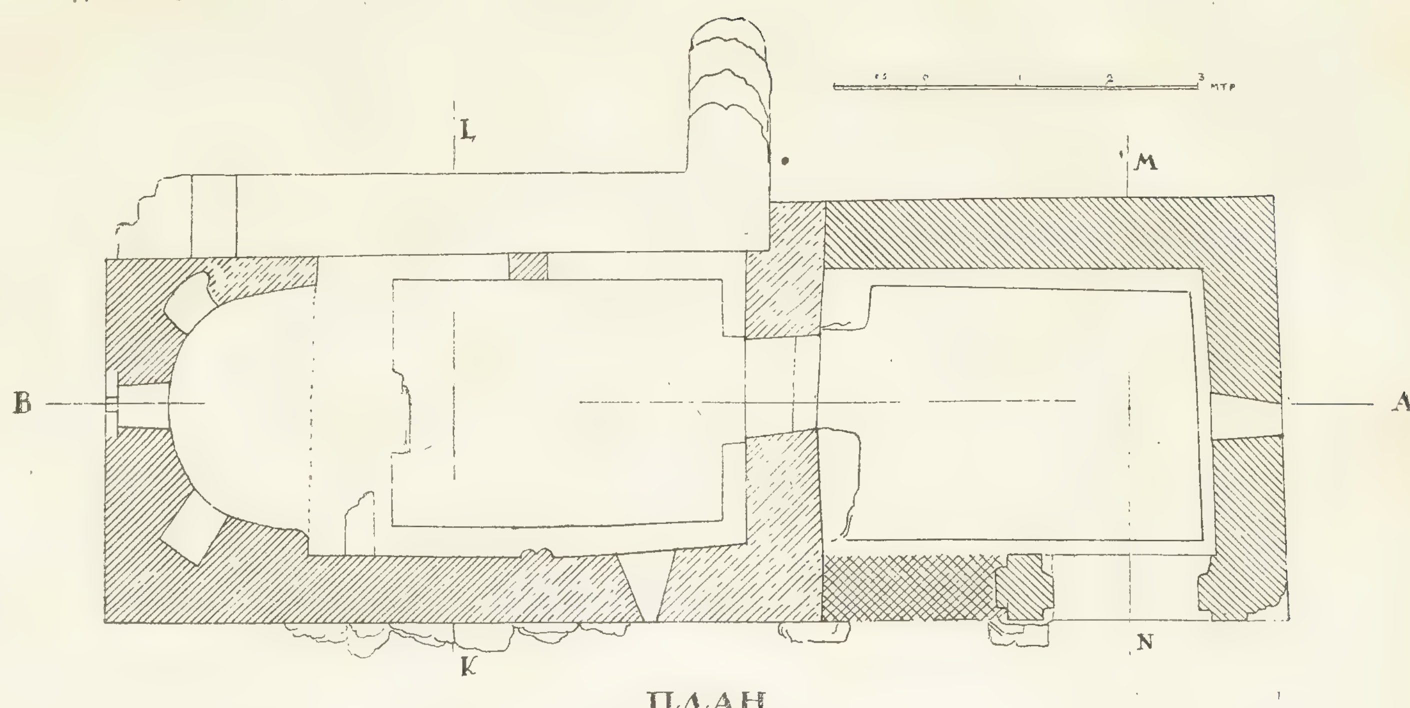
3

4

Фот. В. А. Порошина.

Мцхетская Антиохия (მცხეთის ანტიოქია).

Фиг. 1. Деталь апсидального окна (см. стр. 162 и 164); **фиг. 2.** Общий вид плато, на котором находится „Антиохия“, с ложа Арагвы (см. стр. 161 и 162); **фиг. 3.** Западн. фасад пристройки (см. стр. 168); **фиг. 4.** Деталь южного фасада (см. стр. 161 и 168).

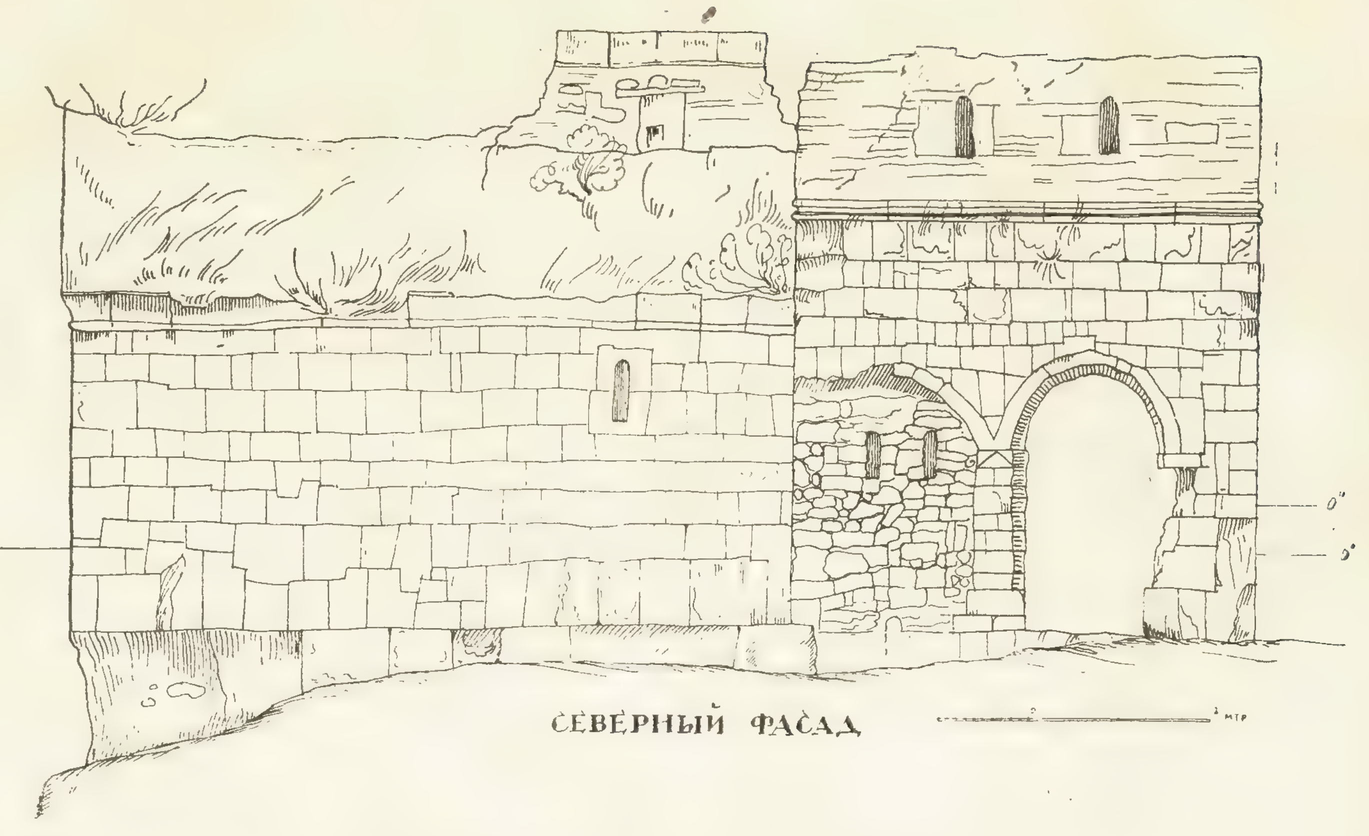

ПЛАН

Обмер и чертеж М. Г. Калашникова.

Мцхетская „Антиохия“ (მცხეთის ანტიოქია).

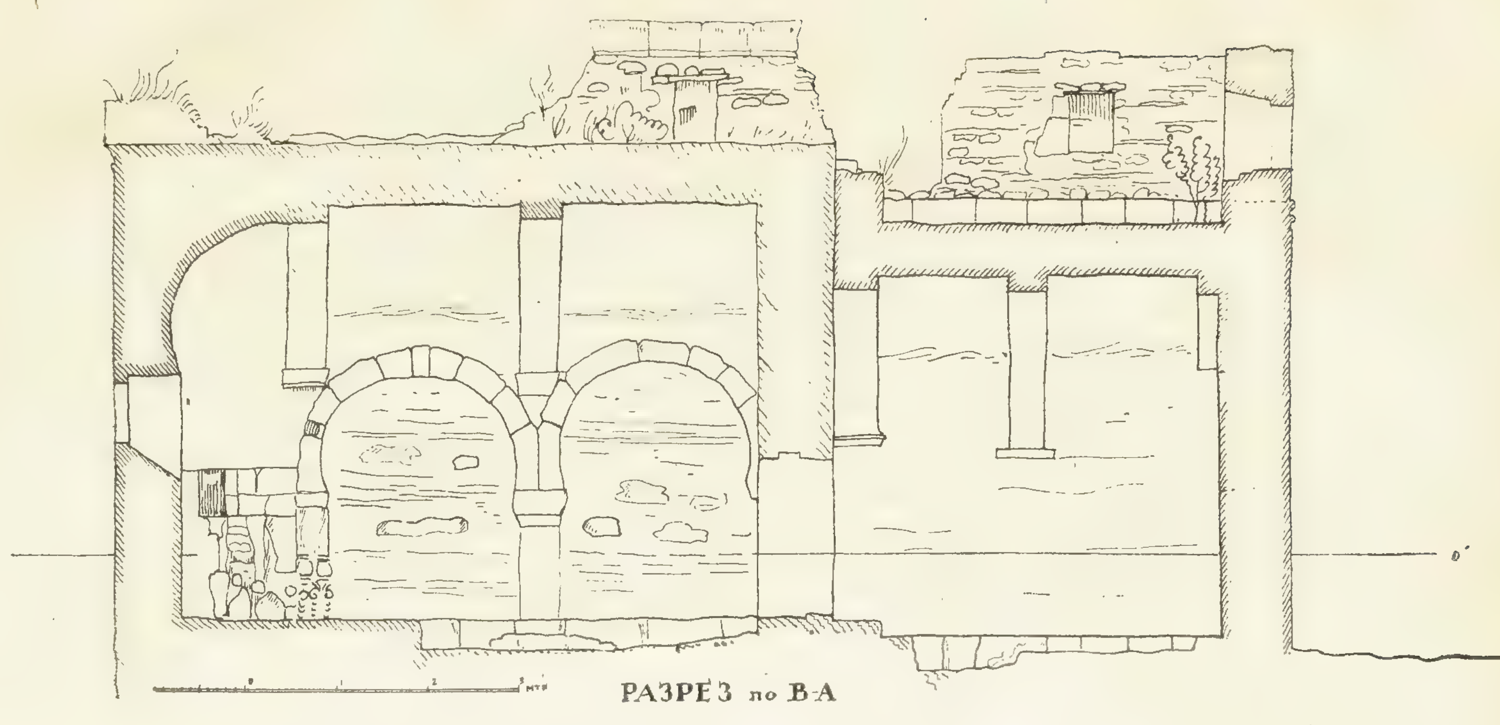
План (см. стр. 161—164 и 167).

Обмер и чертеж М. Г. Калашникова.

Мцхетская „Антиохия“ (მცხეთის ანტიოქია).

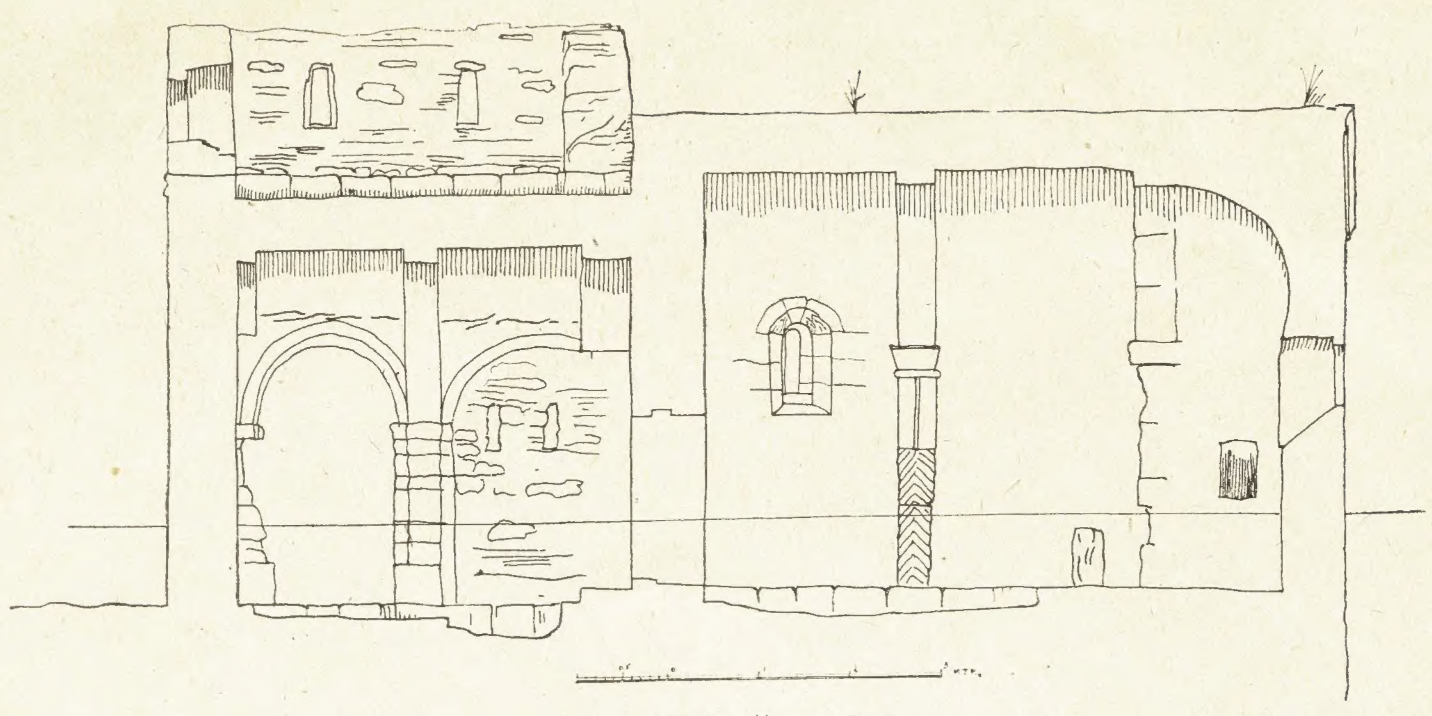
Северный фасад (см. стр. 163 и 167).

Обмер и чертеж М. Г. Калашникова.

Мцхетская „Антиохия“ (მცხეთის ანტიოქია).

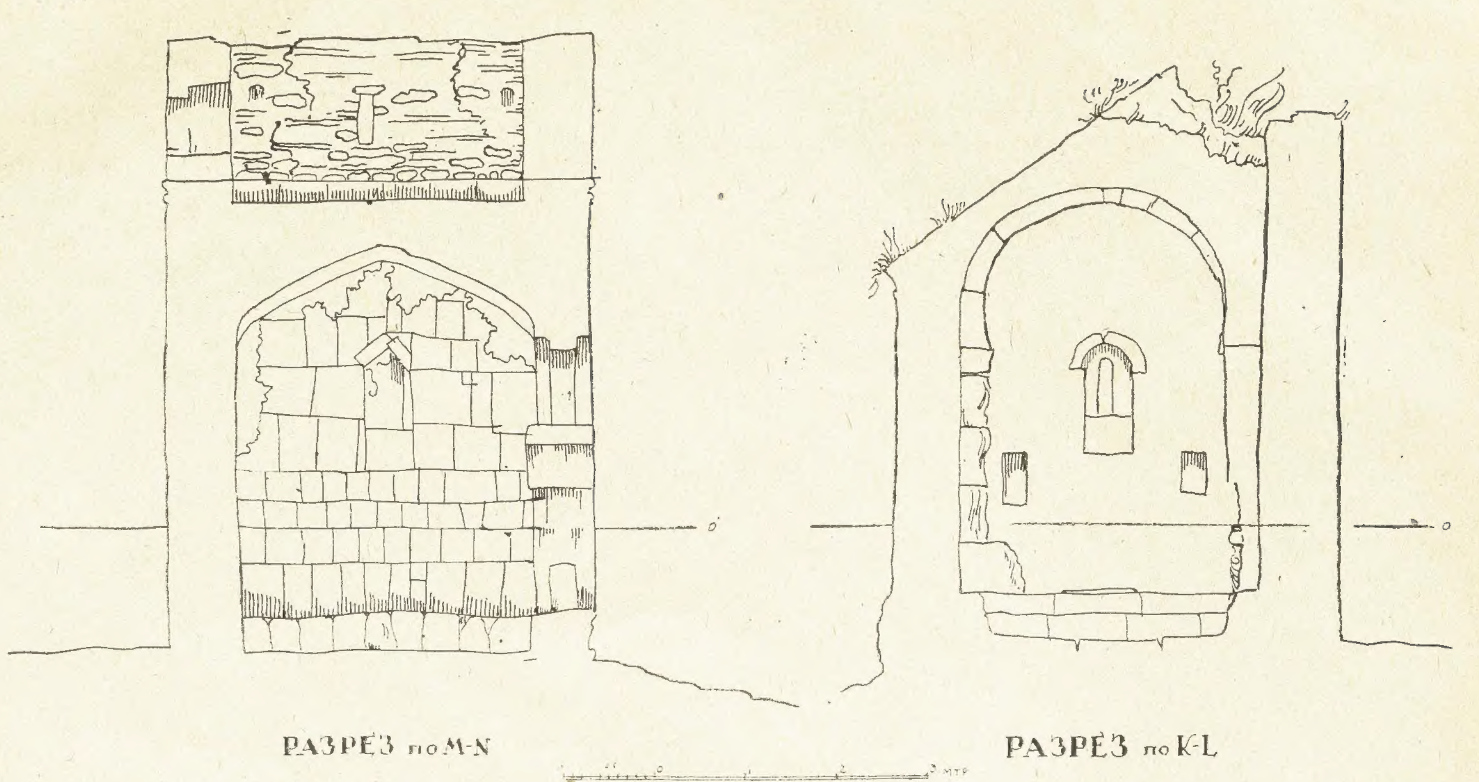
Продольный разрез со взглядом на юг (см. стр. 164, 165 и 168).

Обмер и чертеж М. Г. Калашникова.

Мцхетская „Антиохия“ (მცხეთის ანტიოქია).

Продольный разрез со взглядом на север (см. стр. 164, 165 и 168).

Обмер и чертеж М. Г. Калашникова.

Мцхетская „Антиохия“ (მცხეთის ანტიოქია).

Поперечные разрезы: а) северного придела со взглядом на апсиду (см. стр. 164) и б) западной пристройки со взглядом на запад (см. стр. 168).

He